



ДИАНА ГЭБЛДОН



ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Королевские войны

Диана Гэблдон
Путешественница
Серия «Чужестранка», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3944745
Путешественница: Домино, Эксмо; М., СПб.; 2011
ISBN 978-5-699-55006-7

Аннотация

Это сага, которая завоевала сердца миллионов читателей во всем мире.

Это сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время.

Это сага о женщине, которая, оказавшись в совершенно непостижимой ситуации, нашла в себе силы и мужество противостоять обстоятельствам.

Двадцать лет назад Клэр Рэндолл, используя магию древнего каменного круга, вернулась из прошлого, спасаясь от неминуемой гибели и спасая свое нерожденное дитя. Двадцать лет она прожила в современном мире, продолжая любить того, с кем ее разделили века. Но теперь, когда она узнала, что ее возлюбленный Джейми Фрэзер выжил после ужасной битвы, ничто не может удержать ее здесь. Клэр без колебаний возвращается в Шотландию XVIII века, чтобы разыскать Джейми. Однако за эти годы каждый из них пережил слишком многое. Остался ли Джейми тем достойным восхищения человеком, которого Клэр полюбила когда-то? Смогут ли они возродить пылкое и глубокое чувство, которое некогда связывало их?

Содержание

| | |
|-----------------------------------|-----|
| Пролог | 4 |
| Часть первая | 5 |
| Глава 1 | 5 |
| Глава 2 | 14 |
| Глава 3 | 17 |
| Часть вторая | 35 |
| Глава 4 | 35 |
| Глава 5 | 41 |
| Глава 6 | 56 |
| Часть третья | 64 |
| Глава 7 | 64 |
| Глава 8 | 77 |
| Глава 9 | 89 |
| Глава 10 | 98 |
| Глава 11 | 115 |
| Глава 12 | 123 |
| Глава 13 | 130 |
| Часть четвертая | 131 |
| Глава 14 | 131 |
| Глава 15 | 147 |
| Глава 16 | 156 |
| Глава 17 | 163 |
| Часть пятая | 169 |
| Глава 18 | 169 |
| Глава 19 | 174 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 177 |

Диана Гэблдон

Путешественница

Моим детям Лауре Джульетт, Сэмюэлю Гордону и Дженнифер Роуз, давшим этой книге плоть, кровь и душу

Пролог

В детстве я остерегалась ступать в лужи, и не потому, что боялась дождевых червей или не хотела промочить ноги. Вовсе даже нет: я была неопытным ребенком и вечно ходила перемазанная, к чему относилась с блаженным равнодушием.

Моя странная робость была связана с невозможностью заставить себя поверить, что эта великолепная гладь – лишь тонкий слой воды над твердой поверхностью. Мне она представлялась вратами в иное, нескончаемое пространство. Порой, когда при моем приближении по водной поверхности пробежала рябь, я думала, что лужа невероятно глубока, как бездонное море, скрывающее лениво шевелящиеся кольца щупалец гигантских спрутов и мелькающие тени безмолвных зубастых морских чудовищ.

Заглянув в отражающую поверхность, я видела на фоне бесформенной голубизны свою круглую физиономию в окружении вьющихся волос и воображала, что передо мной вход в другое небо. Если я сделаю шаг вперед, то сразу провалюсь и буду обречена на бесконечное падение в голубую бездну.

Единственным временем, когда я осмеливалась перейти лужу, были сумерки с зажигающимися вечерними звездами. Стоило, посмотрев на воду, углядеть отраженные в ней светящиеся точки, как у меня доставало смелости с плеском войти в лужу – ведь в этом случае она становилась подобной звездному небу, и хотелось упасть туда, в это космическое пространство, чтобы дотянуться до звезд, ухватиться за какую-нибудь из них и почувствовать себя в безопасности.

Даже сейчас, когда на моем пути попадает лужа, в мыслях возникает некоторое замешательство, хотя я, особенно если спешу, продолжаю идти вперед, не задерживаясь, но где-то на задворках сознания все еще звучит эхо былых сомнений.

А что, если на сей раз ты все-таки провалишься?

Часть первая Солдатская любовь

Глава 1 Вороний пир

*Немало сражалось горских вождей
Множество пало отважных людей.
Они отдали жизни свои не зря
Во имя закона и короля.*

Якобитская песня «Неужели ты не вернешься?»

16 апреля 1746 года

Он был мертв. Правда, нос болезненно пульсировал, что в данных обстоятельствах казалось странным. Несмотря на веру в понимание и милосердие Создателя, ему было свойственно то изначальное, словно осадок первородного греха, чувство вины, которое заставляет каждого верующего человека бояться угодить в ад. Другое дело, что все слышанное им когда-либо об аде едва ли наводило на мысль о том, что вечные муки, уготованные для несчастных грешников, могут свестись к боли в носу.

С другой стороны, это не могло быть и раем, по целому ряду веских причин. Во-первых, рая он никак не заслуживал. Во-вторых, на рай это совсем не походило. И в-третьих, он сильно сомневался в том, что сломанный нос, каковой ему трудно было признать и карой для проклятых, относился к числу наград для благословенных праведников.

Что же тогда? Чистилище? В мыслях оно рисовалось как нечто серое и блеклое, но, в конце концов, заполнявший все тусклый красноватый свет в какой-то мере соответствовал представлениям об этом месте. Сознание слегка прояснилось, и к нему медленно возвращалась способность мыслить. Не без раздражения он подумал, что пора бы кому-нибудь приметить его, и, раз уж он пострадал недостаточно для того, чтобы очиститься от грехов и сразу по упокоении войти в Царство Божие, пусть ему объявят, каков будет приговор Вышнего Судии. Правда, кого с этой вестью ждать, ангела или демона, он не знал: о том, какие требования предъявляются к персоналу чистилища, в школе не рассказывали, а у него самого до сих пор не было случая об этом задуматься.

В ожидании встречи он начал размышлять о том, какие еще муки могут выпасть на его долю и не начался ли уже этот процесс, поскольку одновременно с прояснением сознания восстанавливалась чувствительность, а следовательно, и способность воспринимать боль. Теперь он ощущал на всем теле множество порезов и ссадин и ничуть не сомневался в том, что снова сломал безымянный палец правой руки. Трудно его уберечь, если сустав практически не гнется. Ну что ж, в целом не так уж страшно. Что еще?

Клэр.

Это имя ножом пронзило его сердце, наполнив болью, с которой все телесные страдания не шли ни в какое сравнение.

Будь у него настоящее тело, оно бы уж точно корчило в агонии. Впрочем, эти муки он предвидел еще тогда, когда отсылал ее обратно к кругу камней. Для чистилища духовные терзания – состояние обычное, и он ожидал, что боль разлуки станет для него главным наказанием. Главным и достаточным для искупления всех провинностей, вплоть до убийства и измены.

Не зная, позволено ли грешникам, пребывающим в чистилище, возносить молитвы, он все же осмелился помолиться за нее: «Господи, даруй ей избавление от опасности. Ей и ребенку».

У него не было сомнений в том, что она по-прежнему легка и быстра на ногу, а уж по части упрямства превосходит всех женщин, которых он когда-либо знал. Но удалось ли ей осуществить опасный переход обратно, к тому месту, откуда она явилась? Осуществить рискованное скольжение, преодолевая таинственные слои неведомого, разделяющие «тогда» и «теперь», прошлое и будущее? Мысль о том, что она, одинокая и беспомощная, оказалась в тисках кольца камней, а ему даже не суждено узнать о ее участи, была так горька, что заставила забыть о боли в носу.

Чтобы отвлечься от мучительных раздумий, он снова принялся пересчитывать свои телесные болячки и чрезвычайно огорчился, обнаружив, что совершенно не ощущает левой ноги. Похоже, ее не было. То есть левое бедро ощущалось, давало о себе знать колющей болью в суставе, а вот ниже... ниже ничего. Ну что ж, в свое время он вернет ее, либо когда наконец прибудет в рай, либо, на худой конец, в Судный день. Да и, в конце концов, его зять Айен очень ловко ковылял на деревяшке, заменявшей ему отсутствующую ногу.

Конечно, если быть честным, это задевало его самолюбие, но, может, все как раз затем и задумано, чтобы избавить его от греховной гордыни. Он стиснул зубы, вознамерившись принять то, что выпало на его долю, со всем мужеством и смирением, на которое был способен, но все же не смог удержаться от искушения прощупать рукой (или тем, что служило ему здесь в качестве руки), где же теперь кончается его нога.

Рука наткнулась на что-то твердое, и пальцы запутались в мокрых, спутанных волосах. Он резко сел, с усилием отодрал слой засохшей крови, которая накрепко заклеила веки, и вместе со зрением к нему вернулись воспоминания. Он ошибся. Это был ад. Но, увы, Джеймс Фрэзер был вовсе не мертв.

Тело какого-то человека лежало поперек его собственного. Своей тяжестью мертвец придавил его левую ногу, этим объяснялось отсутствие ощущений. Голова, тяжелая, словно пушечное ядро, лежала лицом вниз на его животе, свалывшиеся волосы падали на влажное полотно его рубашки. В неожиданной панике он дернулся вверх – голова скатилась набок, ему на колени, и полуоткрытый глаз незряче уставился вверх из-под прядей волос.

Это был Джек Рэндолл, чей изысканный красный капитанский мундир настолько промок, что казался почти черным. Джейми попытался было столкнуть тело, но почувствовал невероятную слабость. Рука, ткнувшись в плечо Рэндолла, соскользнула, а локоть, на который он пытался опереться, неожиданно подвернулся, и Джеймс снова распластался на спине, таращась в слякотное, бледно-серое, вызывающее головокружение небо. С каждым тяжелым вздохом голова Джека Рэндолла непристойно каталась вверх-вниз по его животу.

Он плотно прижал ладони к болотистой почве – вода холодом проступала сквозь его пальцы, а рубашка на спине промокла насквозь – и изогнулся вбок. Обмякшее тело медленно соскользнуло, забрав с собой остатки тепла и открыв его плоть дождю и неожиданно пробравшему до костей холоду. Извиваясь на земле, борясь со слипшимися, запачканными грязью складками своего пледа, он расслышал над резкими порывами завывающего, словно сонмище духов, апрельского ветра отдаленные крики и стоны, а уже над ними зловещее хриплое карканье. Вороны. Судя по всему, не одна дюжина.

«Это странно, – отстраненно подумал он. – Птицы не должны летать в такую бурю».

Наконец ему удалось выпростать из-под себя плед и накрыться. Потянувшись, чтобы прикрыть ноги, он увидел, что его килт и левая нога в крови, но это зрелище не огорчило и не испугало его, а лишь вызвало смутный интерес: темно-красные разводы представляли собой контраст по сравнению с окружающим его серовато-зеленым фоном поросшего вереском

торфяного болота. Потом отголоски сражения стихли в его ушах, и он под зловещее карканье покинул поле Куллодена.

Его разбудили гораздо позже, окликнув по имени.

– Фрэзер! Джейми Фрэзер! Ты здесь?

«Нет, – рассеянно подумал он. – Меня нет». Где бы он ни находился, пребывая в бессознательном состоянии, то место было гораздо лучше. Сейчас он лежал в неглубокой яме, наполовину наполненной водой. Слякотный дождь прекратился, но пронизывающий холодный ветер продолжал стенать над вересковым болотом. Небо потемнело, едва ли не почернело – значит, время близилось к вечеру.

– Говорю тебе, я видел, как он упал где-то здесь. Там еще кусты были, утесник.

Голос доносился издали и был едва слышен.

Неподалеку от его уха послышался шорох, и, повернув голову, он увидел ворону. Она стояла на траве в футе от него, рассматривая его яркой бусинкой глаза. Порывистый ветер ерошил черные перья. Решив, что он не представляет угрозы, ворона с непринужденной легкостью повернула шею и ткнула крепким острым клювом в глаз Джека Рэндолла.

Джейми с возмущенным криком вскинулся и вспугнул птицу, взлетевшую с негодуящим карканьем.

– Эй! Вон там!

Послышались хлюпающие по трясине шаги, а потом он увидел над собой лицо и ощутил на плече дружескую руку.

– Он жив! Давай сюда, Макдональд! Дай руку, а то он сам идти не может.

Их было четверо, и, приложив немало усилий, они подняли Джейми на ноги, забросив его обессиленные руки на плечи Эвана Камерона и Йена Маккиннона.

Он хотел сказать им, чтобы они оставили его; вместе с пробуждением вернулось воспоминание о намерении умереть. Но радость нахождения среди своих была слишком велика, и он промолчал, тем более что вернулось и ощущение омертвения ноги, явно свидетельствовавшее о том, что рана серьезная. В любом случае он скоро умрет, а раз так, то слава богу, что хотя бы не в темноте и одиночестве.

– Вода?

Ободок чашки придвинули к его губам, и он пришел в себя настолько, что смог попить и даже ничего не пролил. Рука на мгновение прижалась к его лбу и убралась. Комментариев не последовало.

Он горел в огне, а когда закрыл глаза, ощутил пламя под веками. От этого жара губы потрескались и саднили, но это было лучше, чем холод, который время от времени возвращался. По крайней мере, жар не мешал лежать неподвижно, холод же бросал в дрожь, пробуждавшую спящих демонов в его ноге.

Мурта.

Он был уверен, что его крестный отец погиб, хотя никаких воспоминаний на сей счет не было, и откуда взялась эта убежденность, оставалось неизвестным. То, что на вересковой пустоши полегла добрая половина шотландской армии, он понял из услышанных здесь, в доме, разговоров, но о самой битве у него никаких воспоминаний не сохранилось.

Ему и раньше доводилось бывать в сражениях, и он знал, что в потере памяти для раненого солдата нет ничего необычного. Знал он также, что память непременно восстановится, и искренне надеялся умереть раньше.

При этой мысли он пошевелился и испытал прилив такой жгучей боли, что ему не удалось сдержать стон.

– Как ты, Джейми?

Эван приподнялся на локте рядом с ним, его обеспокоенное лицо бледнело в рассветном сумраке. На голове – окровавленная повязка, по вороту расплылись бурые пятна: пуля, пролетев по касательной, сорвала кожу с его черепа.

– Ничего, все нормально.

Он протянул руку и благодарно коснулся плеча Эвана. Тот в ответ погладил его руку и снова лег.

Вороны были черными. Черные, как сама ночь. С наступлением темноты они улетали на покой, но с рассветом возвращались – птицы войны, спутники сражений являлись на свое гнусное пиршество.

«А ведь с такими клювами они могли бы выклевать глаза и мне», – подумал он, обостренно ощущая под веками собственные глазные яблоки, круглые, горячие, суший деликатес для пожирателей падали.

Они беспокойно вращались туда и сюда, тщетно ища забытья, в то время как всходящее солнце окрашивало веки темным, кровавым багрянцем.

Четверо мужчин собрались рядом с единственным окошком фермерского дома, тихо переговариваясь.

– Ну о каком бегстве ты толкуешь? – произнес один, кивнув наружу. – Побойся бога, парень! Самый здоровый из нас едва ковыляет, а шестеро вообще не могут ходить.

– Если ты можешь идти, то двигай, – подал голос кто-то из лежавших на полу. – Нечего из-за нас задерживаться.

Джейми скривился, бросив взгляд на свою раненую ногу, замотанную в обрывки килта.

Дункан Макдональд отвернулся от окна и с угрюмой улыбкой покачал головой. В жидком свете были отчетливо видны глубоко избороздившие его осунувшееся от усталости лицо морщины.

– Нет, лучше затаиться, – сказал он. – Начать с того, что англичане здесь кишмя кишат, что твои вши, – их из окна видно. Ни одному человеку не уйти целым с Друмосских болот.

– Даже бежавшим вчера с поля боя далеко не уйти, – тихо вставил Маккиннон. – Вы разве не слышали, как ночью прошли форсированным маршем английские войска? Думаете, им трудно будет настигнуть разношерстную компанию беглецов?

Все они знали ответ слишком хорошо. Многие из горцев, ослабевших от холода, изнеможения и голода, еще до сражения едва держались на ногах.

Джейми отвернулся к стене, уповая на то, что его люди покинули поле достаточно рано и ушли на приличное расстояние. Лаллиброх находился на отшибе, в стороне от Куллодена, и у них есть надежда спастись. Другое дело, что, как говорила ему Клэр, войска Камберленда, побуждаемые жаждой мести, беспощадно разорят всю горную Шотландию.

На сей раз мысль о Клэр вызвала лишь волну ужасной тоски. Господи, если бы она оказалась здесь, прикасалась к нему, лечила его раны и баюкала его голову у себя на коленях! Но она ушла – ушла от него на двести лет в будущее, – и слава богу, что так! Слезы медленно потекли из-под его закрытых век, и Джейми, несмотря на боль, перекатился на бок, чтобы скрыть их от других.

«Господи, только бы с ней все было хорошо, – взмолился он. – С ней и ребенком».

После полудня из незастекленных окон неожиданно потянуло дымом. Запах был острее и гуще, чем пороховая гарь, с ощутимым, пугающим душком того, что слишком уж напоминало поджаривающееся мясо.

– Они сжигают мертвых, – сказал Макдональд.

За все то время, что они находились в доме, он почти не сдвинулся со своего места у окна. Он и сам походил на мертвеца с этими слипшимися от грязи угольно-черными волосами и бледным, исхудавшим лицом.

То и дело над вересковым болотом разносился треск ружейных выстрелов. То были выстрелы милосердия – английские офицеры сострадательно добивали облаченных в тартаны бедолаг, прежде чем взгромоздить каждого из них на погребальный костер вместе с его более удачливыми, погибшими сразу товарищами. Когда Джейми поднял голову, Дункан Макдональд по-прежнему сидел у окна, но глаза его были закрыты.

Эван Камерон рядом с ним перекрестился.

– Да обретем мы столько же милости, – прошептал он.

Так оно и вышло: после полудня следующего дня у порога сельского дома затопали сапоги, и дверь распахнулась на беззвучных кожаных петлях.

– Господи!

Это приглушенное восклицание вырвалось у англичанина при виде того, что обнаружилось внутри. Сквозняк от двери зашевелил застоявшийся воздух над грязными, покрытыми пятнами крови телами людей, лежавших вповалку или сидевших на утоптанном земляном полу.

О вооруженном сопротивлении речи не шло: в нем не было смысла, да и сил на это ни у кого не осталось. Якобиты оставались, где были, предоставив определить свою судьбу появившемуся на пороге щеголеватому английскому майору в мундире с иголки и до блеска начищенных сапогах.

Он замешкался, обвел взглядом помещение и шагнул внутрь. Следом за ним без промедления вошел его лейтенант.

– Я лорд Мелтон, – представился майор, оглядываясь по сторонам, как будто ища взглядом предводителя этих людей, к которому полагалось обратиться.

Встретив его взгляд, Дункан Макдональд встал и наклонил голову.

– Дункан Макдональд, из долины Ричи. А остальные... – он махнул рукой, – остатки армии его величества короля Якова.

– Так я и думал, – сухо промолвил англичанин.

Он был молод, лет тридцати с небольшим, но держался с уверенностью опытного солдата. Обведя пристальным взглядом находившихся в помещении людей, майор полез в карман и достал сложенный листок бумаги.

– Это приказ его светлости герцога Камберлендского, наделяющий меня полномочиями предавать смертной казни любого, кто окажется участником только что произошедшего изменнического восстания. – Он снова обвел взглядом помещение. – Есть здесь кто-нибудь, кто заявит о своей непричастности к измене?

Со стороны шотландцев послышался самый слабый смех. О какой непричастности могла идти речь, когда их всех обличали кровь и ввевшаяся в лица пороховая гарь рокового для них сражения?

– Нет, мой лорд, – ответил Макдональд с едва заметной улыбкой на губах. – Здесь все изменники. Стало быть, нас всех повесят?

Мелтон слегка скривился, но на его лицо тут же вернулась маска невозмутимости. Он был строен, изящен, почти хрупок, однако держался уверенно и властно.

– Вас расстреляют, – сказал майор. – В вашем распоряжении один час, чтобы приготовиться.

Он помедлил, бросив взгляд на лейтенанта, как будто боялся показаться своему подчиненному излишне великодушным, но продолжил:

– Если кто-то из вас захочет написать что-нибудь – может быть, письмо, – я пришлю сюда своего отрядного писаря.

Мелтон кивнул Макдональду, повернулся на каблуках и вышел.

Это был мрачный час. Несколько человек воспользовались предложением пера и чернил и упорно царапали каракули на бумаге, держа листы, за неимением другой твердой поверхности для письма, на наклонной деревянной трубе. Другие тихо молились или просто сидели в ожидании неизбежного.

Макдональд попросил пощады для Джайлза Макмартина и Фредерика Муррея, сказав, что им всего семнадцать, их нельзя подвергать той же каре, что и старших. В этой просьбе ему было отказано, и юноши сели рядом, взявшись за руки и отвернув к стене побледневшие лица.

Глядя на них, да и на других тоже, верных друзей и отважных солдат, Джейми ощущал щемящую печаль, но по поводу собственной участи чувствовал лишь облегчение. Ему больше не о чем беспокоиться, больше нечего делать. Он сделал все, что мог, для своих людей, своей жены, своего еще не рожденного ребенка. Пусть же теперь придет конец его телесным страданиям и он упокоится с миром.

Скорее для формы, а не потому, что он испытывал нужду в этом, он закрыл глаза и начал, как всегда по-французски, читать покаянную молитву. «*Mon Dieu, je regrette...*» Но он не испытывал раскаяния, да и поздно было о чем-либо сожалеть.

Его мучил вопрос, произойдет ли его встреча с Клэр сразу после смерти, или ему, как и ожидалось, придется принять в наказание некоторое время разлуки. В любом случае он увидит ее снова; за это убеждение Джейми цеплялся гораздо крепче, чем за догматы церкви. Бог подарил ему Клэр, Он ее ему и вернет.

Забыв о молитве, Джейми мысленно представил себе лицо Клэр, изгиб щеки и виска, высокий чистый лоб, который ему всегда хотелось поцеловать в маленькое гладкое местечко между бровями, у верхушки носа, между ясными янтарными глазами. Он сосредоточил внимание на форме ее рта, тщательно представляя полные нежные губы и их несравненный вкус. Звуки молитвы, шорох перьев и едва слышные всхлипывания Джайлза Макмартина стихли в его ушах.

Мелтон вернулся после полудня. На сей раз кроме лейтенанта его сопровождали писарь и шестеро солдат. И снова майор задержался на пороге, но Макдональд поднялся раньше, чем он успел заговорить.

– Я пойду первым, – сказал он и ровным шагом направился через дом.

Когда он пригнул голову, чтобы пройти в дверь, лорд Мелтон положил руку ему на плечо.

– Будьте любезны назвать свое полное имя, сэр. Мой писарь занесет его в реестр.

Макдональд взглянул на писаря, и уголок его рта дрогнул в слабой горькой улыбке.

– Список трофеев? – Он пожал плечами и выпрямился. – Дункан Уильям Маклеод Макдональд из долины Ричи. – Он вежливо поклонился лорду Мелтону. – К вашим услугам, сэр.

Затем Макдональд вышел за дверь, и вскоре неподалеку раздался звук одного-единственного пистолетного выстрела.

Юношам разрешили пойти вместе. Они вышли, крепко держась за руки. Остальных выводили по одному, каждого просили назвать имя, чтобы пополнить реестр. Писарь сидел на табурете у двери, склонившись над разложенными на коленях бумагами, и не поднимал головы, когда люди проходили мимо.

Когда наступил черед Эвана, Джейми с трудом оперся на локти и сжал руку друга так крепко, как мог.

– Мы скоро встретимся, – прошептал он.

Эван лишь улыбнулся, наклонился, поцеловал Джейми в губы и ушел.

Наконец в помещении остались шестеро пленников, которые не могли самостоятельно передвигаться.

– Джеймс Александр Малькольм Маккензи Фрэзер, лэрд Брех-Туараха, – медленно произнес Джейми, четко выговаривая каждую букву, чтобы писец успел записать, после чего поднял глаза на Мелтона. – Милорд, я должен просить вас оказать мне любезность и помочь встать.

Вместо ответа Мелтон уставился на него, и выражение отстраненной неприязни на лице лорда сменилось чем-то похожим на подступающий ужас.

– Фрэзер? – повторил он. – Из Брех-Туараха?

– Так оно и есть, – терпеливо сказал Джейми, мысленно негодуя из-за этой нелепой задержки.

Смириться с тем, что тебя ждет расстрел, – это одно, а слышать, как убивают твоих друзей, – другое, и нервы это отнюдь не успокаивает. Мало того что ему приходилось опираться на дрожавшие от напряжения руки, так еще и внутренности, явно не разделявшие высоких устремлений духа, тоже начинало пробирать предательской дрожью.

– Черт побери, – пробормотал англичанин.

Он наклонился, взгляделся в лицо лежавшего в тени у стены Джейми, потом повернулся и поманил к себе лейтенанта.

– Помогите мне перенести его на свет, – велел майор.

Они сделали это довольно бесцеремонно, и Джейми застонал, потому что движение вызвало в ноге резкую боль, пронзившую его до макушки. На миг у него закружилась голова, и он упустил то, что говорил ему Мелтон.

– Ты тот самый якобит, которого прозвали Рыжим Джейми? – нетерпеливо повторил англичанин свой вопрос.

На Джейми накатила волна страха: если признаться, что он и есть пресловутый Рыжий Джейми, они его не расстреляют. Они отвезут его в Лондон, чтобы судить как важного государственного преступника и казнить публично. Сначала вздернут на виселицу, а потом, полузадушенного, сбросят на эшафот, чтобы вспороть живот и вырвать внутренности. Внутренности откликнулись на эту мысль бурчанием – похоже, их подобная перспектива тоже не радовала.

– Нет, – сказал он как можно тверже. – Давайте побыстрее с этим. Не тяните, а?

Оставив его слова без внимания, Мелтон опустился на колени, рванул ворот рубашки Джейми, схватил за волосы и откинул назад его голову.

– Проклятье! – сорвалось с уст Мелтона, и его палец уткнулся в шею шотландца чуть выше ключицы.

Там находился маленький треугольный шрам, почему-то чрезвычайно взволновавший майора.

– Джеймс Фрэзер из Брех-Туараха. Рыжие волосы и треугольный шрам на шее.

Мелтон отпустил волосы и откинулся с колен на пятки, рассеянно потирая подбородок. Потом он пришел в себя, повернулся к лейтенанту и, указав жестом на пятерых оставшихся пленных, приказал:

– Забери остальных.

Его люди подняли и вывели оставшихся шотландцев, а сам он остался стоять над Джейми, сдвинув брови в угрюмом раздумье.

– Мне нужно подумать, – сказал Мелтон. – Черт, мне нужно подумать!

– Подумайте, – откликнулся Джейми, – если есть о чем. А я прилягу.

Они усадили его, прислонив к дальней стене, раненая нога была вытянута перед ним, но оказалось, что, пролежав два дня пластом, он уже не имел сил сидеть. Перед глазами заплясали огоньки, и он повалился на бок, припав к земляному полу и закрыв глаза, чтобы справиться с накатившим головокружением.

Мелтон бормотал что-то себе под нос, но Джейми не мог разобрать ни слова, к чему, впрочем, вовсе и не стремился. В сидячем положении, на солнечном свету, он в первый раз ясно рассмотрел свою ногу и теперь был совершенно уверен, что в любом случае не доживет до виселицы.

От середины бедра вверх распространялась зона воспаления, болезненная краснота была ярче, чем разводы засохшей крови. Сама рана гноилась: теперь, когда смрад от немых тел и гниющих ран других людей уменьшился, он ощущал слабый сладковатый запах собственной разлагающейся плоти. Мгновенная смерть от пули в голову казалась куда предпочтительнее, чем долгое, мучительное умирание от гангрены. С этой мыслью, припав горячей щекой к прохладной, успокаивающей, как материнская грудь, земле, он соскользнул в полузабытье.

То был не сон, лишь некая отрешенность, из которой его вырвал и вернул к действительности настойчиво звучащий в ушах голос Мелтона.

– Грей, – произносил голос, – Джон Уильям Грей! Вы знаете это имя?

– Нет, – сказал он, плохо соображая из-за слабости и лихорадки. – Послушайте, сударь, стреляйте и уходите, ладно? Я болен.

– Это было близ Кэрриарика. – В голосе Мелтона звучало тревожное нетерпение. – Юноша, светловолосый юноша лет шестнадцати. Вы повстречали его в лесу.

Джейми, прищурившись, поднял глаза на своего мучителя. Жар уже сказывался на его зрении, но да, в этом тонком лице с большими, почти девичьими глазами действительно угадывалось что-то знакомое.

– А-а, – сказал он, выхватив одно лицо из потока образов, хаотично круживших в его сознании. – Тот мальчишка, который хотел меня убить. Да, припоминаю.

Тогда он сломал Джону Уильяму Грею руку, а сейчас воспоминание о тонкой кости юноши преобразовалось в ощущение руки Клэр, которую он вырывал из хватки камней. Прохладный влажный ветерок погладил его лицо ее нежными пальцами.

– Да очнитесь же, черт вас возьми! – Мелтон встряхнул его, и голова бессильно качнулась на шее. – Послушайте меня!

Джейми устало открыл глаза.

– Ну?

– Джон Уильям Грей – мой брат, – сказал Мелтон. – Он рассказал мне о своей встрече с вами. Вы сохранили ему жизнь, и он дал вам некое обещание.

С большим усилием Джейми направил мысли назад. Да, он повстречал того юношу за два дня до первого сражения этой войны, закончившегося победой восставших шотландцев при Престонпансе. Полгода, отделявшие «тогда» от «теперь», казались огромной пропастью, столь многое произошло за это время.

– Ну, я припомнил. Он пообещал убить меня. Я не против, если вы сделаете это вместо него.

Его веки снова опустились. Почему бы этим англичанам не пристрелить его во сне?

– Он сказал, что за ним долг чести.

Мелтон встал, отряхнув пыль с колен, и повернулся к своему лейтенанту, который наблюдал за этим допросом с явным недоумением.

– Ужасная ситуация, Уоллес. Этот... это не просто якобит, а своего рода знаменитость. Ты слышал о Рыжем Джейми? О том, который повсюду на розыскных листах?

Лейтенант кивнул, с любопытством поглядев на распростертое у его ног почти бесчувственное тело. Мелтон с горечью улыбнулся.

– Да, теперь он не выглядит таким опасным. Но все равно он Рыжий Джейми Фрэзер, и его милость будет более чем доволен таким выдающимся пленником. Чарльза Стюарта

пока не нашли, но несколько известных якобитов порадуют толпу на площади Тауэра почти так же.

Лейтенант потянулся за планшетом.

– Может, мне послать сообщение его милости?

– Нет!

Мелтон развернулся и снова уставился вниз, на пленника.

– В этом-то и вся трудность! По этому грязному бунтовщику плачет виселица, но он тот самый малый, который захватил в плен моего младшего брата близ Престона и не пристрелил его, чего щенок вполне заслуживал, а оставил в живых и вернул товарищам. Это, – произнес он сквозь зубы, – наложило на всю мою семью проклятый долг чести.

– Боже мой! – воскликнул лейтенант. – Значит, вы не можете передать пленника его милости?

– Нет, чтоб мне лопнуть! Я пристрелить этого мерзавца и то не могу, не нарушив данное моим братом слово!

Пленный открыл один глаз.

– Не бойся, я никому не скажу, – пробормотал он и тут же закрыл его снова.

– Заткнись!

Совершенно выйдя из себя, Мелтон пнул пленника ногой. Тот охнул, но ничего не сказал.

– А что, если расстрелять его под вымышленным именем? – предложил лейтенант.

Лорд Мелтон бросил на своего помощника взгляд, полный презрения, потом выглянул в окно, чтобы прикинуть время.

– Через три часа стемнеет. Я прослежу за захоронением остальных казненных пленных. Надо найти небольшую крытую повозку, пусть туда навалют сена, а возница нужен такой, чтобы держал язык за зубами. Разумеется, за мзду. Он должен быть здесь с повозкой, как только стемнеет. Все ясно, Уоллес?

– Так точно, сэр! Только вот как насчет этого пленного, сэр? – спросил лейтенант, указывая на тело на полу.

– Что насчет него? – отрывисто обронил Мелтон. – Он слишком слаб, чтобы ползать, не говоря уже о том, чтобы ходить. Он никуда не денется, по крайней мере пока сюда не подъедет фургон.

– Фургон?

Пленник не только обнаружил признаки жизни, но смог даже приподняться на локте. Налитые кровью голубые глаза под копной спутанных рыжих волос светились тревогой.

– Зачем фургон? Куда меня повезут?

Повернувшись от двери, Мелтон бросил на него взгляд, полный нескрываемой неприязни.

– Куда, спрашивается, можно отправить лэрда Брех-Туараха, как не домой в его усадьбу?

– Я не хочу домой. Я хочу, чтобы меня расстреляли.

Англичане переглянулись.

– Бредит, – уверенно заявил лейтенант.

Мелтон кивнул:

– Сомневаюсь, что он выдержит дорогу, но, во всяком случае, его смерть не будет на моей совести.

Дверь за англичанами плотно закрылась. Джейми Фрэзер остался один – и еще живой.

Глава 2

Охота начинается

Инвернесс, 2 мая 1968 года

– Конечно, он умер!

Резкий от волнения голос Клэр громко звенел в полупустом кабинете, отдаваясь эхом от книжных полок. Прислонившись к обитой пробкой стене, она стояла, словно пленница в ожидании расстрельного взвода, переводя взгляд с дочери на Роджера Уэйкфилда и обратно.

– А по-моему, нет.

Чувствуя страшную усталость, Роджер потер рукой лицо, а потом взял с письменного стола папку, где находились все материалы исследования, которым он занимался с тех пор, как три недели назад Клэр с дочерью впервые пришла к нему и попросила о помощи.

Открыв папку, он неторопливо пролистал содержимое. Якобиты Куллодена. Восстание 1745 года. Отважные шотландцы, объединившиеся под знаменем Красавчика принца Чарли, прошедшие по стране, словно пламенеющий меч, но наголову разгромленные герцогом Камберлендским на серой вересковой пустоши при Куллодене.

– Вот, – произнес исследователь, выбрав несколько скрепленных вместе листов – четкость современных фотокопий странно контрастировала с архаичной манерой письма, присущей старинным документам. – Это список личного состава полка Ловата.

Он протянул скрепленные бумаги Клэр, но их взяла ее дочь Брианна и тут же, сдвинув рыжеватые брови, начала просматривать.

– Прочти верхний список, – сказал Роджер. – Где написано «Офицеры».

– Хорошо. «Офицеры, – прочитала она вслух. – Саймон, сын Ловата»...

– Молодой Фокс, – перебил Роджер. – Сын Ловата. И еще пять имен, верно?

Брианна повела бровью в его сторону, но продолжила чтение:

– «Уильям Чишольм Фрэзер, лейтенант. Джордж Д'Амерд Фрэзер Шоу, капитан. Дункан Джозеф Фрэзер, лейтенант. Байард Муррей Фрэзер, майор».

Она остановилась и сглотнула, прежде чем прочитать последнее имя.

– «Джеймс Александр Малькольм Маккензи Фрэзер, капитан». – Она опустила бумаги, слегка побледнев. – Мой отец.

Клэр быстро подошла к дочери и сжала ее руку. Она тоже была бледна.

– Да, – сказала она Роджеру. – Я знаю, что он отправился к Куллодену. Расставшись со мной... там, у круга камней... он решил вернуться на Куллоденское поле, на помощь своим товарищам, выступавшим на стороне Карла Стюарта. И мы знаем, что он это сделал. – Она кивком указала на папку, лежащую на столе и в свете лампы казавшуюся простой и безобидной. – Вы нашли их имена. Но... но... Джейми...

Одно лишь произнесение этого имени вслух потрясло ее, и она крепко сжала губы.

Теперь пришел черед Брианны поддержать мать.

– Ты говорила, что он собирался вернуться, – начала она, подбадривая мать взглядом темно-голубых глаз, – что он хотел увести с поля своих людей, а потом вернуться и принять участие в сражении.

Клэр, слегка придя в себя, кивнула.

– Он знал, что у него мало шансов ускользнуть от англичан, и не хотел угодить на виселицу, если они его схватят... сказал, что предпочтет погибнуть на поле боя. Так он и собирался поступить.

Она повернулась к Роджеру и вперила в него взглядом. Ее янтарные глаза всегда напоминали ему глаза ястреба, как будто она могла видеть гораздо глубже, чем большинство людей.

– Я не могу поверить в то, что он не погиб, – там полегло столько народу, а он сознательно шел на гибель!

Почти половина армии горцев полегла при Куллодене, выкошенная пушечными ядрами и мушкетными пулями. Но не Джейми Фрэзер.

– Нет, – упрямо заявил Роджер. – Вот ведь в книге Линклатера ясно написано.

Он открыл белый том под заглавием «Принц в вереске».

– «После сражения, – прочел Роджер, – восемнадцать раненых якобитских офицеров укрылись в сельском домишке близ вересковой пустоши, где без пищи и ухода пролежали два дня. К концу второго дня их обнаружили и расстреляли. Избежал этой участи только один человек, некий Фрэзер из полка Ловата. Остальные погребены на краю местного парка». Видите? – Он положил книгу и бросил на женщин выразительный взгляд. – Офицер полка Ловата.

Роджер снова схватил реестр личного состава.

– И вот они! Всего шестеро. Теперь мы понимаем, что человек в фермерском доме не мог быть молодым Саймоном – тот хорошо известная историческая личность, и мы доподлинно знаем, что с ним случилось. Он отступил – не раненый, заметьте, – с группой своих людей, с боями пробился на север и в конце концов добрался до замка Бофорт, что неподалеку отсюда.

Он указал в сторону высокого окна, за которым смутно поблескивали ночные огни Инвернесса.

– Не был человек, спасшийся из крестьянского дома в Линахе, и кем-нибудь из остальных четырех офицеров – Уильямом, Джорджем, Дунканом или Байардом. А почему? – Он выхватил из папки другой листок и чуть ли не торжествующе взмахнул им. – А потому, что все они погибли при Куллодене! Все четверо были убиты на поле – я обнаружил их имена на поминальной табличке в церкви возле Бьюли.

– Боже мой, – выдохнула Клэр и, словно лишившись сил, опустилась в стоявшее возле письменного стола старое кожаное вращающееся кресло.

Подавшись вперед, она оперлась о стол локтями и уронила голову на руки. Густые вьющиеся каштановые волосы рассыпались, скрыв ее лицо. Брианна, высокая стройная девушка с длинными, светящимися в лучах лампы рыжими волосами, встревоженно склонилась над матерью.

– Если он не умер... – нерешительно начала она.

Клэр вскинула голову.

– Но он мертв! – воскликнула она. Ее лицо напряглось, и стали видны маленькие морщинки вокруг глаз. – Ради бога, прошло двести лет, и погиб ли он при Куллодене или нет, все равно он мертв!

Ее горячность заставила Брианну отпрянуть. Девушка опустила голову, и рыжие – такие же, как у отца, – волосы свесились на щеки.

– Наверное, – прошептала она, и Роджер увидел, что ей с трудом удается сдерживать слезы.

И неудивительно, подумал он. На бедняжку столько всего обрушилось, причем разом. Каково это – узнать, во-первых, что человек, которого она любила и называла папой всю свою жизнь, на самом деле не был ее отцом; во-вторых, что ее настоящий отец – шотландский горец, который жил двести лет назад; в-третьих, осознать, что он погиб каким-то ужасным образом, немисливо далеко от жены и ребенка, ради спасения которых и пожертвовал своей жизнью. Да, есть от чего прийти в замешательство!

Роджер подошел к Брианне и коснулся ее руки. Она рассеянно посмотрела на него и попыталась улыбнуться. Он обнял ее, даже в сострадании к ее горю думая, как чудесно ощущать ее, такую теплую, нежную и одновременно упругую.

Клэр продолжала неподвижно сидеть за столом. Ее желтые ястребиные глаза немного посветлели, смягченные воспоминаниями. Невидящий взгляд скользил по восточной стене кабинета, от пола до потолка занятой заметками и хрониками, оставшимися после преподобного Уэйкфилда, покойного приемного отца Роджера.

Глянув на эту стену, Роджер заметил приглашение на ежегодную встречу, посланное Обществом Белой Розы – этими энтузиастами, эксцентричными душами, которые до сих пор боролись за независимость Шотландии и проводили собрания с целью отдать долг памяти Карлу Стюарту и последовавшим за ним героям-горцам.

Роджер слегка прокашлялся.

– Э-э... если Джейми Фрэзер не погиб при Куллодене... – сказал он.

– Значит, он, скорее всего, умер потом.

Клэр посмотрела в глаза Роджеру холодным отстраненным взглядом.

– Вы не представляете себе, как это было, – сказала она. – В горной Шотландии был голод – несколько дней перед битвой никто из них не ел. Мы знаем, что его ранили. Даже если ему удалось спастись, там не было никого... никого, кто мог бы о нем позаботиться.

Голос ее слегка дрогнул. Теперь она была врачом, но ухаживать за больными и ранеными умела уже тогда, двести лет назад, когда прошла через круг стоящих камней и встретила свою судьбу с Джеймсом Александром Малькольмом Маккензи Фрэзером.

Роджер понимал чувства их обеих: высокой, трепетной девушки, которую он держал в объятиях, и женщины за письменным столом, застывшей в своей неподвижной решимости. Женщины, прошедшей круг камней и совершившей путешествие во времени, заподозренной в шпионаже, арестованной как ведьма, невероятным стечением обстоятельств вырванной из объятий своего первого мужа, Фрэнка Рэндолла. А три года спустя ее второй муж, Джеймс Фрэзер, отправил ее обратно сквозь камни, беременную, в отчаянном усилии спасти ее и еще не рожденного ребенка от неминуемой гибели.

Для Роджера было очевидно, что она вынесла и выстрадала более чем достаточно, но он был в первую очередь историком. Он обладал неумным, аморальным любопытством ученого, слишком сильным, чтобы оставаться в рамках простого сострадания. Более того, он странным образом ощущал присутствие третьей фигуры в этой семейной трагедии, к которой он оказался причастен, – Джейми Фрэзера.

– Если он не пал при Куллодене, – начал он снова, более решительно, – тогда можно попытаться выяснить, что произошло с ним на самом деле. Вы хотите, чтобы я попробовал?

Он ждал ответа, затаив дыхание, чувствуя сквозь рубашку теплое дыхание Брианны.

Джейми Фрэзер прожил жизнь и встретил смерть. Это представлялось непреложным фактом, но Роджер считал своим долгом выяснить всю правду, сам толком не понимая почему. Женщины Джейми Фрэзера заслужили право узнать о нем все, что только возможно.

Брианна вообще никогда не видела отца и благодаря этим сведениям могла бы хоть что-то узнать о нем. Что же до Клэр... Ему уже пришла в голову мысль, которая если еще не посетила ее саму, то, скорее всего, лишь из-за потрясения. Ей уже дважды удалось пересечь барьер времени, а раз так, то, по крайней мере в теории, это получится у нее снова.

И если Джейми Фрэзер не погиб при Куллодене...

В затуманенном янтаре ее глаз Роджер увидел искру понимания – эта мысль пришла и к ней. Клэр и обычно-то была бледной, сейчас же ее лицо было того же цвета, что и лежащий перед ней на столе нож для вскрытия конвертов, сделанный из слоновой кости. Пальцы Клэр сомкнулись на его рукоятки, стиснув с такой силой, что побелели костяшки.

Долгое время она молчала, пристально глядя на Брианну, потом повернулась к Роджеру.

– Да, – произнесла она едва слышно. – Да. Выясните это для меня. Пожалуйста. Выясните.

Глава 3

Фрэнк и новое открытие

Инвернесс, 9 мая 1968 года

Пешеходное движение по мосту через реку Несс было оживленным: люди устремлялись домой, к своему вечернему чаю. Роджер шел передо мной, его широкие плечи защищали меня от толчеи.

Я ощущала, как мое сердце тяжело бьется о жесткую обложку книги, которую я прижимала к груди. Это происходило всякий раз, когда я останавливалась, чтобы подумать, что мы на самом деле делаем. Потому что сама не знала, какой из двух возможных вариантов хуже: выяснить, что Джейми не пережил Куллодена, или узнать, что он спасся.

Мы брели назад к дому пастора, и мост отзывался на наши шаги приглушенным эхом.

– Эй ты, смотри, куда прешь! – выкрикнул Роджер, проворно убрав меня с пути велосипедиста, пытавшегося, не сбавляя скорости, проехать по мосту против движения толпы.

– Простите! – донесся извиняющийся отклик, и велосипедист махнул рукой через плечо, ввинтившись между двумя группами школьников.

Я оглянулась, надеясь увидеть позади Брианну, но ее нигде не было.

Мы с Роджером провели день в Обществе охраны древностей. Брианна спустилась вниз, в отдел горских кланов, чтобы сделать фотокопии документов по составленному Роджером списку.

– Очень любезно с вашей стороны взять на себя все эти хлопоты, Роджер, – сказала я, повысив голос, чтобы он услышал меня, несмотря на гул на мосту и шум стремительного речного потока.

– Да ерунда, – ответил он, слегка смутившись, и подождал, пока я нагоню его. – Мне, видите ли, любопытно.

На его лице появилась легкая улыбка.

– Вы ведь знаете, наш брат историк терпеть не может оставлять тайны нераскрытыми.

Он мотнул головой, пытаясь откинуть назад пряди темных волос, растрепанные налетевшим порывом ветра.

Уж кого-кого, а историков я знала. С историком я прожила двадцать лет. Фрэнк тоже не хотел оставить в покое эту загадку. Правда, и решать ее по-настоящему он тоже не хотел. Фрэнк умер два года назад, и теперь это было мое дело – мое и Брианны.

– Вы уже получили ответ от доктора Линклатера? – спросила я, когда мы спустились под арку моста.

Хотя близился вечер, солнце здесь, на севере, стояло еще высоко. Его лучи пробивались сквозь листву высаженных вдоль реки лаймовых деревьев и придавали розоватое свечение стоявшему под мостом гранитному кенотафу.

Роджер, щурясь от ветра, покачал головой.

– Нет, но с тех пор, как я написал ему, прошла всего неделя. Если не получу ответ к понедельнику, то попробую позвонить. Не беспокойтесь, – добавил он с улыбкой, – я был очень осмотрителен. Ничего конкретного я ему не сообщил, только общее направление исторических исследований. Написал, что мне нужен список – если таковой существовал – офицеров-якобитов, прятавшихся в крестьянской хижине в Линахе после Куллоденского побоища, а если сохранились какие-либо сведения о человеке, избежавшем казни, то не мог бы он указать мне документальные источники.

– Вы знакомы с Линклатером? – спросила я, перемещая книги вбок, чтобы дать отдых левой руке.

– Нет, но я отправил свою просьбу на бланке колледжа Баллиоль и тактично упомянул о мистере Чизрайте, моем старом наставнике, который действительно знает Линклатера.

Роджер ободряюще подмигнул, и я рассмеялась.

Его яркие, светящиеся зеленые глаза выделялись на фоне оливковой кожи. Может, любопытство и вправду играло определенную роль в выяснении истории Джейми, но я прекрасно понимала, что тут замешан и другой, более глубокий интерес – к Брианне. Более того, мне было известно, что его чувства не безответны. Чего я не знала, так это догадывается ли об этом Роджер.

Вернувшись в кабинет покойного преподобного Уэйкфилда, я с облегчением опустила книги на стол и рухнула в кресло у камина, а Роджер пошел на кухню за стаканом лимонада.

Несколько глотков кисловато-сладкой жидкости позволили мне восстановить дыхание, но стоило бросить взгляд на стол, на лежавшую там стопку книг, как сердце учащенно забилося.

Есть ли там что-нибудь о Джейми? Мои ладони, сжимавшие холодное стекло стакана, внезапно вспотели, и я постаралась отогнать эту несвоевременную мысль. Не заглядывая слишком далеко вперед, предостерегла я себя. Посмотрим, что удастся обнаружить, а уж там видно будет, как поступить.

Роджер скользил взглядом по корешкам книг и подшивок, пытаясь найти другие возможности. Преподобный Уэйкфилд, ныне покойный приемный отец Роджера, помимо пасторского служения был еще и историком-любителем, завзятым краеведом и ужасным баракхольщиком – на его полках вперемежку теснились букинистические и современные издания, раритеты и дешевые брошюры, подшивки журналов, папки с газетными вырезками и другие материалы.

Поколебавшись, Роджер опустил руку на стопку книг на ближайшем столе. То были книги, написанные Фрэнком, – впечатляющее достижение, насколько я могла судить, прочтя хвалебные отзывы, напечатанные на запыленных суперобложках.

– Вы когда-нибудь читали это? – спросил он, взяв томик, озаглавленный «Якобиты».

– Нет, – ответила я, сделала еще один глоток лимонада и закашлялась. – Нет, я не могла.

После возвращения я решительно отказалась иметь дело с какими-либо материалами, относившимися к истории Шотландии, хотя Фрэнк специализировался, в частности, на восемнадцатом веке. Зная, что Джейми мертв, вынужденная жить без него, я старалась избегать всего, что могло вызвать в памяти его образ. Правда, все эти старания ничего не давали – как можно было выбросить его из головы, когда Брианна ежедневно напоминала о нем самым своим существованием. Но так или иначе, я просто не могла читать ничего из того, что имело отношение к этому пустому, никчемному Красавчику принцу Чарли или его несчастным сторонникам.

– Понятно. Я просто подумал: может быть, вы знаете, что есть шанс обнаружить что-то полезное.

Роджер умолк, на его скулах выступил румянец.

– А... э-э... ваш муж – я имею в виду Фрэнка, – поспешно добавил он. – Вы говорили ему... э-э... о...

Вконец смутившись, он не закончил фразу.

– Разумеется говорила! – ответила я, кажется излишне резко. – А как вы это себе представляете – я захожу в его кабинет после того, как отсутствовала три года, и говорю: «О, привет, дорогой, что бы ты хотел сегодня на ужин?»

– Нет, конечно нет, – пробормотал Роджер.

Он отвел взгляд в сторону и уставился на книжные полки, смутившись так, что побагровела даже шея.

– Прошу прощения, – сказала я, глубоко вдохнув. – Вы задали правильный вопрос, просто рана еще не совсем зажила.

Вернее было бы сказать: «вовсе не зажила». То, насколько она оказалась свежа, удивило и испугало меня, и, поставив стакан на стол, я подумала, что, если разговор на эту тему продолжится, мне потребуется что-нибудь покрепче лимонада.

– Да, я рассказала ему все. О камнях, о Джейми. Обо всем.

Некоторое время Роджер молчал, глядя на стопку книг Фрэнка с фотографией автора на задней обложке – худощавого, смуглого и привлекательного, улыбающегося потомкам.

– И он поверил вам? – тихо спросил Роджер.

От лимонада мои губы стали ужасно липкими, и мне пришлось облизать их, прежде чем ответить.

– Нет, – сказала я. – Поначалу нет. Он решил, что я сошла с ума, даже повел меня к психиатру.

Я издала смешок, хотя это воспоминание вызвало такую волну ярости, что у меня непроизвольно сжались кулаки.

– А потом? – Роджер повернул ко мне бледное лицо, на котором выделялись сверкающие от любопытства глаза. – Что он подумал?

Я глубоко вздохнула и закрыла глаза.

– Не знаю.

* * *

В крохотной клинике в Инвернесе витали ставшие для меня совсем чужими запахи карболки и крахмала.

Я не могла думать и старалась не чувствовать. Возвращение оказалось куда более пугающим, чем мое путешествие в прошлое, ибо там меня оберегал защитный слой сомнений и неверия в то, что происходит, вкупе с надеждой на спасение. Теперь я слишком хорошо знала, где нахожусь и что спасения нет. Джейми мертв.

Врачи и сиделки старались говорить со мной по-дружески, кормили и поили, но во мне не было места ни для чего, кроме печали и ужаса. Когда у меня спросили имя, я назвала его, но больше ничего говорить не стала.

Лежа в чистой белой постели, я сцепила пальцы на своем уязвимом животе и закрыла глаза, желая видеть лишь дождливую вересковую пустошь и лицо Джейми, то, что успело запечатлеться в памяти перед вступлением в круг камней. Было понятно, что новое окружение, если смотреть на него слишком часто и долго, неизбежно заставит эти образы потускнеть и заменит их знаками обыденности, лицами сиделок или вазой с цветами возле моей кровати. Я украдкой прижала один большой палец к основанию другого и с отстраненным облегчением ощутила шрам от крохотного пореза в форме буквы «J». Джейми оставил этот знак по моей просьбе – его последнее прикосновение к моей плоти.

Не знаю, сколько времени длилось это состояние. Порой я проваливалась в сон и возвращалась к последним дням якобитского восстания. Снова видела мертвеца в лесу, Дугала Маккензи, умиравшего на полу Куллоден-хауса, и оборванных горцев, вповалку спавших в грязных траншеях перед той бойней.

Пробуждение, как правило резкое, с испуганным криком или жалобным стоном, возвращало меня к запаху антисептиков и успокаивающим речам персонала, казавшимся невнятными после гэльских боевых кличей. А потом сон снова брал свое, и я проваливалась в него, крепко зажав свою боль в ладонях.

Открыв глаза, я увидела Фрэнка. Он стоял у двери, приглаживая рукой свои темные волосы. Вид у бедняги был нерешительный, но уж этому удивляться не приходилось.

Я снова откинулась на подушки, не глядя на него и не проронив ни слова. Он походил на своих предков, Джека и Алекса Рэндоллов: те же аристократически тонкие, четкие черты и красиво вылепленная голова под рассыпающимися прямыми темными волосами. Правда, помимо небольшого различия в чертах в его облике проступали и внутренние отличия: не было и признаков страха или беспощадности, не было одухотворенности Алекса и высокомерия Джека. Его худощавое, небритое, с кругами под глазами лицо было умным, добрым и слегка усталым. Мне никто этого не говорил, но я знала: чтобы попасть сюда, он гнал машину всю ночь.

– Клэр?

Он подошел к кровати и заговорил нерешительно, как будто не уверенный в том, что я действительно Клэр.

Я и сама-то не была в этом уверена, но кивнула и откликнулась:

– Привет, Фрэнк.

Мой голос – видимо, я отвыкла говорить – прозвучал хриловато и надсадно.

Он взял меня за руку, и я не отстранилась.

– Ты... в порядке? – спросил он, помолчав.

Глядя на меня, Фрэнк слегка хмурился.

– Я беременна.

В моем дезорганизованном сознании этот момент представлялся очень важным. Я не думала о том, что скажу Фрэнку, если когда-нибудь встречу его снова, но, как только увидела его стоящим в дверях, мысли мои прояснились. Я скажу ему, что беременна, он уйдет, и я останусь одна с образом Джейми, запечатленным в памяти, и жгучим прикосновением, оставшимся на моей руке.

Его лицо слегка напряглось, но он не выпустил мою руку.

– Я знаю. Мне сказали. – Он глубоко вздохнул. – Клэр, ты можешь рассказать мне, что с тобой случилось?

На какой-то момент я ощутила полную пустоту, но потом пожала плечами.

– Наверное, – ответила я устало, собираясь с мыслями.

Говорить об этом не хотелось, но по отношению к этому человеку у меня имелся определенный долг. Как-никак я была его женой.

– Все сводится к тому, что я полюбила другого мужчину и вышла за него замуж. Прости, – торопливо добавила я, увидев, как это признание потрясло его. – Так уж получилось. Ничего не могла с собой поделать.

Этого Фрэнк не ожидал. Он открыл рот, закрыл его и стиснул мою руку так крепко, что я поморщилась и выдернула ее из его хватки.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он резко. – Где ты была, Клэр?

Неожиданно он встал и навис над кроватью.

– Ты помнишь, что, когда я видела тебя в последний раз, я собиралась к каменному кругу на Крэг-на-Дун?

– Да.

На его лице появилось смешанное выражение гнева и неверия.

– В общем... – Я облизала пересохшие губы. – Дело в том, что я прошла через расколотый камень в этом кругу и оказалась в тысяча семьсот сорок третьем году.

– Не шути, Клэр!

– Ты думаешь, что я придуриваюсь?

Эта мысль показалась мне настолько нелепой, что я не смогла удержаться от смеха, хотя, если вдуматься, что тут было смешного?

– Прекрати!

Я перестала смеяться. Как по волшебству, на пороге появились две сестры. Должно быть, они поджидали в коридоре неподалеку. Фрэнк наклонился и снова схватил меня за руку.

– Послушай меня, – процедил он сквозь зубы. – Ты расскажешь мне, где ты была и чем занималась!

– Я и рассказываю! Отпусти!

Я села на кровати и выдернула руку.

– Ясно же сказано: я прошла сквозь камень и оказалась заброшенной на два века назад. Где, между прочим, встретила твоего поганого предка, Джека Рэндолла!

Фрэнк, совершенно сбитый с толку, моргнул.

– Что?

– Черного Джека Рэндолла. Ох, каким же грязным, поганым извращенцем он был!

У Фрэнка отвисла челюсть, да и у сиделок тоже. Я услышала торопливые шаги, приближавшиеся по коридору, и голоса.

– Мне пришлось выйти замуж за Джейми Фрэзера, чтобы отделаться от Джека Рэндолла. А потом, не обессудь, Фрэнк, но тут уж ничего нельзя было поделать, я полюбила его и осталась бы с ним, если бы могла, но он отправил меня обратно из-за Куллодена и из-за ребенка и...

Я осеклась, когда человек в халате врача протиснулся между сестрами в палату.

– Фрэнк, – сказала я устало, – прости, я не хотела этого и поначалу всячески пыталась вернуться. Правда. Но не могла. А теперь слишком поздно.

Невольные подступившие слезы полились по моим щекам. Плакала я в основном из-за Джейми, из-за себя и ребенка, которого носила, но немного и из-за Фрэнка. Я шмыгнула носом, чтобы остановиться, и рывком выпрямилась в постели.

– Послушай, – сказала я, – я знаю, что ты не захочешь больше иметь дело со мной, и я совершенно не виню тебя за это. Ты просто... просто уйди, ладно?

Фрэнк переменялся в лице. Он больше не сердился, но выглядел расстроенным и слегка озадаченным. Он сел у кровати, не обращая внимания на доктора, который собирался пощупать мой пульс.

– Я никуда не уйду, – мягко сказал он и снова взял меня за руку, хотя я и не желала, чтобы он это делал. – Этот Джейми... Кто он?

Я прерывисто вздохнула. Доктор взял мою другую руку, все еще пытаюсь прощупать пульс, и меня охватило паническое чувство, как будто эти двое удерживали меня в плену. С большим трудом я переборола это ощущение и заставила себя говорить спокойно.

– Джеймс Александр Малькольм Маккензи, – сказала я, проговаривая слова с расстановкой, так, как произносил их Джейми в день нашей свадьбы, когда впервые сообщил мне свое полное имя.

Это воспоминание вызвало новый поток слез, и я, поскольку меня держали за руки, утерла их плечом.

– Он был горцем. Его убили при Куллодене.

Бесполезно. Я снова зарыдала, слезы ничуть не облегчали рвавшееся из меня горе, но были единственной возможной реакцией на невыносимую боль. Я слегка подалась вперед, пытаюсь оградить от всего чуждого крохотную неощутимую жизнь в моем чреве, то единственное, что осталось мне от Джейми Фрэзера.

Фрэнк с доктором обменялись взглядами, суть которых я поняла лишь отчасти. Конечно, для них Куллоден – дела давно минувших дней. А вот для меня эта битва произошла всего два дня назад.

– Может быть, нам следует дать миссис Рэндолл немного отдохнуть? – предложил доктор. – Похоже, она несколько расстроена.

Фрэнк перевел неуверенный взгляд с доктора на меня.

– В общем, она действительно кажется расстроенной. Но мне на самом деле хочется узнать... Что это, Клэр?

Поглаживая мою руку, он наткнулся на серебряное кольцо на безымянном пальце и наклонился, чтобы рассмотреть его. Это было то самое кольцо, которое Джейми подарил мне к нашей свадьбе: широкое, плетеное, со звеньями в виде крохотных стилизованных цветков чертополоха.

– Нет! – в испуге закричала я, когда Фрэнк попытался снять его с моего пальца.

Я отдернула руку, прижала ее, сжатую в кулак, к груди, обхватив вдобавок левой рукой, на которой тоже было кольцо – золотое обручальное кольцо Фрэнка.

– Нет, ты не имеешь права забрать его, я тебе не позволю! Это мое обручальное кольцо!

– Но послушай, Клэр...

Договорить Фрэнку не дал доктор, который обошел кровать, остановился рядом с ним и зашептал что-то ему на ухо. Я уловила всего несколько слов: «Не беспокойте свою жену сейчас... Шок».

Фрэнк снова поднялся, а доктор, решительно подталкивая его к выходу, по пути кивнул одной из сиделок.

Очередная волна печали накрыла меня с головой так, что я почти не ощутила прикосновение шприца и едва разобрала прощальные слова Фрэнка.

– Ладно. Но, Клэр, я все равно узнаю!

А потом наступила блаженная темнота – я погрузилась в долгий, долгий сон.

* * *

Роджер наклонил графин, наполнил стакан до половинной отметки и с легкой улыбкой вручил его Клэр.

– Бабушка Фионы всегда говорила, что виски помогает от любых хворей.

– Да уж, лекарство не из худших.

Клэр взяла стакан и ответила ему такой же легкой улыбкой. Роджер налил и себе, а потом сел рядом с ней, отпивая виски маленькими глотками.

– Знаете, я пыталась отвадить его, – сказала она вдруг, опустив стакан. – Фрэнка. Говорила, что независимо от того, как ему видится произошедшее, он не может испытывать ко мне прежние чувства. Я сказала, что дам ему развод, он должен уйти и забыть обо мне – продолжать жизнь, которую уже начал строить, пока меня не было.

– Но он на это не согласился, – откликнулся Роджер. С заходом солнца в кабинете сделалось ощутимо прохладнее, и он, наклонившись, включил старый электрический обогреватель. – Потому что вы были беременны?

Клэр бросила на него острый взгляд, но потом криво усмехнулась.

– Да, поэтому. Фрэнк заявил, что только подонок способен бросить беременную женщину фактически без средств. Особенно, – иронически добавила Клэр, – если связь с действительностью у этой женщины явно слабовата. Нельзя сказать, что у меня совсем не было средств, – мой дядя Лэм оставил мне небольшие деньги, – но и Фрэнк определенно не был подонком.

Она перевела взгляд на книжные полки. Там бок о бок стояли исторические труды, написанные ее мужем. Корешки книг поблескивали в свете настольной лампы.

– Он был очень порядочным человеком, – тихо сказала Клэр и, отпив маленький глоток, закрыла глаза, чувствуя, как пары алкоголя проникают в мозг. – А потом... он узнал или заподозрил, что не может иметь детей. Настоящий удар для человека, занимающегося

историей и генеалогией. Вы должны понять: он ощутил себя выпадающим из исторического процесса.

– Да, я понимаю, – медленно произнес Роджер. – Но разве он не чувствовал... я хочу сказать, ведь это ребенок от другого человека?

– Наверное, чувствовал. – Она взглянула на него своими янтарными глазами, слегка затуманенными виски и воспоминаниями. – Но поскольку он не поверил, не мог поверить в то, что я рассказала о Джейми, отец ребенка оставался, по сути, неизвестным. Если он не знал, кто этот человек, и убедил себя в том, что я тоже этого не знаю, а просто придумала фантастическую историю после травматического шока, – что ж, тогда никто не мог заявить, что это не ребенок Фрэнка. И уж конечно не я, – добавила она с оттенком горечи.

Клэр сделала большой глоток виски, чуть не поперхнулась и украдкой смахнула выступившие слезы.

– Но чтобы никаких отцов уж точно не объявилось, он увез меня подальше. В Бостон. Ему предложили хорошую должность в Гарварде, где нас никто не знал. Там и родилась Брианна.

* * *

Капризный плач снова вырвал меня из сна. Я легла в спать в шесть тридцать, после того как пять раз за ночь вставала к ребенку. Бросив на часы затуманенный взгляд, я увидела, что сейчас семь. Из ванной доносился шум льющейся воды и бодрый голос Фрэнка, напевавшего «Правь, Британия».

Я лежала в постели, руки и ноги от усталости казались свинцовыми, и все мысли были о том, хватит ли у меня сил вынести этот плач, пока Фрэнк не выйдет из ванной и не принесет мне Брианну. Но тут малышка как будто догадалась, о чем я думаю, и заверещала совсем уж отчаянно, пугающе захлебываясь криком. Я отбросила одеяло и вскочила на ноги, подталкиваемая паникой, схожей с той, которую испытывала во время воздушных атак во время войны.

Прохладный коридорчик привел меня в детскую к трехмесячной Брианне, лежавшей на спинке и оравшей во всю мощь своих младенческих легких. От недосыпа я плохо соображала и не сразу вспомнила, что оставляла малютку лежать на животике.

– Радость моя! Ты перевернулась! И сама?

Перепуганная своим смелым поступком, Брианна замахала розовыми кулачками и заорала еще громче, плотно закрыв глаза.

Я схватила ее, поглаживая спинку и приговаривая в покрытую рыжим пушком макушку:

– Радость моя, сокровище мое. Какая ты умная девочка!

– Что тут у нас? Что случилось?

Фрэнк появился из ванной, вытирая полотенцем голову, второе полотенце было повязано вокруг его бедер.

– Что-нибудь случилось с Брианной?

Он подошел к нам с обеспокоенным видом. По мере приближения родов мы оба нервничали. Фрэнк был раздражителен, а я перепугана, поскольку мы не представляли себе, как сложатся наши отношения после появления ребенка Джейми Фрэзера. Но когда нянечка взяла Брианну из колыбельки и вручила Фрэнку со словами «Вот она, папочкина дочурка», досады на его лице не было и следа. А уж после того, как он взглянул на крохотное, похожее на розовый бутон личико, его переполнили удивление и нежность. Не прошло и недели, как малютка окончательно пленила его.

Я повернулась к нему с улыбкой.

– Она перевернулась! Сама!

– Правда?

Он потер лицо, лучившееся восторгом.

– А не рано ли это для нее?

– То-то и оно, что рано. Если верить доктору Споку, ей предстоит перевернуться только через месяц!

– Ну и что он понимает, этот доктор Спок? Иди-ка сюда, маленькая красавица, поцелуй папочку, раз уж ты такая несусветная умница.

Он поднял нежное маленькое тельце в удобных розовых ползунках и поцеловал в носик-кнопочку. Брианна чихнула, и мы оба рассмеялись.

Но тут мой смех оборвался: до меня дошло, что я рассмеялась в первый раз почти за год. И более того, мы в первый раз смеялись вместе с Фрэнком.

Он тоже это понял – мы встретились взглядами над макушкой головки Брианны. Его мягкие карие глаза были полны нежности. Я улыбнулась ему слегка нерешительно и неожиданно осознала, что он почти голый: вода капельками скатывалась по его мускулистым плечам и поблескивала на гладкой загорелой коже груди.

Это ощущение домашнего блаженства прервал резкий запах с кухни.

Кофе!

Бесцеремонно сунув Бри мне в руки, Фрэнк бросился на кухню, оставив оба полотенца кучей у моих ног. Улыбнувшись при виде сверкнувших ягодичек, контрастно белых по сравнению с загорелой спиной, я двинулась следом, прижимая к себе малышку.

Обнаженный Фрэнк стоял у раковины, над которой поднимался пахучий пар от обгоревшего кофейника.

– Может быть, чай? – спросила я, ловко пристроив Брианну на бедро одной рукой и шаря другой в кухонном шкафчике. – Правда, листового с апельсиновым ароматом уже не осталось, есть только «Липтон» в пакетиках.

Фрэнк скорчил гримасу: англичанин до мозга костей, он скорее стал бы пить воду из унитаза, чем чай из пакетиков. «Липтон» оставила миссис Гроссман, женщина, которая приходила убирать раз в неделю и которая, напротив, считала рассыпной листовой чай гадким месивом.

– Нет, я выпью чашечку кофе по пути в университет. Кстати, ты не забыла, что сегодня вечером мы ждем к ужину декана с женой? Миссис Хинчклиф принесет подарок для Брианны.

– О, верно, – откликнулась я без энтузиазма.

Мне уже доводилось встречаться с Хинчклифами, и особого желания повторять этот опыт не было, однако жизнь не состоит из сплошных радостей. Мысленно вздохнув, я переместила ребенка на другую сторону и стала нашаривать в выдвижном ящике карандаш, чтобы составить список нужных продуктов.

Брианна зарылась носиком в мой пушистый красный халат, похныкивая и производя недвусмысленные чмокающие звуки.

– Не может быть, чтобы ты опять проголодалась, – сказала я ее макушке. – И двух часов не прошло, как тебя кормили.

Впрочем, в ответ на ее причмокивание из моей груди уже начинало сочиться молоко, и я, присев, распахнула халат.

– А вот миссис Хинчклиф говорила, что нельзя кормить детей всякий раз, когда они хнычут, – заметил Фрэнк. – Если не приучить их к режиму, они становятся избалованными.

Я не в первый раз слышала мнение миссис Хинчклиф о воспитании детей.

– Значит, моя малютка вырастет избалованной, – холодно обронила я, не глядя на Фрэнка.

Маленькие розовые губки впились в сосок, и Брианна принялась с аппетитом чмокать. Мне было известно, что миссис Хинчклиф считает кормление грудью вульгарным и антисанитарным, но, навидавшись здоровых и крепких младенцев восемнадцатого века, не знавших другого способа кормления, я придерживалась на сей счет иного мнения.

Фрэнк вздохнул, но спорить со мной не стал, а спустя мгновение бочком двинулся к двери.

– Ну тогда, – чуть сконфуженно проговорил он с порога, – увидимся около шести, ладно? Может, мне проехаться по магазинам, что-нибудь прихватить, если ты не собираешься выходить?

– Не надо, я справлюсь, – сказала я с улыбкой.

– Ну хорошо.

Он замешкался на пороге, а я, усадив Бри поудобнее на коленях и пристроив ее головку на локтевом сгибе моей руки, подняла на него глаза и вдруг поняла, что он пристально смотрит на мою обнаженную грудь. Я скользнула взглядом вниз по его телу и при виде явных признаков возбуждения склонила голову над малюткой, чтобы спрятать вспыхнувшее лицо.

– До свидания, – пробормотала я.

Он постоял еще немного, наклонился и коснулся поцелуем моей щеки, заставив ощутить беспокойную близость его обнаженного тела.

– До свидания, Клэр, – тихо произнес Фрэнк. – До вечера.

Он больше не заходил на кухню до ухода, поэтому у меня была возможность закончить кормление Брианны и привести собственные чувства в относительную норму.

Я не видела Фрэнка обнаженным с тех пор, как вернулась, он всегда одевался в ванной или в кабинете. И он не пытался поцеловать меня до сегодняшнего робкого касания губами. Еще во время беременности акушерка предупредила о высокой степени риска в случае возможной близости, поэтому вопрос о том, чтобы Фрэнк делил со мной постель, отпал сам собой. Да и я к этому не была расположена.

Мне следовало бы предвидеть, что рано или поздно ситуация изменится. Но сперва я была слишком поглощена горем. Потом меня охватила апатия по отношению ко всему, кроме собственного растущего живота и предстоящего материнства. Ну а после рождения Брианны я жила от одного кормления до другого, поскольку те мгновения, когда ко мне прижималось ее крохотное тельце, даровали покой и счастье краткосрочного забвения.

Фрэнк тоже нянчился с девочкой, с удовольствием играл с ней, а порой они засыпали вместе в его кресле – долговязый мужчина и крошечная девчушка, прижавшаяся розовой щечкой к его груди. Но друг друга мы с Фрэнком не касались да и не разговаривали ни о чем, кроме домашних проблем и Брианны.

Ребенок был объектом нашего общего внимания, через который мы могли общаться, держа друг друга на расстоянии вытянутой руки. Но похоже, для Фрэнка это расстояние начинало казаться недостаточно близким.

В физическом плане препятствий к близости не существовало: неделю назад во время очередного осмотра доктор лукаво подмигнул мне и, погладив по ягодице, заявил, что я могу возобновить отношения с мужем в любое время.

Для меня было очевидно, что после моего исчезновения Фрэнк не вел монашеской жизни. В свои почти пятьдесят он по-прежнему оставался худощавым, мускулистым и гибким. Весьма привлекательный смуглый мужчина. На вечеринках и коктейлях женщины роились вокруг него, как пчелы вокруг горшка с медом, издавая легкое жужжание сексуального возбуждения.

На одной корпоративной вечеринке мое внимание привлекла девица, уныло стоявшая в углу и тарачившаяся на Фрэнка поверх своего бокала. Позже она ударилась в слезы и бесвязную пьяную болтовню, и две подруги проводили ее домой. Уходя, они кидали сердитые

взгляды то на Фрэнка, то на меня, молча стоявшую рядом с ним в просторном платье для беременных.

Впрочем, он вел себя тактично. Ночевал всегда дома и старался, чтобы на его воротничках не оставалось следов губной помады. Теперь, похоже, ему пришло в голову вернуться домой в полном смысле этого слова. И наверное, он имел право ожидать от меня исполнения супружеского долга, ведь я снова была его женой.

Оставалась только одна проблема. Совсем не к Фрэнку устремлялись мои помыслы, когда мне случалось проснуться посреди ночи. Не его гладкое гибкое тело являлось в снах и возбуждало так, что я просыпалась вся в поту, дрожащая от полузабытых прикосновений, испытать которые наяву уже не надеялась.

– Джейми, – шептала я. – О Джейми!

Слезы вспыхивали в свете утренней зари, как жемчуга и бриллианты, красуясь на нежном рыжем пушке, покрывавшем головку моей малютки.

Увы, этот день не задался. У Брианны расстроился животик. Она без конца пачкала пеленки, верещала, и ее каждые несколько минут приходилось брать на руки. Но и на руках девочка возбужденно вертелась, то и дело отрывая, и у меня на одежде оставались липкие пятна. К одиннадцати часам мне трижды пришлось сменить блузку.

Неудобный бюстгальтер для кормящих мам натирал под мышками, в то время как оставшиеся открытыми соски раздражал холод. В довершение всех этих радостей когда я, пересиливая себя, занялась уборкой, под полом что-то лязгнуло и отопление со слабым вздохом отключилось.

– Нет, на следующей неделе меня не устроит! – рявкнула я в трубку, разговаривая с мастером обслуживающей компании.

Стылый февральский туман, висевший за окнами, так и норовил просочиться под подоконником и завладеть помещением.

– На градуснике у нас шесть градусов, а у меня трехмесячный ребенок!

Ребенок полулежал в детском стульчике, закутанный во все свои одеяльца, и вопил, как ошпаренный кот. Не обращая внимания на брюзжание человека на другом конце, я поднесла трубку к широко открытому рту Брианны и подержала несколько секунд.

– Слышите? – требовательно спросила я, снова поднеся трубку к своему уху.

– Хорошо, леди, – уступил мастер. – Я подъеду сегодня во второй половине дня, где-то между двенадцатью и шестью.

– Двенадцатью и шестью? А нельзя ли немного поточнее? Мне нужно выйти в магазин, – возразила я.

– Леди, вы не единственная в этом городе, у кого сдохла печка, – непреклонно сказал мастер и повесил трубку.

Я посмотрела на часы – одиннадцать тридцать. Сделать за оставшееся время необходимые покупки и вернуться домой нечего и мечтать, тем более что хождение по магазинам с грудным младенцем по части требований к оснащению и затратам энергии может быть приравнено к экспедиции в дикие джунгли Борнео.

Стиснув зубы, я позвонила в отдел доставки дорогого супермаркета, заказала необходимые продукты для ужина и снова занялась дочкой, уже побагровевшей от крика и успевшей снова обделаться.

– Сейчас, моя маленькая. Вот подотремся, и ты будешь чувствовать себя гораздо лучше, – приговаривала я, вытирая с покрасневшей попки Бри коричневатую слизь.

Она выгнула спинку, стараясь ускользнуть от влажной салфетки, и разоралась еще пуще. За салфеткой последовали слой вазелина и чистая пеленка, десятая за день. Грузови-

чок, развозящий чистые пеленки, появится не раньше завтрашнего дня, а весь дом провонял аммиаком.

– Ну же, сладкая моя, все в порядке, не хнычь.

Я пристроила ее к себе на плечо, поглаживая, но писк не умолкал. Впрочем, трудно винить малышку, когда ее бедная попка воспалилась. Лучше всего было бы положить ее голенькой на полотенце, но в связи с отключением отопления этот вариант отпадал. Мы с ней обе были одеты в свитера и тяжелые зимние пальто, что делало частые кормления еще более затруднительными, чем обычно: чтобы достать грудь, требовалось несколько минут, и все это время малютка надрывалась от плача.

Если Брианна и засыпала, то лишь на несколько минут. Соответственно и мне не удавалось вздремнуть. Часа в четыре мы вроде бы заснули по-настоящему, но не прошло и четверти часа, как нас разбудил громкий стук – в дверь барабанил прибывший по вызову ремонтник со здоровенным разводным ключом.

Одной рукой я прижимала к себе дитя, другой пыталась готовить ужин. При этом в одном моем ухе звенел детский плач, а в другом звякали металлические инструменты.

– Ну, леди, навек не поручусь, но сейчас тепло у вас будет, – заявил, вытирая со лба пятно сажи, неожиданно появившийся ремонтник.

Он наклонился вперед, чтобы посмотреть на Брианну, которая в момент относительного затишья лежала у меня на плече и, громко причмокивая, сосала палец.

– Ну и как пальчик на вкус, сладенький? – осведомился он и, выпрямившись, добавил: – Знаете, говорят, что нельзя разрешать им сосать пальцы. От этого зубы растут криво, и потом приходится выправлять их фиксаторами.

– Вот как? – процедила я. – Сколько я вам должна?

Спустя полчаса курица, фаршированная и политая соком, в окружении измельченного чеснока, веточек розмарина и долек лимона лежала на сковороде. Быстро спрыснув маслянистую кожицу лимонным соком и проткнув ее палочкой, я наконец получила время, чтобы переодеться самой и переодеть Брианну. Кухня выглядела так, как будто в ней побывали незадачливые грабители, искавшие спрятанные ценности: все шкафы нараспашку, ящики выдвинуты, утварь разбросана по всем горизонтальным поверхностям. Я со стуком захлопнула пару шкафчиков, а потом и дверь на кухню, понадеявшись, что миссис Хинчклиф, даже при отсутствии у нее хороших манер, в закрытую кухню не полезет.

Фрэнк купил для Брианны новое розовое платьице. Нарядная вещица, но многослойный кружевной воротничок вызывал у меня сомнения: казалось, что эти кружева слишком непрочные и будут раздражать шейку.

– Ну что ж, попробуем, – сказала я ей. – Папа хочет, чтобы ты выглядела красавицей. Давай постараемся не слюнявить платьице, хорошо?

Брианна в ответ закрыла глазки, поднатужилась и отрыгнула, как мне показалось, с особенным усердием.

– Вот и молодец! – похвалила я, покрывив душой.

Теперь мне предстояло поменять простынку в колыбельке, но, по крайней мере, отрыжка не усилила понос.

Устранив беспорядок и приладив свежий подгузник, я встряхнула розовое платьице, но прежде чем надеть его на малышку, тщательно вытерла сопли и слюни с личика. Она при этом моргала и радостно гукала, размахивая кулачками.

Я услужливо нагнула голову и боднула ее в животик, вызвав бурю восторга, выразившегося в еще более громком повизгивании. Мы проделали это еще пару раз, а потом принялись за мучительную работу по надеванию розового платьица.

Брианне затея не понравилась – жалобы начались, стоило продеть головку в вырез, а когда я стала засовывать пухленькие ручки в пышные рукавички, она дернулась и издала пронзительный крик.

– В чем дело? – спросила я, переполошившись, поскольку уже научилась различать значение издаваемых ею звуков и поняла, что этот крик свидетельствует об испуге и боли. – Что случилось, дорогая?

Теперь она просто надрывалась от плача. Я торопливо перевернула ее и погладила по спинке, думая, что у нее опять нелады с животиком, но это не помогло. Пришлось снова взять барахтающуюся малышку на руки, и тут, поскольку она размахивала ручонками, я заметила на внутренней стороне одной ручки длинную красную царапину. В платице осталась булавка и поцарапала ее, когда я вдевала ручку в рукав.

– Ой, малышка! Ой, прости! Прости мамочку!

Со слезами на глазах я отцепила и вытащила гадкую булавку, прижала Брианну к плечу, поглаживая, успокаивая и мучаясь чувством вины. Конечно, я не хотела сделать ей больно, но она-то этого знать не могла.

– Ох, радость моя, – лепетала я. – Теперь все в порядке. Да, мамочка любит тебя, все хорошо.

Ну почему я не подумала о том, чтобы проверить булавки? И вообще, какому извергу пришлось в голову упаковывать одежду для младенцев, используя булавки?

Разрываясь между яростью и отчаянием, я надела-таки платице на Брианну, вытерла ей подбородок, отнесла ее в спальню, уложила на свою кровать и только после этого торопливо переоделась, надев приличную юбку и свежую блузку.

Дверной колокольчик зазвенел, когда я натягивала чулки. На одной пятке оказалась дырка, но времени на то, чтобы переодеться, не оставалось. Я сунула ноги в тесные туфельки из крокодиловой кожи, схватила Брианну и пошла открывать дверь.

На пороге стоял Фрэнк, слишком нагруженный пакетами, чтобы достать ключи. Свободной рукой я забрала у него большую часть пакетов и положила их на столик в прихожей.

– Ужин готов, дорогая? Я принес новую скатерть и салфетки – подумал, что наши старые малость пообтрепались. И вино, конечно.

Он с улыбкой поднял бутылку, потом наклонился вперед, пригляделся ко мне и нахмурился, заметив растрепанные волосы и только что заляпанную отрыгнутым молоком блузку.

– Клэр, Клэр, – покачал головой Фрэнк. – Неужели ты не могла чуточку привести себя в порядок? У тебя ведь нет особых дел, ты целый день дома, что же ты не могла уделить несколько минут...

– Нет, – сказала я довольно резко.

Сунула ему в руки Брианну, которая тут же возобновила капризное хныканье.

– Нет, – повторила я и забрала из его руки бутылку с вином. – Нет! – крикнула я, топнув ногой, и замахнулась бутылкой, а когда он увернулся, вмазала ею по дверному косяку, облив порог «Божоле» и осыпав пол поблескивающими на свету стеклянными осколками.

Разбитая бутылка полетела в азалии, а я без пальто помчалась по дорожке в зябкий туман. У поворота я пробежала мимо удивленных Хинчклифов, явившихся на полчаса раньше, скорее всего чтобы застать меня в разгаре подготовки к их визиту.

Ну что ж, надеюсь, сегодняшней ужин им понравится.

Я ехала сквозь туман без всякой цели. Автомобильный обогреватель обдувал мне ноги, пока я не начала отпускать газ. Намерения вернуться домой у меня не было, но куда в таком случае податься? В ночное кафе?

И тут до меня дошло, что сегодня пятница и дело идет к полуночи. Да, мне есть куда направиться. Я повернула обратно к пригороду, где мы жили, к церкви Святого Финбара.

В это время часовня во избежание вандализма и грабежа была закрыта, но для припозднившихся верующих под дверной ручкой находился кодовый замок с пятью пронумерованными кнопками. Прихожанин, знающий код, мог попасть внутрь на законных основаниях. Войдя, нужно было отметить в лежащем у алтаря регистрационном журнале.

– Святой Финбар? – помнится, недоверчиво переспросил Фрэнк, впервые услышав от меня про эту церквушку. – Нет такого святого. И быть не может.

– А вот и есть, – не без самодовольства возразила я. – Ирландский епископ двенадцатого века.

– А, ирландский, – с облегчением протянул Фрэнк. – Тогда понятно. Но чего я не могу понять, – сказал он, стараясь быть тактичным, – так это... э-э... зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем тебе посещать эту церковь? Ты никогда не отличалась религиозностью, набожности в тебе не больше, чем во мне. У тебя нет привычки ходить к мессе или там причащаться. Отец Беггс каждую неделю спрашивает меня, где ты.

Я покачала головой.

– По правде говоря, Фрэнк, мне трудно тебе это объяснить. Я хожу туда, потому что... чувствую такую потребность.

Я беспомощно воззрилась на него, не зная, как объяснить все доходчиво.

– Там... там царит покой, – сказала я наконец.

Фрэнк открыл рот, как будто хотел продолжить разговор, но отвернулся и покачал головой.

Там действительно царил покой. Парковка у церкви была пуста, не считая одной-единственной машины припозднившегося верующего, поблескивавшей под фонарями обезличенным черным цветом. Войдя внутрь, я записала мое имя в журнал и прошла вперед, тактично кашлянув, чтобы дать знать пришедшему для поздней молитвы человеку о своем присутствии.

Я опустилась на скамью позади плотного мужчины в желтой куртке-ветровке. Он почти тут же поднялся, преклонил колени перед алтарем, повернулся и направился к двери, коротко кивнув, когда проходил мимо меня.

Дверь со скрипом закрылась, и я осталась одна. Две большие белые алтарные свечи горели в неподвижном воздухе ровно, без вспышек. В сверкающей золотистой дароносице лежало несколько облаток. Я закрыла глаза и некоторое время просто прислушивалась к тишине.

В голове сумбурным водоворотом крутились события сегодняшнего дня. Будучи без пальто, я даже после короткого пути через парковочную площадку тряслась от холода, но мало-помалу отогрелась, и сжатые на коленях руки расслабились.

В конце концов, как обычно здесь и случалось, я перестала о чем-либо думать. Уж не знаю, то ли в присутствии вечности остановилось само время, то ли на меня навалилась вселенская усталость. Так или иначе, чувство вины из-за Фрэнка унялось, мучительная тоска по Джейми уменьшилась, и даже непрекращающееся давление материнства на мои эмоции снизилось до уровня фонового шума, сделавшись не громче медленного, равномерного и успокаивающего в темноте часовни биения сердца.

– Господи, – прошептала я, – отдаю на Твою милость душу твоего слуги Джеймса.

«И мою», – мысленно добавила я.

Я сидела там не шевелясь, глядя на мерцающий отблеск пламени свечи на золоченой поверхности дароносицы, пока позади не послышались тихие шаги. Кто-то вошел и со скрипом опустился на церковную скамью. Люди приходили сюда постоянно, днем и ночью. Благословенный алтарь никогда не оставался в одиночестве.

Я посидела еще несколько минут, потом соскользнула с церковной скамьи, в свою очередь поклонилась алтарю и, уже направляясь к выходу, увидела, как фигура в заднем ряду, в тени статуи святого Антония, зашевелилась. Человек встал и двинулся по проходу мне навстречу.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела я.

Фрэнк кивнул в сторону нового молящегося, уже преклонившего колени, и, взяв меня за локоть, повел наружу.

Я подождала, пока дверь часовни не закрылась позади нас, а потом вырвалась и развернулась лицом к нему.

– В чем дело? – раздраженно спросила я. – Ты зачем сюда притащился?

– Я беспокоился за тебя.

Он указал на пустую парковочную площадку, где его большой «бьюик» угнездился, словно защищая мой маленький «форд».

– Одинокой женщине разгуливать по ночам в этой части города небезопасно. Я пришел, чтобы проводить тебя домой. Вот и все.

Он не заговорил о Хинчклифах или об ужине, и мое раздражение растаяло.

– О! – сказала я. – А как же Брианна?

– Я попросил старую миссис Мансинг, соседку, приглядеть за ней, подойти, если малышка заплачет. Но она, похоже, крепко заснула и вряд ли потревожит старушку. А теперь пойдём, на улице холодно.

Так и было. Холодный ветер дул со стороны бухты, закручиваясь студеными кольцами вокруг фонарных столбов, и я в своей тонкой блузке зябко поежилась.

– Значит, увидимся дома.

Когда я вошла проведать Брианну, меня окутало ласковое тепло детской. Малышка все еще спала, но беспокойно, ворочая рыжей головкой из стороны в сторону, причмокивающий ротик открывался и закрывался, как у дышащей рыбки.

– Она проголодается, – прошептала я Фрэнку, который зашел в детскую вслед за мной и заглядывал мне через плечо, с любовью взирая на дочурку. – Лучше я покормлю ее сейчас, прежде чем лягу спать. Глядишь, тогда она подольше поспит утром.

– Я дам тебе чего-нибудь горяченького попить, – сказал он и, когда я взяла на руки сонный теплый сверток, исчез за кухонной дверью.

Она насытилась, отсосав молоко только из одной груди. Ленивый ротик медленно оторвался от соска, пушистая головка снова тяжело опустилась мне на руку, и, как ни старалась я побудить ее поесть из другой груди, все было тщетно. В конце концов мне пришлось отступить. Я уложила ее в кроватку и поглаживала по спинке, пока она, слегка отрыгнув, не погрузилась в спокойный, сытый, благостный сон.

– Ну, похоже, это на всю ночь?

Фрэнк накрыл ее детским одеяльцем, разрисованным желтыми кроликами.

– Похоже на то.

Я откинулась назад в кресле-качалке, слишком усталая и душой и телом, чтобы встать. Фрэнк подошел ко мне и остановился за спиной, его рука легко опустилась на мое плечо.

– Значит, он умер? – прозвучал мягкий вопрос.

«Я же говорила тебе!» – чуть было не вырвалось у меня, но я осеклась, закрыла рот и лишь кивнула, медленно раскачиваясь в кресле и глядя на темную кроватку с ее крохотной обитательницей.

Мою правую грудь болезненно распирало от молока, и было понятно, что, несмотря на всю усталость, мне, прежде чем уснуть, придется этим заняться. Со вздохом покорности судьбе я взялась за молочный отсос, нелепое с виду резиновое приспособление. Пользо-

ваться им было неудобно во всех смыслах, однако лучше сделать это сейчас, чем час спустя проснуться от распирающей боли в липкой от просочившегося молока рубашке.

Я махнула рукой, отсылая Фрэнка.

– Иди, это займет всего несколько минут, но без этого не обойтись...

Вместо того чтобы уйти или ответить, он забрал у меня резиновую грушу и положил ее на стол. Действуя как будто сама по себе, без вмешательства сознания, его рука медленно поднялась в теплом темном воздухе детской и нежно обхватила мою набухшую грудь.

Он наклонил голову и осторожно приник губами к моему соску. Ощувив болезненный, но приятный отток молока, я застонала, непроизвольно опустив ладонь на затылок Фрэнка, плотнее прижала его лицо к груди и выдохнула:

– Сильнее.

Его губы были ласковы и мягки, ничего общего с безжалостной хваткой крепких беззубых десен ребенка, вцеплявшихся в грудь с неутолимой жадностью.

Не отрываясь от груди, Фрэнк опустил на колени, и на меня накатила волна нежности, какую, как мне подумалось в тот миг, мог ощущать Господь при виде поклоняющегося Ему народа. Пелена усталости заставляла меня воспринимать все происходящее в замедленном темпе, как будто мы находились под водой. Руки Фрэнка двигались медленно, словно колышущиеся в подводных течениях морские водоросли. С требовательной, настойчивой нежностью морской волны они подняли меня и уложили, словно на прибрежный песок, на коврики детской. Я закрыла глаза, отдаваясь на волю этой волны.

* * *

Парадная дверь старого пасторского дома открылась со скрипом ржавых петель, возвестив о возвращении Брианны Рэндолл. Роджер моментально вскочил на ноги и устремился в холл на звук девичьих голосов.

– Фунт самого лучшего сливочного масла – вот что ты велела мне спросить. Я так и сделала. Ну а что, если бы я попросила не самого лучшего, а?

Брианна передавала пакеты Фионе, смеясь и разговаривая одновременно.

– Ну, если ты купила его у того старого негодника Уиклоу, так оно не то что не самое лучшее, но самое худшее, – перебила ее Фиона. – О, да ты прихватила и корицу, вот это здорово! Тогда я испеку булочки с корицей. Хочешь посмотреть, как я их делаю?

– Да, но сперва я хочу поужинать. Умираю с голоду!

Брианна встала на цыпочки, с надеждой принюхиваясь к ароматам, доносящимся из кухни.

– И что там готовится? Случайно, не знаменитый шотландский хаггис – ливер в телячьем рубце?

– Хаггис! Ну и глупышка же ты, англичаночка! Весной хаггис не готовят! Мы готовим его по осени, когда режут скот.

– Значит, я англичаночка? – Похоже, Брианна пришла в восторг от этого словечка.

– Ну конечно, глупышка. Но я все равно тебя люблю.

Фиона рассмеялась, глядя снизу вверх на Брианну, которая возвышалась над миниатюрной шотландской девушкой почти на фут. Рядом с очаровательной пухленькой девятнадцатилетней Фионой стройная высокая Брианна походила на резную готическую статую. Длинный прямой нос и светящиеся под стеклянным куполом золотисто-рыжие волосы усиливали впечатление: казалось, будто она сошла со страниц средневекового манускрипта, украшенного столь живыми и яркими рисунками, что для них и тысяча лет – не время.

Роджер заметил, что стоявшая рядом с ним Клэр смотрит на дочь с выражением, в котором были перемешаны любовь, гордость и что-то еще – может быть, воспоминания?

Он понял с легким потрясением, что Джейми Фрэзер, должно быть, отличался не только огромным ростом и рыжей шевелюрой викинга, но, скорее всего, и мощной аурой, что и передал своей дочери.

Это весьма примечательно, подумал он. Вроде бы Брианна не говорила и не делала ничего необычного, но привлекала к себе людей, не прилагая к тому ни малейших усилий. Было в ней нечто притягательное, почти магнетическое, вовлекавшее каждого в ее орбиту.

Как, например, сейчас притянуло его. Брианна обернулась, улыбнулась ему, и он, сам не заметив как, оказался так близко от нее, что теперь отчетливо видел бледные веснушки на высоких скулах и улавливал запах трубочного табака, впитанный ее волосами после прогулки по магазинам.

– Привет, – сказал он с улыбкой. – Ну как, повезло тебе с материалами о кланах или ты вместо этого валяла дурочку с Фионой?

– Дурочку валяла? – Глаза Брианны сузились, превратившись в лукавые голубые треугольники. – Сначала я вам англичаночка, а теперь и дурочка. Интересно, как вы, шотландцы, называете человека, если хотите выразить к нему доброе отношение?

– Дор-р-р-рогуш-ш-ша, – ответил он, преувеличенно прокатив «р» и потянув «ш», отчего обе девушки рассмеялись.

– Вы говорите как абердинский терьер, когда он не в духе, – заметила Клэр. – Но и правда, Бри, нашла ты в библиотеке горных кланов что-нибудь полезное?

– Много чего, – ответила Брианна, роясь в стопке фотокопий, которую она выложила на столик в прихожей. – Большую часть документов, пока они делали копии, мне удалось прочесть. Вот самая интересная история.

Она вытащила из стопки листок и передала его Роджеру.

Это была выдержка из сборника, посвященного преданиям шотландских горцев, статья о легенде под названием «Скачущий бочонок».

– Предания? – с сомнением сказала Клэр, взглянув через его плечо. – Это то, что нам нужно?

– Очень может быть, – рассеянно отозвался Роджер, поскольку внимательно читал листок и не мог сосредоточиться на разговоре и чтении одновременно. – Когда речь идет о шотландских горцах, большая часть истории устная, примерно до середины девятнадцатого века. А это значит, что рассказы о реальных людях и исторических событиях в этой традиции соседствуют и переплетаются с сугубо сказочными сюжетами вроде рассказов о водяных лошадях, привидениях или деяниях маленького народца. Ученые, которые записывали эти истории, тоже зачастую не могли разобраться, с какого рода рассказами имеют дело – порой это было сочетание факта и мифа, порой чистый вымысел, но случалось наткнуться и на описание реального исторического события. Вот это, например, – он передал листок Клэр, – не похоже на сказку. Здесь повествуется о том, как совершенно конкретный скальный откос в горной Шотландии получил свое нынешнее название.

Клэр заправила прядь волос за ухо и, склонив голову, начала читать, щурясь в смутном свете, пробивавшемся сквозь застекленный потолок. Фиона, выросшая в окружении пожелтевших бумаг и скучных хроник, ничуть не заинтересовалась очередным историческим документом и улизнула на кухню проследить, как дела с ужином.

– «Скачущий Бочонок, – прочитала Клэр. – Уступчатый каменистый склон над речушкой, получивший название в честь истории, связанной с лэрдом-якобитом и его слугой. Лэрд, один из немногих счастливчиков, сумевших спастись после поражения при Куллодене, с трудом добрался до своих владений, но почти семь лет ему пришлось жить на собственной земле, скрываясь в пещере, поскольку англичане рыскали по горной Шотландии, вылавливая беглых сторонников Карла Стюарта. Арендаторы лэрда верно хранили тайну его убежища, приносили ему в его укрытие еду и припасы и из осторожности, чтобы случайно не выдать

его английским патрулям, которые частенько прочесывали этот район, даже между собой называли укрывавшегося мятежника не иначе как Серая Шляпа. Однажды паренек, который нес бочонок с элем вверх по склону холма к пещере лэрда, нарвался на отряд английских драгун. Он храбро отказался отвечать на их вопросы, а когда один из солдат вздумал было отобрать у него бочонок, уронил его, и бочонок, подпрыгивая, покатился вниз по откосу, скакнул в протекавшую внизу речушку и был унесен потоком».

Она оторвала глаза от листка и, вопросительно подняв брови, взглянула на дочь.

– А что особенного именно в этой истории? Мы знаем – или полагаем, – поправилась она, кивнув в сторону Роджера, – что Джейми спасся после Куллодена, но ведь спаслось и немало других людей. Что наводит тебя на мысль, будто именно Джейми и был этим лэрдом?

– Серая Шляпа, конечно, – ответила Брианна, словно удивившись столь нелепому вопросу.

– Что? – Роджер посмотрел на нее с недоумением. – При чем тут Серая Шляпа?

Вместо ответа Брианна взяла в щепотку прядь своих густых рыжих волос и помахала ими у него перед носом.

– Серая Шляпа, – нетерпеливо повторила девушка. – Почему арендаторы прозвали лэрда именно так? Да потому что, выходя из убежища, он всегда носил шляпу, чтобы его не могли узнать по бросающимся в глаза волосам. Ты же сама рассказывала, что англичане прозвали его Рыжим Джейми. Враги знали, что у него рыжие волосы, – ему пришлось скрывать их!

Роджер, потеряв дар речи, уставился на ее ниспадающие волнами, пламенеющие волосы.

– Возможно, ты права, – произнесла Клэр, сияя от воодушевления. – Они были точно такими, как у тебя, Бри.

Она потянулась и нежно погладила волосы Брианны. Девушка ответила ей ласковым взглядом.

– Я знаю, – сказала она. – Я думала об этом, пока читала, – пыталась увидеть его, понимаешь? – Она остановилась и прокашлялась, словно у нее вдруг застрял комок в горле. – Представила его себе скрывающимся в пустоши среди вереска: он прячется, а солнце отсвечивает от его волос. Ты говоришь, что он был изгнанником; мне подумалось... я просто подумала, что он наверняка очень хорошо умел... прятаться. Ну, от людей, которые хотели его убить, – тихо закончила девушка уже без прежней уверенности.

– Верно! – торопливо подтвердил Роджер, чтобы рассеять тень в глазах Брианны. – Это прекрасная догадка, но, наверное, мы сможем сказать точнее, если еще немного поработаем. Если найдем на карте этот Скачущий Бочонок...

– Ты что, за дурочку меня принимаешь? – обиженно буркнула Брианна. – Я об этом подумала. – Тень в глазах исчезла, вместо нее появилось выражение самодовольства. – Потому-то я так припозднилась: заставила библиотекаря вытащить все карты горной Шотландии, какие у них есть.

Она достала из стопки еще одну фотокопию и торжествующе ткнула пальцем в точку ближе к верхнему краю.

– Видите? Этот холм такой крохотный, что на большинстве карт его не обозначают, но на этой он есть. Вон там деревушка Брех-Мордха, которая, как говорила мама, неподалеку от усадьбы Лаллиброх, а вот холм.

Ее палец сдвинулся на четверть дюйма, указав на карте микроскопическую отметку.

– Видите? – повторила девушка. – Он вернулся в свое поместье Лаллиброх, где и скрывался.

– Не имея лупы, я поверю на слово, что тут написано «Скачущий Бочонок», – сказал, выпрямившись, Роджер и улыбнулся Брианне. – Ну, поздравляю. Похоже, ты нашла его, пусть и так далеко.

Брианна улыбнулась, но ее глаза подозрительно блестели.

– Ага, – тихо произнесла она, слегка прикоснувшись пальцем к двум листкам. – Это мой отец.

Клэр сжала руку дочери.

– Приятно видеть, что ты унаследовала не только волосы отца, но и сообразительность матери, – сказала она с улыбкой. – Пойдем и отпразднуем твоё открытие за приготовленным Фионой ужином.

– Хорошая работа, – сказал Роджер Брианне, когда они вслед за Клэр направились к столовой. Его рука легко лежала на ее талии. – Тебе есть чем гордиться.

– Спасибо, – отозвалась она с улыбкой, но почти сразу к ней вернулась задумчивость.

– Что с тобой? – тихо спросил Роджер, остановившись в холле. – Что-то случилось?

– Нет, в общем, нет.

Она повернулась к нему, и он увидел, что между рыжими бровями залегла маленькая морщинка.

– Только... я задумалась, попыталась представить... Как ты думаешь, каково это было для него? Жить в пещере на протяжении семи лет? И что стало с ним потом?

Движимый порывом, Роджер наклонился вперед и коснулся этой милой морщинки поцелуем.

– Не знаю, дорогая, – сказал он. – Но возможно, мы это выясним.

Часть вторая Лаллиброх

Глава 4 Серая шляпа

Лаллиброх, ноябрь 1752 года

Раз в месяц, когда кто-то из парнишек говорил ему, что это безопасно, он спускался в дом, чтобы побриться. Всегда по ночам, крадучись в темноте, как лис. Риск оставался, но бритье казалось ему необходимым, чтобы вконец не одичать, – оно являло собой символ продолжающейся связи с цивилизацией.

Словно тень, он проскальзывал в дверь кухни, где его встречала улыбка Айена или поцелуй сестры и начиналось таинство преображения. Таз с горячей водой стоял наготове, только что правленая бритва лежала на столе вместе с тем, чему предстояло послужить мылом для бритья. Иногда, когда кузен Джаред присылал посылку из Франции, это было настоящее мыло, чаще же полуобработанный щелоком жир, щипавший глаза.

Ощущение начала преображения приходило с первыми ароматами кухни – дразнящими, насыщенными и не имеющими ничего общего со ставшими привычными, разносимыми ветром запахами болота и леса, однако лишь по завершении ритуала бритья он снова начинал в полной мере чувствовать себя человеком.

Они научились не торопить его с разговором, терпеливо ждали, когда он побреется, и с пониманием относились к тому, что после месячного одиночества слова давались ему с трудом. И не потому, что ему нечего было сказать, скорее наоборот: слова устремлялись в горло и образовывали затор, каждое хотело успеть вырваться наружу за то короткое время, что имелось в его распоряжении. Ему необходимы были эти несколько минут тщательной подготовки, чтобы выверить и отобрать, с чего он начнет и к кому обратится.

Ему, конечно, было и что послушать, и о чем спросить – об английских патрулях в окрестностях, о политике, об арестах и судебных процессах в Лондоне и Эдинбурге. Но это потерпит, прежде всего надо потолковать с Айеном об усадьбе, с Дженни – о детях. Ну а если все сочтут это безопасным, то можно будет даже привести сонных детишек, чтобы они поздоровались со своим дядей, обнялись с ним, расцеловались и, нетвердо ступая, вернулись в постели.

– Скоро он станет мужчиной!

Первое, что сказал он во время сентябрьского визита, кивнув в сторону старшего ребенка Дженни, своего тезки. Десятилетний мальчик сидел за столом, отчетливо осознавая и достоинство своего нынешнего положения единственного мужчины дома, и бремя сопряженной с этим положением ответственности.

– Ага, чего мне не хватает, так это лишнего беспокойства из-за еще одного баламута, – съязвила его сестра, но как бы невзначай коснулась плеча сына с несомненной, противоречившей ее словам гордостью.

– Что слышно об Айене?

Три недели назад мужа его сестры в очередной, уже четвертый раз арестовали по подозрению в пособничестве якобитам и отправили в Инвернесс.

Дженни покачала головой и поставила перед ним накрытое блюдо, а когда сняла крышку, то от пирога сквозь проколотую в подрумянившейся корочке дырочку поднялся такой дух, что у него аж слюнки потекли.

– Беспокоиться не о чем, – сказала Дженни, выкладывая пирог ему на тарелку. Голос у нее был спокойный, но маленькая морщинка между бровями выдавала озабоченность. – Я послала Фергюса, чтобы он предъявил им акт переуступки и бумаги, данные Айену по увольнению из полка. Как только они удостоверятся, что он не лэрд Лаллиброха и, стало быть, взять с него нечего, его отпустят домой.

Бросив взгляд на сына, она взялась за кувшин с элем, добавив:

– И черта с два им удастся доказать, что малый ребенок – изменник и бунтовщик.

Голос ее был мрачен, но в нем ощущалась нотка удовлетворения, вызванная беспомощностью английского суда. Покрытый каплями дождя акт переуступки, подтверждавший передачу титула лэрда Лаллиброха от старшего Джейми к младшему, уже не раз фигурировал на процессах и срывал попытки короны конфисковать имение как собственность бунтовщика-якобита.

Однако всему приходит конец, настало время покидать гостеприимный дом, и сразу за его порогом он начинал чувствовать, как вместе с домашним теплом и уютом от него уходит ощущение причастности к этому семейному миру. Иногда ему удавалось сохранять иллюзию на протяжении всего пути до пещеры, порой же она улетучивалась почти мгновенно, развеянная холодным, едко пахнувшим гарью ветром.

За высокогорным полем англичане сожгли три фермы. Хью Кирби и Джеффа Муррея схватили у очагов, вытащили наружу и пристрелили у порога собственных домов, не задав вопросов и не предъявив никаких официальных обвинений. Молодой Джо Фрэнгер, предупрежденный увидевшей англичан женой, успел бежать и три недели жил с Джейми в пещере, пока солдаты не ушли из этого района, уведя с собой Айена.

В октябре он пообщался и со старшими мальчиками: Фергюсом, французским подростком, которого он забрал из притона в Париже, и Рэбби Макнабом, сыном кухарки, лучшим другом Фергюса.

Медленно проведя бритвой вниз по щеке и вокруг челюсти, он вытер покрытое мыльной пеной лезвие о край бритвенного тазика и тут краешком глаза заметил Рэбби Макнаба, следящего за процессом с восхищенным и чуточку завистливым выражением. Слегка повернувшись, он увидел, что трое парнишек: Рэбби, Фергюс и юный Джейми – все таращатся на него с приоткрытыми ртами.

– Неужто вы раньше не видели, как бреется мужчина? – спросил он, подняв брови.

Рэбби с Фергюсом переглянулись, но ответ предоставили официальному владельцу усадьбы.

– Ну... да, дядя, – пробормотал он, краснея. – Но... я хочу сказать...

Он слегка запнулся и покраснел еще пуще.

– Когда моего папы нет, да и даже когда он дома, мы нечасто видим, как он бреется, и... ну... у тебя столько волос на лице, дядя, после целого месяца... и мы так рады видеть тебя снова и...

И тут Джейми совершенно неожиданно пришло в голову, что мальчишки, должно быть, видят в нем чрезвычайно романтическую фигуру. Живет один в пещере, выходит в темноте, чтобы поохотиться, появляется в ночи из тумана грязный, дико заросший, весь покрытый ярко-рыжей порослью. Да, в их возрасте кажется, что быть изгоем и скрываться в вересковой пустоши в сырой тесной пещере – это чудесное приключение. В пятнадцать, шестнадцать и десять лет они не имеют представления об изводящем чувстве вины, горечи одиночества или бремени ответственности, от которого невозможно освободиться.

В каком-то смысле они, наверное, понимают, что такое страх. Страх перед пленом, болью, страх смерти. Но боязнь одиночества, постоянного, чреватого безумием пребывания с самим собой, – это совсем другое дело. Как и непреходящая тревога о том, как бы не

навлечь беду на них. Впрочем, уж об этом-то они или вовсе не задумывались, или со свойственной юности беспечной уверенностью в собственном бессмертии просто отмахивались.

– Ну ладно, – сказал он, небрежно повернувшись к зеркальцу, когда юный Джейми, запнувшись, умолк. – Мужчина для того и рождается, чтобы познать печаль и обрасти бакенбардами. Это одно из проклятий Адама.

– Адама?

Фергюс был явно озадачен, в то время как остальные его товарищи притворялись, будто понимают, о чем говорит Джейми. Фергюсу же стесняться было нечего: для него, иностранца, неведение считалось простительным.

– Его самого, праотца Адама.

Джейми вобрал верхнюю губу и деликатно поскреб бритвой под носом.

– Вначале, когда Господь сотворил человека, подбородок Адама был лишен растительности, как и у Евы. И тела у обоих были гладкими, словно у новорожденных младенцев, – добавил он, заметив, как взгляд племянника метнулся в сторону паха Рэбби.

Хотя борода у Рэбби еще не росла, легкий темный пушок над верхней губой наводил на мысль о растительности в других местах.

– Но стоило им, когда ангел с огненным мечом изгнал их из Эдема, оказаться за воротами райского сада, как подбородок Адама начал чесаться и на нем выступила щетина. С тех пор мужчина обречен на бритье.

Джейми закончил брить собственный подбородок и театрально поклонился своим слушателям.

– Ну а что насчет остальных волос? – спросил Рэбби. – Вы ведь не бреете там!

Юный Джейми при этой мысли прыснул, снова залившись краской.

– Слава богу, что в тех местах, которые не на виду, можно обойтись без бритья, – невозмутимо отозвался его старший тезка. – А то для этого потребовалась бы чертовски твердая рука. Правда, зеркало не понадобилось бы.

Все расхохотались.

– А как насчет леди? – спросил Фергюс.

На слове «леди» его голос сорвался, что вызвало новый взрыв смеха.

– Конечно, у *les filles*¹, девиц, там тоже есть волосы, но они их не бреют. Обычно не бреют, – поспешно поправился он, видимо припомнив что-то из своей прошлой жизни в борделе.

Шаги в коридоре известили Джейми о приближении сестры.

– Ну, у леди это вовсе даже и не проклятие, – заявил он своей восхищенной аудитории, взяв тазик и аккуратно выплеснув содержимое через открытое окно. – Бог даровал им некую растительность в утешение мужчинам. Когда вам, джентльмены, выпадет привилегия увидеть женщину не обремененной одеждой, – он взглянул через плечо на дверь и доверительно понизил голос, – вы заметите, что волосы там растут в форме стрелы, указывающей направление, смекаете? Чтобы бедный невежественный мужчина не сбился с верного пути.

Он с важным видом отвернулся от затыкавших себе рты, корчившихся от хохота мальчишек и неожиданно устыдился, увидев медленно шедшую вперевалку беременную сестру, которая несла поднос с его ужином поверх уже основательно выступавшего живота. Собственные шутки, произнесенные ради минутного чувства товарищества, вдруг показались ему оскорбительными и неуместными.

– Тихо! – рявкнул он.

Смех оборвался, мальчишки уставились на него в недоумении. Он поспешил вперед, забрал поднос у Дженни и поставил его на стол.

¹ Девушек (*фр.*).

Вкуснейшее блюдо из козлятины и бекона издавало такой запах, что у Фергюса нетерпеливо задергался кадык. Джейми знал, что к его приходу они выставляют на стол самое лучшее, специально прибереженное для него. Чтобы понять это, было достаточно взглянуть на их исхудалые лица. Конечно, приходя сюда, он приносил с собой мясо попавших в силки кроликов или куропаток, порой гнездо с яйцами ржанки, но этого, разумеется, никак не могло хватить для дома, где кормились не только хозяева и слуги, но также семьи погибших Кирби и Муррея. По крайней мере, до весны вдовы и дети его арендаторов должны потерпеть, а ему необходимо сделать все от него зависящее, чтобы прокормить их.

– Сядь рядом со мной, – сказал он Дженни, взял ее за руку и мягко подвел к сиденью на лавке рядом с собой.

Та удивилась – обычно в его приходы она прислуживала ему, – но и определенно обрадовалась. Час был поздний, и темные круги под глазами Дженни выдавали ее усталость.

Отложив себе изрядную порцию козлятины, Джейми решительно поставил тарелку перед сестрой.

– Но это все для тебя! – возразила Дженни. – Я уже поела.

– Недостаточно, – отрезал он. – Тебе нужно больше, ты ведь на сносях и должна есть за двоих, – вдохновенно добавил Джейми, зная, что сестра не сможет отказаться поесть ради младенца, которого носит.

И верно. Чуть поколебавшись, Дженни приступила к трапезе.

Стоял ноябрь, холод пробирался сквозь его тонкую рубашку и штаны, но он почти не замечал этого, сосредоточившись на выслеживании. Небо было затянуто облаками, но тонкие барашки пропускали лунное сияние, так что света хватало.

Слава богу, что не было дождя: сквозь шум дождевых капель невозможно слышать, а острый запах мокрой листвы забивает запах животных. Его обоняние за долгие месяцы жизни на открытом воздухе обрело почти болезненную остроту, и теперь, когда он навещал в усадьбу, домашние запахи чуть не сшибали его с ног.

Он находился недостаточно близко, чтобы уловить мускусный запах, но услышал шорох, выдавший оленя, вздрогнувшего в тот миг, когда он учуял охотника. Животное замерло, превратившись в одну из теней, колышущихся на склоне холма под мчавшимися по небу облаками.

Как можно медленнее Джейми повернулся в том направлении, где его слух зафиксировал шорох. В руках у него был лук со стрелой наготове. Если будет возможность сделать выстрел, то только один, после того как олень сорвется с места.

Да, там! Его сердце подпрыгнуло, когда он увидел торчавшие над низкими зарослями утесника, резко выделявшиеся на фоне неба рога. Собравшись и медленно набрав воздуха, Джейми шагнул вперед.

Вспугнутый олень срывается с места столь стремительно, с таким шумом, что охотник зачастую теряет, упуская драгоценные мгновения. Но этому охотнику выдержки было не занимать: он не вздрогнул, не дернулся, не попытался пуститься в погоню, а, не сходя с места и глядя вдоль древка стрелы, хладнокровно оценил скорость и направление и, выждав момент, спустил больно хлестнувшую его по запястью тетиву.

Выстрел оказался метким – стрела вонзилась под лопатку и, к счастью для Джейми, сомневавшегося в том, что у него хватило бы сил догнать раненое животное, свалила оленя на месте. Он рухнул на поляну, неуклюже вытянув ноги, как это бывает с умирающими копытными. Лунный свет отразился в стекленеющих глазах, замаскировав темное таинство умирания ни о чем не говорившим серебром.

Вытащив из-за пояса кинжал и опустившись на колени рядом с добычей, Джейми торопливо произнес слова молитвы, которой его научил старый Джон Муррей, отец Айена.

Отец самого Джейми, впервые услышав эти слова из его уст, поморщился, из чего Джейми заключил, что данная молитва, скорее всего, адресована не тому богу, к которому они обращались по воскресеньям в церкви. Но отец так ничего и не сказал. Сам же он в тот первый раз отбарабанил ее, почти не слыша себя, в нервном возбуждении, ощущая на своей руке руку старого Джона, придававшую ему твердости в тот миг, когда он впервые в жизни вонзил нож в звериную шкуру и рассек плоть, от которой поднимался пар.

Теперь, уже набравшись опыта, он одной рукой решительно поднял вверх липкую морду, а другой перерезал оленю горло. Из-под ножа ударил горячий фонтан крови, которая после двух или трех судорожных толчков полилась равномерным потоком.

В других обстоятельствах по здравом размышлении он, наверное, не стал бы этого делать, но голод, головокружение, свежесть холодной ночи и опьянение охотничьего азарта к раздумьям не располагали. Он сложил ладони чашечкой, подставил под вытекавший из рассеченного горла поток и поднес густую, испускающую пар, черневшую в лунном свете жидкость к губам.

С ощущением, будто он не просто пьет кровь, а поглощает саму суть добычи, Джейми втянул в себя солоноватую, с легким привкусом серебра субстанцию, жар которой казался ему его собственным. Кровь не ощущалась горячей, он вообще воспринял только ее вкус, кружащий голову металлический запах, и лишь потом его изголодавшийся желудок сжался в комок и отозвался на эту замену еды громким бурчанием.

Он закрыл глаза, отдышался и через некоторое время вновь начал воспринимать витающую между ним и остывающей тушей стылую сырость. Джейми сглотнул, провел по лицу тыльной стороной ладони, вытер окровавленные руки о траву и принялся за дело.

Ему пришлось приложить усилие, чтобы переместить в правильное положение обмякшую, отяжелевшую тушу, после чего последовал «гэллох» – сочетающий силу и точный расчет горский охотничий удар, продольно рассекший шкуру в области брюха, но не затрагивающий пузырь с потрохами. Опять же с усилием он запустил руки прямо в горячую плоть и рывком вытащил поблескивающий, как и его руки, в свете луны мешок с внутренностями наружу. Два точных надреза выше и ниже позволили отделить потроха от туши, завершив черное таинство превращения живого зверя в мясо.

Олень, хоть и обладал высокими, заметными издали рогами, сам был невелик, и Джейми прикинул, что сможет унести тушу самостоятельно, не отправляясь за помощью, а стало быть, не оставляя добычу на сомнительную милость лис и барсуков. Он забросил тушу на спину, кряхтя от усилия, поднялся на ноги и повел плечами, пристраивая ношу поудобнее.

Медленно, неуклюже он направился вниз по склону – вместе с ним в свете луны скользила причудливая горбатая тень. Рога оленя подпрыгивали над его плечом, и в профиль тень казалась тенью некоего рогатого существа, что заставило его непроизвольно поежиться. Вспомнились легенды о ведьмовских шабашах, где говорилось о явлении Рогатого, пившего приносимую ему в жертву козлиную или петушиную кровь.

Джейми чувствовал, что он слегка не в себе, что поддается неодолимой бездумности. Все чаще и чаще он ощущал раздвоение, распад собственной личности на две, дневную и ночную. Днем он руководствовался исключительно рассудком, дисциплинируя свои мысли с помощью медитации и ища укрытия от отчаяния реальности на страницах книг. Но с восходом луны, когда он, как зверь из логовища, выходил на свежий воздух и рыскал под звездами по темным склонам холмов, когда голод и магический лунный свет пробуждали в нем кровожадный инстинкт охотника, рассудок и логика уступали место чувствам.

Джейми шагал, глядя себе под ноги, благо его ночное зрение обострилось настолько, что он почти не рисковал споткнуться. Обмякшая туша, тершаяся шерстью о его загривок, уже остывала, как, впрочем (словно он отчасти разделял участь с добычей), охлаждалось на ветру и его собственное потное, разгоряченное тело.

И только когда впереди показались огни Лаллиброха, Джейми снова почувствовал, как его ночная и дневная суть, рассудочное и эмоциональное начало вновь сливаются воедино. Ведь он шел домой с добычей, чтобы накормить свою семью.

Глава 5

Нам даровано дитя

Прошло три недели, а Айен все не возвращался – о нем вообще не было никаких вестей. Вдобавок и Фергюс несколько дней не навещался в пещеру, оставляя Джейми в мучительной тревоге относительно того, как обстоят дела дома. Помимо всего прочего, от подстреленного им оленя с учетом всех лишних ртов, которые приходилось кормить, давно уже ничего не осталось, а огород в это время года выручал слабо.

В конце концов его беспокойство возросло настолько, что он принял решение, невзирая на риск, после вечерней проверки силков спуститься с холмов и навеститься домой. Как всегда в таких случаях, он надел свой серо-коричневый колпак из грубой шерсти, надежно прикрывший готовые предательски засветиться в лучах предзакатного солнца ярко-рыжие волосы. Разумеется, его рост и стать, наткнись он на патруль, могли бы вызвать подозрение, но Джейми был уверен в своей способности первым заметить опасность, в быстроте ног и знании местности. По части умения улепетывать да замечать следы в вересковой пустоши с ним не мог бы потягаться и заяц.

По приближении к усадьбе его поразила тишина, странная для дома, где полным-полно ребятни: пять отпрысков Дженни и шесть детишек арендаторов, не говоря о Фергюсе и Рэбби Макнабе, которые, хоть и считали себя взрослыми, зачастую гонялись друг за другом по конюшням, визжа, как дьяволята.

Войдя через заднюю дверь и остановившись перед кухней, Джейми прислушался – дом настораживал непривычным ощущением пустоты. Он находился в хозяйственном коридоре, дверь по одну сторону вела в кладовку для провизии, а по другую – в буфетную и кухню. Несколько мгновений он стоял как вкопанный, впитывая и осмысливая запахи и едва слышимые звуки. Нет, дом не был пуст. Об этом свидетельствовали приглушенные шумы, доносившиеся из-за закрытой, обитой тканью кухонной двери, – ритмичные скребки и позвякивание.

То были успокаивающие, домашние звуки, и Джейми с опаской решился-таки приоткрыть дверь.

Его сестра Дженни, одна, если не считать младенца в ее чреве, стояла у стола, помещивая что-то в желтой миске.

– Что ты здесь делаешь? А где миссис Крук?

– Джейми! – воскликнула беременная женщина, побледнев и выронив ложку. – Господи, – она прижала руку к груди и закрыла глаза, – ты напугал меня до смерти.

Ее глаза, такие же темно-голубые, как у него, снова открылись, и она вперила в брата вопрошающий взгляд.

– И что, во имя Пресвятой Девы, ты вообще здесь делаешь? Я ждала тебя только через неделю, никак не раньше.

– Фергюс давненько не навещался в горы, вот я и забеспокоился, – искренне ответил он.

– Джейми, ты прелесть.

Бледность сошла с ее лица, уступив место теплой улыбке. Она подошла к брату и обняла его. Получилось несколько неуклюже с ее-то животом, но от души. На миг он прижался щекой к ее макушке, вдыхая замысловатую смесь запахов свечного воска и корицы, самодельного мыла и шерсти. Сегодня, как ему показалось, к ним добавился еще один – от нее начинало пахнуть грудным молоком.

– А где все? – спросил он, неохотно выпустив сестру из своих объятий.

– Ну так ведь миссис Крук умерла, – ответила она, и слабая морщинка между бровями углубилась.

– Вот как? – Он тихо перекрестился. – Какая жалость.

Миссис Крук служила в усадьбе сначала горничной, а потом домоправительницей еще с тех пор, как поженились их родители, то есть больше сорока лет.

– Когда?

– Вчера до полудня. Ее кончина не была неожиданной, и отошла она мирно, как и хотела, в своей постели, и отец Макмартри прочел над ней молитву.

Джейми задумчиво посмотрел на дверь, которая вела в расположенные за кухней комнаты прислуги.

Его сестра покачала головой.

– Нет. Я предложила ее сыну провести прощальное бдение у нас в доме, но Круки рассудили, что в нынешней ситуации...

В выражении ее лица отразилось все: и отсутствие Айена, и опасения относительно рыщущих в округе красных мундиров, и бегство арендаторов, и нехватка продуктов, и тот факт, что ее брату приходится прятаться в пещере.

– ...им лучше провести его в Брех-Мордхе, в доме ее сестры. Туда все и пошли. Ну а я сказала им, – она улыбнулась, лукаво приподняв бровь, – что неважно себя чувствую и лучше останусь дома. Но если честно, мне просто хотелось провести несколько часов в тишине и покое.

– Ну вот, а я сдуру заявился и все испортил, – сокрушенно сказал Джейми. – Может, мне уйти?

– Нет уж, братишка, – с любовью в голосе промолвила Дженни, – садись, а я продолжу готовить ужин.

– А что ожидается на ужин? – спросил он, с надеждой принохиваясь.

– Это зависит от того, что ты принес, – ответила сестра.

Она тяжело передвигалась по кухне, доставая, что требовалось, из ящиков кухонного шкафа и останавливаясь, чтобы помешать варево в большом, стоявшем на огне чугушке, над которым поднимался пар.

– Если ты принес мясо, мы его поедим. Если нет, то будет похлебка на голяшке.

При мысли о ячмене в бульоне из говяжьей голени соленой туши, купленной им два месяца назад, Джейми поморщился.

– Слава богу, обойдемся без солонины. Мне нынче повезло.

Он открыл свой охотничий мешок и выложил на стол три тушки серых длинноухих зайцев.

– Я еще и дикой колючей сливы нарвал, – добавил он, вываливая содержимое своей основательно заляпанной красным соком серой шляпы.

Глаза Дженни вспыхнули.

– Пирог с зайчатинной, вот здорово! Смородины, правда, нет, но эти плоды ничуть не хуже, а масла у меня, слава богу, достаточно. – Уловив в сером меху едва заметное шевеление, она хлопнула ладонью по столу, устранив нежелательного крохотного визитера. – Джейми, вынес бы ты их наружу да содрал шкуру, а то, неровен час, блохи примутся скакать по всей кухне.

Вернувшись с освежаванными тушками, он увидел, что Дженни в припорошенном мукой переднике уже замесила тесто для пирога.

– Джейми, разруби косточки и порежь мясо на ломтики, – попросила она, задумчиво глядя в лежащую рядом с противнем для пирога книгу «Рецепты миссис Макклинток длястряпни и выпечки».

– Но ведь ты можешь запечь зайчатину и без этой книжицы?

Он взял с крышки ящика для утвари большой деревянный молоток для дробления костей, взвесил его на руке и невольно поморщился. Несколько лет назад в английской

тюрьме такой же киянкой ему раздробили правую кисть, и неожиданно нахлынувшие воспоминания были не самыми приятными. Впрочем, это не помешало ему энергично взяться за отбивание заячьих тушек.

– В общем, могу, – рассеянно отозвалась сестра, перелистывая страницы. – Просто, когда не хватает половины составляющих, необходимых, чтобы приготовить блюдо как следует, в книге можно найти советы насчет того, чем что заменить.

Она нахмурилась, глядя на страницу перед собой.

– Обычно я использую для соуса кларет, но кларета в доме нет, остался только один бочонок, принадлежавший Джареду, но его я трогать не хочу – он нам еще может пригодиться.

Джейми знал, зачем он может ей понадобиться. Бочонок кларета годился на взятку кому-нибудь из представителей власти, чтобы ускорить освобождение Айена или, на худой конец, узнать что-то о его судьбе.

Украдкой он бросил взгляд на большой округлившийся живот Дженни. Конечно, мужчине о таких вещах судить трудно, но, в меру его понимания, до родов осталось совсем немного.

Неожиданно Джейми потянулся к котелку, окунул лезвие кинжала в булькающую воду, обтер его и убрал оружие в ножны.

– Джейми, ты зачем это сделал?

Он повернулся и увидел, что сестра смотрит на него в упор. Черные кудряшки выбивались из-под чепца, и у Джейми сжалось сердце, ибо среди угольно-черных прядей он углядел единственную серебристую нить.

– А, это, – машинально ответил он, берясь за заячью тушку. – Клэр всегда говорила, что перед тем, как касаться ножом еды, нужно ополоснуть лезвие в кипятке.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как Дженни подняла брови. Она спросила его о Клэр только один раз, когда он вернулся с Куллодена в лихорадке, едва живой, мало что соображающий.

«Она ушла, – отрезал он тогда и отвернулся. – Больше не произноси при мне ее имя».

Дженни, привыкшая его слушаться, помалкивала, и до сих пор эта тема никем не затрагивалась.

Трудно сказать, что подтолкнуло его помянуть Клэр сегодня, не иначе как сны.

Разные, но объединяемые ее образом, они посещали его очень часто, и, пробуждаясь, он чувствовал себя так, словно Клэр в какой-то момент действительно была рядом с ним, настолько близко, что он мог к ней прикоснуться. А потом снова исчезала.

Он мог бы поклясться, что порой, уже проснувшись, чувствовал незабываемый запах, оставленный ею, – мускусный, насыщенный дразнящими свежими ароматами листьев и пряных зеленых трав. Во сне он не раз изливался, отчего ему всегда делалось неловко и даже стыдно. Чтобы отвлечься, Джейми кивнул на живот сестры.

– Уже скоро? – спросил он, всматриваясь в набухшую округлость. – Ты похожа на гриб-дождевик, стоит дотронуться – и пуфф!

Для наглядности он резко разжал пальцы.

– Ага, как же, – фыркнула Дженни, – мне, знаешь ли, очень бы хотелось, чтобы все прошло так легко: пуфф, да и только.

Она выгнула спину, потеряв поясницу, отчего живот выпятился и вовсе угрожающе. Джейми даже прижался к стене, чтобы освободить для него побольше места.

– Что же до твоего вопроса, то это может случиться в любой момент. Скоро, очень скоро, но точнее сказать трудно.

Она взяла чашку и отмерила муку. Джейми мрачно отметил, что в мешке осталось совсем мало.

– Пошли за мной в пещеру, когда начнется, – неожиданно сказал он. – Я спущусь, невзирая на красные мундиры.

Дженни перестала помешивать и уставилась на него.

– Ты? Зачем?

– Ну, раз Айена здесь нет... – неопределенно ответил он, продолжая сноровисто разделывать тушку.

Несколько быстрых разрезов, три удара молотком – и вот она, расплющенная, уже готова для дальнейшей обработки.

– И чем бы мне помог Айен, будь он здесь? – хмыкнула Дженни и потянулась за куском сливочного масла.

Джейми тоже хмыкнул, уселся, чтобы продолжить разделку мяса, и живот сестры оказался прямо на уровне его глаз, так что можно было увидеть, как беспокойно шевелится под фартуком новая жизнь. Не удержавшись, он коснулся рукой выпуклого полушария и ощутил поразительно сильные толчки обитателя чрева, которому надоело находиться в тесном заточении.

– Когда придет срок, пришли за мной Фергюса, – снова сказал он.

Она посмотрела на него с досадой и стукнула его по руке ложкой.

– Тебе ведь уже сказано, что твои услуги мне не потребуются! Ради бога, парень, мне и без тебя забот хватает, когда дом полон людей, а запасов кот наплакал. Айен в тюрьме, в Инвернесе не продохнуть от красных мундиров: в окно выглянешь, а они тут как тут. Не хватало мне переживать еще и за тебя: не ровен час, сцапают!

– Нечего за меня переживать, уж как-нибудь сам о себе позабочусь.

Он отвернулся от нее и сосредоточился на нарезании мяса.

– Вот и хорошо, заботься, оставаясь на холме, – заявила она, глядя на него поверх края миски. – У меня уже шестеро ребятишек, и до сих пор я управлялась неплохо, так? Думаю, управлюсь и на сей раз.

– Выходит, спорить не о чем? – спросил он.

– Да! Надеюсь, у тебя хватит ума сидеть и не высовываться?

– Как бы не так – я приду.

Дженни прищурилась и вперила на него долгий взгляд.

– Ты, пожалуй, самый упрямый горец отсюда до самого Абердина!

Брат поднял на нее глаза и улыбнулся.

– Может быть, – сказал он, потянулся и погладил ее по колыхавшемуся животу. – А может быть, и нет. Но я приду. Так что когда настанет время, пошли за мной Фергюса.

Спустя три дня Фергюс поднялся по склону к пещере, сбившись в темноте с тропы и производя в кустах такой треск, что Джейми услышал его задолго до того, как он добрался до входа в пещеру.

– Милорд... – начал мальчик, едва появившись.

Однако Джейми уже набросил на плечи плащ и метнулся мимо парнишки, торопливо устремляясь к дому.

– Но, милорд... – догнал его испуганный оклик не успевшего отдышаться Фергюса. – Милорд, солдаты...

– Солдаты?

Джейми резко остановился и обернулся, нетерпеливо ожидая, пока мальчик спустится по склону.

– Какие еще солдаты? – спросил он, когда Фергюс проковылял несколько последних футов.

– Английские драгуны, милорд. Миледи послала меня сказать, чтобы вы ни в коем случае не покидали пещеру. Один из наших людей видел вчера этих солдат, они расположились лагерем неподалеку от Данмагласа.

– Черт!

– Да, милорд.

Запыхавшийся Фергюс присел на камень, его узкая грудь ходила ходуном.

Джейми задумался, не зная, какое решение принять. Все его существо восставало против возвращения назад. Его кровь кипела от возбуждения, вызванного появлением Фергюса, и мысль о том, чтобы вернуться и забиться в пещеру, словно прячущаяся под камнем гусеница, казалась отвратительной.

Бормоча что-то себе под нос, он присмотрелся к Фергюсу, чья худощавая фигура уже начинала четко вырисовываться в меняющемся свете на фоне утесника, тогда как лицо еще оставалось размытым бледным пятном с парой темнеющих разводов на месте глаз. В душу Джейми закралось подозрение. С чего это его сестре вздумалось посылать Фергюса в столь неурочный час?

Если потребовалось срочно предупредить его о драгунах, было бы безопаснее послать Фергюса ночью. Если срочности не было, почему было не подождать до следующей ночи? Ответ на это был очевиден. Дженни явно решила, что возможности предупредить брата об опасности следующей ночью ей может и не представиться.

– Как дела у моей сестры? – спросил он Фергюса.

– Хорошо, милорд, очень хорошо!

Искренний тон этого заверения подтвердил подозрения Джейми.

– Схваток еще не было? – настойчиво спросил он.

– Нет, милорд! Конечно нет!

Джейми наклонился и схватил плечо Фергюса своей ручищей, словно тисками. Хрупкие кости подростка навевали не самое приятное в такой момент воспоминание о кроликах, разделанных им для Дженни, но сейчас было не до церемоний, и он усилил хватку. Фергюс завертелся, пытаясь вывернуться.

– Говори правду, малый, – велел Джейми.

– Нет, милорд! Правда!

Пальцы Джейми сжались еще сильнее.

– Она велела не говорить мне?

Должно быть, запрещение Дженни было высказано буквально и касалось только родов, поэтому на этот вопрос Фергюс счел возможным ответить. Что и сделал с явным облегчением:

– Да, милорд!

– Ага!

Он выпустил Фергюса. Тот вскочил на ноги и затараторил, потирая костлявое плечо:

– Она сказала, что я ничего не должен говорить вам, сказать только о солдатах, милорд, потому что, если я скажу, она отрежет мне все мужские причиндалы и сварит их, как колбасу с репой.

Услышав эту угрозу, Джейми не удержался от улыбки.

– Может, нам и не хватает еды, – заверил он своего протеже, – но не до такой степени.

Джейми бросил взгляд на горизонт: над черными силуэтами сосен уже проступало ясное розовое свечение.

– Тогда пойдем, а то через полчаса совсем рассветет.

В этот ранний час в доме не было и намека на тишину.

Любой с первого взгляда понял бы, что дела в Лаллиброхе обстоят не как обычно. На дворе был выставлен котел для кипячения одежды, но огонь под ним давно погас, и вода

остыла. Из коровника доносилось отчаянное мычание, указывавшее на то, что единственная его обитательница настойчиво требовала дойки, а раздраженное блеяние в загоне извещало о непреложном желании коз подвергнуться той же процедуре.

Стоило Джейми войти во двор, как ему под ноги с оглушительным кудактаньем метнулись три курицы, преследуемые заходящимся в лае терьером Джеху, охотником на крыс. Возмущенный подобным разбоем среди бела дня, Джейми дал псу такого пинка под брюхо, что того подбросило в воздух. Он удивленно взвизгнул и, шлепнувшись наземь, поспешил убраться от греха подальше. Добравшись до гостиной, Джейми обнаружил там малышей, старших мальчиков, Мэри Макнаб и другую служанку, миссис Кирби, суровую строгую вдову, которая читала им выдержки из Библии.

– «И не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление», – вещала миссис Кирби.

Сверху донесся громкий протяжный крик. Он доносился снова и снова, и вдова, видимо желая, чтобы до всех лучше дошел смысл слов Писания, выдержала паузу, после чего возобновила чтение. Взгляд ее глаз, бледно-серых и влажных, словно сырые устрицы, метнулся к потолку, затем с удовлетворением остановился на растерянных, напряженных лицах слушателей.

– «Впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием»².

Китти разразилась истерическими рыданиями и уткнула головку в плечо сестры. Мэгги Элен под россыпью веснушек сделалась красной, а вот ее старшего брата эти непрекращающиеся вопли заставили мертвенно побледнеть.

– Миссис Кирби, – сказал Джейми, – будьте любезны прерваться.

Слова был произнесены достаточно корректно, но взгляд, вероятно, был такой же, какой увидел Джеху перед своим знаменательным полетом, последовавшим за соприкосновением с сапогом, потому что миссис Кирби осеклась, ахнула и уронила Библию.

Джейми нагнулся, поднял ее и показал миссис Кирби зубы. За улыбку это выражение сошло бы едва ли, но эффект возымело. Миссис Кирби побледнела и приложила руку к полной груди.

– Может, вам лучше пойти на кухню и заняться делом? – сказал он, вскинув голову, отчего Сьюзи, кухарка, вылетела точно лист, гонимый ветром.

Миссис Кирби пусть не столь поспешно, сохраняя достоинство, но последовала за нею.

Воодушевленный своей маленькой победой, Джейми быстро приспособил всех к делу: вдове Муррея с дочерьми было велено заняться стиркой, младших ребятишек послали под присмотром Мэри Макнаб ловить кур, ребята постарше с явным облегчением двинулись в загон и коровник ухаживать за животными.

Когда комната наконец опустела, он задумался, что делать дальше. Некое смутное чувство долга призывало остаться как бы на страже, хотя он отчетливо понимал, что, как и говорила ему Дженни, на деле он, при любом раскладе, помочь ей ничем не может. Пови-туха, судя по тому что во дворе был привязан незнакомый мул, уже прибыла и находилась с Дженни наверху.

Не в состоянии усидеть на месте, он беспокойно бродил по гостиной с Библией в руке, трогая вещи. Вот книжная полка Дженни с царапинами и сколами, пострадавшая при последнем, случившемся в прошлом году вторжении в дом красных мундиров. А вот большой серебряный поднос для фруктов и цветов, вделанный в середину стола, оказался слишком велик для солдатского ранца, поэтому его, хоть немного и искорежили с досады прикладами, не выломали и не утащили. Впрочем, англичане вообще не слишком-то поживились

² 1-е Тимофею, 2, 14–15.

в имени. Кое-какая мелочь, конечно, прилипла к их рукам, но немногие по-настоящему ценные вещи вместе с вином Джареда были надежно укрыты в убежище священника. Так назывались потайные комнаты без окон, которые с шестнадцатого века, когда католическая церковь в Англии оказалась под запретом, стали появляться в домах джентльменов-католиков как укрытие для их духовных пастырей.

Услышав протяжный стон сверху, Джейми невольно бросил взгляд на семейную Библию в своей руке и почти бессознательно дал книге раскрыться на первой странице, где велась хроника браков, рождений и смертей членов семьи.

Записи начались с брака их родителей. Брайан Фрэзер и Элен Маккензи. Имена и дата были выведены четким округлым почерком матери, а ниже размашистыми каракулями отца сделана короткая приписка. «Брак по любви», – гласила она. Красноречивое примечание, учитывая следующую запись, засвидетельствовавшую рождение Уилли где-то через два месяца после свадьбы.

Джейми, как всегда, улыбнулся при виде этих слов и поднял глаза на свой портрет, где он в двухлетнем возрасте был изображен рядом с Уилли и Брэном, большим охотничьим псом, шотландской борзой. Это все, что осталось от Уилли, который умер от оспы в одиннадцать лет. На холсте имелся разрез – след от удара штыком, в котором выразилось крушение надежд его бывшего владельца.

– А если бы ты не умер, – произнес Джейми тихо, обращаясь к мальчику на картине, – что тогда?

Действительно, что тогда? Закрывая книгу, он задержался взглядом на последней записи: «Кэтлин Мэйзри Муррей, родилась 3 декабря 1749 года, умерла 3 декабря 1749 года». Ох, вот и еще вопросы. Не заявись тогда, второго декабря, красные мундиры, может быть, и Дженни не родила бы до срока? А имейся у них в достатке еды и не будь сестра, как и все они, исхудавшей от недоедания, помогло бы это?

– Невозможно сказать, верно? – снова обратился он к картине.

Там рука старшего брата покоилась на его плече, и он помнил, что всегда чувствовал себя уверенно, когда Уилли стоял позади него.

Сверху снова донесся вопль, и руки Джейми в спазме страха сжали книгу.

– Молись за нас, брат, – прошептал он, перекрестился, положил Библию и направился к амбару помочь мальчишкам управиться со скотом.

Помощи там, правда, особой не требовалось. Рэбби с Фергюсом были более чем способны позаботиться о немногих оставшихся домашних животных, а юный Джейми в свои десять лет был достаточно крепок и смышлен, чтобы существенно подсобить им в работе. Оглядевшись по сторонам в поисках дела, Джейми набрал охапку сена и понес его вниз по склону к мулу повитухи. Когда сено закончится, корову придется зарезать: в отличие от коз она не добудет себе достаточно пропитания на зимних склонах, даже при том что младшие дети таскают ей траву. Если повезет, засоленной туши хватит до весны.

Когда он вернулся в коровник, Фергюс, сгребавший вилами навоз, поднял голову и воинственно выставил тощий подбородок:

– Надеюсь, эта повитуха имеет хорошую репутацию. А то ведь не пристало доверять мадам заботам простой крестьянки, верно?

– Почем мне знать? – раздраженно сказал Джейми. – Я, что ли, ее приглашал?

Миссис Мартинс, старая повитуха, помогавшая появиться на свет всем предыдущим детям Мурреев, умерла – как и многие другие – во время голода, случившегося на следующий год после Куллодена. Миссис Иннес, новая повитуха, была гораздо моложе; он надеялся, что у нее достаточно знаний и опыта и она понимает, что делает.

Но тут в разговор встрял Рэбби.

– Ага, и что ты имеешь в виду, когда говоришь «крестьянка»? – проворчал он, хмуро воззрившись на Фергюса. – Ты ведь сам крестьянин или еще не заметил этого?

Фергюс окинул приятеля взглядом, который можно было бы назвать брошенным свысока, если бы парнишке не пришлось для этого задрать голову, поскольку он был на несколько дюймов ниже Рэбби.

– Крестьянин я или нет, не имеет значения, – высокомерно произнес он. – Я же не повитуха, верно?

– Нет, ты задавака и пустомеля!

Неожиданно Рэбби толкнул приятеля, да так сильно, что тот, охнув от удивления, свалился на пол конюшни. Мгновенно вскочив на ноги, Фергюс кинулся было на заливавшегося смехом обидчика, сидевшего на краю кормушки, но Джейми схватил его за шкуру и живо оттащил назад.

– Ничего подобного, – заявил его хозяин. – Нечего мне портить то небольшое, что еще осталось от сена.

Он поставил Фергюса на ноги и, чтобы отвлечь его, спросил:

– А что, разве ты смыслишь в повивальном деле?

– Еще как, милорд, – гордо ответил тот, отряхивая одежду. – За то время, пока я служил у мадам Элизы, многие из ее девушек оказывались в постели.

– Ну, насчет постели кто бы сомневался, – буркнул Джейми. – Мы, кажется, говорим о родах.

– Конечно, а о чем же еще. Многие из них там рожали, да и я сам, – Фергюс выпятил узкую грудь, – появился на свет в том самом месте.

– Действительно. – Губы Джейми дрогнули в усмешке. – И ты, как я полагаю, внимательно наблюдал за всем происходящим во время родов и таким образом приобрел на сей счет глубокие познания?

Нотку сарказма в этой фразе Фергюс предпочел не заметить.

– Ну конечно, – ответил он деловито. – Первым делом повитуха кладет под кровать нож, чтобы обрезать боль.

– Не больно-то я уверен, что она это сделала, – пробормотал Рэбби. – Во всяком случае, на это не очень похоже.

Здесь, в амбаре, крики роженицы звучали не так оглушительно, но все же были слышны.

– А еще берут яйцо, благословляют святой водой и кладут у подножия кровати, чтобы роды прошли легко, – рассеянно продолжил Фергюс, но тут же нахмурился. – Яйцо-то у этой повитухи есть, я сам ей дал, только вот, боюсь, она не знала, что с ним делать. А я хранил его весь последний месяц, – простодушно добавил он, – потому что курицы теперь редко несутся. Хотел быть уверенным в том, что оно будет под рукой, когда понадобится. Ну а после родов, – заговорил Фергюс с энтузиазмом проповедника, забыв о сомнениях насчет яйца, – повитуха должна сварить чай из плаценты и дать его выпить роженице, чтобы у нее было больше молока.

Из горла Рэбби вырвался слабый звук, указывающий на позывы к тошноте.

– Из последа, ты хочешь сказать? – недоверчиво воскликнул он. – Господи!

У Джейми и самого от этого экскурса в современную медицину возникли весьма неприятные ощущения.

– Ну что ж, – обратился он к Рэбби, стремясь перевести разговор в обычное русло, – они едят лягушек, ты ведь знаешь. И улиток. Наверное, после всего этого и послед не так уж страшен.

Про себя Джейми подумал, что в весьма скором времени им всем придется есть лягушек и улиток, но благоразумно решил такого рода суждения пока оставить при себе.

Рэбби притворился, что его вот-вот вырвет.

– Господи, ох уж эти французишки!

Фергюс, стоявший рядом с Рэбби, развернулся и стремительно выбросил кулак. Для своих лет он был невысок и худ, но жилист и ловок и еще маленьким в воровской жизни на улицах Парижа научился наносить мгновенные удары в уязвимые точки. Получив кулаком под дых, Рэбби сложился пополам, издав звук, подобный тому, какой производит свиной мочево́й пузырь, если на него наступить.

– Будь любезен разговаривать с порядочными людьми почтительно, – надменно заявил Фергюс, в то время как побагровевший Рэбби ловил ртом воздух, словно вытащенная на сушу рыба.

Он выпучил глаза с выражением крайнего удивления, и вид у него был такой нелепый, что Джейми с трудом удержался от смеха, несмотря на беспокойство за Дженни и досаду из-за стычки мальчиков.

– А ну, щенки, не распускайте лапы, – начал было он, но тут юный Джейми, до сих пор молча слушавший старших, неожиданно вскрикнул.

– Что?

Джейми развернулся, рука непроизвольно метнулась к пистолету, который он брал с собой всякий раз, когда покидал пещеру, на случай появления в усадьбе английского патруля.

– Вороны, – тихо произнес он и почувствовал, как зашевелились волосы на затылке.

Появление этих птиц, вестников войны и смерти, возле дома роженицы во время родов являлось самым дурным предзнаменованием, какое можно вообразить. Одна из мерзких птиц прямо на его глазах уселась на конек крыши.

Повинуясь порыву, он рванул из-за пояса пистолет и тщательно прицелился. Расстояние до конька крыши было великовато, не говоря уж о том, что целиться приходилось снизу вверх, но...

Пистолет дернулся в его руке, и ворон разлетелся облачком черных перьев. Двое его спутников взмыли в воздух, словно сдутые взрывом, и, судорожно махая крыльями, улетели. Их хриплые крики быстро растаяли в зимнем воздухе.

– Mon Dieu! – восхищенно воскликнул Фергюс. – C'est bien, ça!³

– Ух ты, славный выстрел, сэр.

Рэбби, все еще красный, тяжело дыша, указал подбородком в сторону дома.

– Гляньте, сэр, это повитуха?

Это была она. Миссис Иннес высунула из окна второго этажа светловолосую голову, глядя, что происходит во дворе. Возможно, ее встревожил звук выстрела, не предвещавший ничего хорошего. Джейми вышел в конюшенный двор и помахал рукой, чтобы успокоить ее.

– Все в порядке! – крикнул он. – Так, случайный выстрел.

Он не хотел говорить о воронах, чтобы повитуха не сказала Дженни.

– Поднимайтесь! – крикнула она, проигнорировав его слова. – Ребенок родился, и ваша сестра хочет вас видеть!

Дженни открыла один глаз, голубой и слегка раскосый, как у него самого.

– Значит, ты все-таки пришел, да?

– Я подумал, что кто-то должен быть здесь – хотя бы затем, чтобы помолиться за тебя, – угрюмо ответил он.

Она закрыла глаз, и на ее губах появилась слабая улыбка. Он подумал, что вид у нее такой, как на картине, которую он видел во Франции, – старинной картине, пусть и нарисованной каким-то итальянцем, но все равно хорошей.

³ Вот это удар! (фр.)

– Ты глупый дурачок, и я рада этому, – прошептала она, после чего открыла глаза и покосилась на спеленатый сверток, который держала на локтевом сгибе. – Хочешь посмотреть на него?

– На него? Значит, это мальчик?

Дядя множества племянников, привыкший иметь дело с младенцами, он поднял крохотный сверток и прижал к себе, откинув уголок одеяла, прикрывавший личико.

Глаза у малыша были плотно закрыты, ресницы не видны в глубокой складке век, а гладкие кругляши щек раздурмянились. Несколько косою разрез глаз был, пожалуй, единственной заметной у такого малютки родовой чертой, придававшей ему сходство с матерью.

Головка, неловко склоненная в сторону, навела Джейми на неуместную мысль о дыне. Маленький пухлый ротик был безмятежно открыт, и влажная розовая нижняя губа слегка шевелилась. Появление на свет было нелегким делом, и сейчас новорожденный мирно спал.

– Трудная работа – родиться, а?

Джейми обратился к малышу, но ответила ему хрипловатым от изнеможения голосом Дженни:

– Да уж, не из самых легких. Слушай, в буфетной есть виски, не принесешь мне стаканчик?

В конце фразы она закашлялась.

– Виски? А разве тебе не следует выпить эля со взбитыми яйцами? – спросил он, не без труда отогнав назойливую мысль о подходящем питании для только что разрешившихся от бремени матерей, предложенном Фергюсом.

– Виски, – решительно сказала его сестра. – Вспомни, когда сам ты лежал внизу искалеченный и рана в ноге грозила гангреней и смертью, разве я пичкала тебя элем со взбитыми яйцами?

– Ты пичкала меня чем-то, выглядевшим куда хуже какого-то там эля с яйцами, – ухмыльнулся Джейми, – но правда твоя, в виски я отказа не знал.

Он бережно положил ребенка на покрывало и отправился за виски.

– У него уже есть имя? – спросил Джейми по возвращении, кивнув на младенца и щедро плеснув в стакан янтарной жидкости.

– Я назову его Айеном, в честь его отца.

Рука Дженни нежно легла на округлую, покрытую легким золотисто-коричневым пушком макушку. На месте родничка ритмично двигалась кожица, и биение пульса производило впечатление незащитной уязвимости. Повитуха заверила его, что младенец – прекрасный крепкий малый, и, хотя Джейми следовало положиться на ее слово, все же, поддавшись смутному порыву защитить это открытое место, он снова взял младенца на руки и прикрыл головку одеяльцем.

– Мэри Макнаб рассказала мне, как ты обошелся с миссис Кирби, – заметила Дженни, попивая виски маленькими глотками. – Жаль, что я этого не видела. Она сказала, ты дал старой метле такой окорот, что она чуть язык не проглотила.

Джейми улыбнулся, нежно погладил ребенка по спинке и прижал его к груди. Прикосновение расслабленного тельца крепко спящего малыша оказывало удивительное, умиротворяющее воздействие.

– Жаль, что не проглотила. Как ты вообще терпишь эту несносную особу, живущую с тобой в одном доме? Да будь я тут каждый день, давно бы уже ее придушил!

Его сестра хмыкнула и закрыла глаза, откинув голову назад, чтобы виски проскользнуло в горло.

– Ай, Джейми, люди донимают тебя ровно настолько, насколько ты им это позволяешь, а я ей особо распускаться не давала. Однако, – добавила она, открыв глаза, – не стану утверждать, будто мне будет жаль от нее избавиться. Я собиралась отослать ее старому Кетрику

из Брех-Мордхи. В прошлом году у него умерли жена и дочь, и ему нужна в доме женщина хозяйство вести.

– На месте Сэмюэла Кетрика я бы взял вдову Муррея, – сказал Джейми, – а не вдову Кирби.

– Пегги Муррей уже пристроена, – заверила его сестра. – Весной она обвенчается с Дунканом Гиббонсом.

– Экий он хитрый, этот Дункан, – отозвался он, слегка удивившись.

Тут ему пришла в голову мысль, и он ухмыльнулся.

– Сестрица, сами-то они об этом знают?

– Пока нет, – усмехнулась она, но улыбка тут же сменилась задумчивым выражением. – Если, конечно, ты сам не подумываешь о Пегги.

– Я?

Если бы Дженни вдруг предложила ему выпрыгнуть из окна второго этажа, Джейми был бы поражен не меньше.

– Ей всего двадцать пять, – настаивала сестра. – Достаточно молодая, чтобы иметь еще детишек, и она хорошая мать.

– И сколько виски ты уже выпила?

Он наклонился вперед, делая вид, будто рассматривает уровень в графине, не забыв при этом уместить головку ребенка в ладони, придерживая младенческий затылок. Потом выпрямился и бросил на сестру взгляд, исполненный сдерживаемой досады.

– О чем ты вообще говоришь? Какая может быть женитьба, когда я живу, словно зверь, в пещере?

Неожиданно Джейми ощутил внутри страшную пустоту и, чтобы сестра не заметила, как расстроили его ее слова, стал расхаживать по комнате, баюкая на руках младенца.

– Скажи-ка, давно ты в последний раз ложился с женщиной в постель?

Вопрос прозвучал у него за спиной, и потрясенный Джейми резко повернулся кругом.

– Ну и вопросыки у тебя!

– Ты не ухлестывал ни за одной девушкой между Лаллиброхом и Брех-Мордхой, – невозмутимо продолжила она, – иначе бы до меня дошел слухок. И ни к одной вдовушке, как я понимаю, не присоседился...

Здесь Дженни деликатно выдержала паузу.

– Ты прекрасно знаешь, что нет, – отрезал Джейми, чувствуя, что краснеет от раздражения.

– А почему? – без обиняков спросила его сестра.

– Почему?

Он смотрел на нее в упор со слегка приоткрытым ртом.

– Ты что, ума лишилась? Я что, по-твоему, из тех мужчин, которые таскаются из дома в дом, норовя улечься в постель с каждой встречной женщиной?

– Ну не с каждой, конечно. – Дженни печально улыбнулась. – Ты, братишка, честный человек и не стал бы пользоваться женской слабостью. Вот я и говорю, что тебе нужна не любовница, а жена.

– Нет! – выпалил он так резко, что спящий ребенок дернулся и пискнул.

Джейми машинально принялся его укачивать, одновременно сердито увещевая сестру:

– Послушай меня, Дженни Муррей. Я не собираюсь жениться снова, так что выбрось из головы все мысли насчет того, чтобы с кем-нибудь там меня свести. Знать об этом ничего не желаю, слышишь?

– Слышу, – спокойно ответила она и подтянулась выше на подушке, чтобы взглянуть брату прямо в глаза. – Ты собрался жить монахом до конца своих дней? – спросила Дженни. – Так и ляжешь в могилу, не оставив сына, который похоронил бы тебя и продолжил твой род?

– Не лезь не в свое дело, черт тебя дери!

С колотящимся сердцем он повернулся к сестре спиной и размашистым шагом направился к окну, где и остановился, уставившись невидящим взглядом на конюшенный двор.

– Я понимаю, что ты скорбишь о Клэр, – прозвучал у него за спиной тихий голос сестры. – Думаешь, если Айен не вернется, я смогу его забыть? Но ведь жизнь продолжится, Джейми, и вряд ли Клэр хотела бы, чтобы ты провел остаток дней в одиночестве, не оставив потомства.

Джейми долго молчал; просто стоял, ощущая тепло прижатой к шее маленькой пушистой головки. В стекле он видел свое смутное отражение: высокую расплывчатую фигуру и белый сверток, выглядевший неуместно под бледным пятном хмурого лица.

– Она была на сносях, – сказал он, обращаясь к своему отражению, – когда она... когда я лишился ее.

Что еще он мог сказать? Вздумай он попытаться втолковать сестре, где, по его упованиям, находится сейчас Клэр, она все равно бы его не поняла. И как объяснить, что он не может думать о другой женщине, ибо надеется, что Клэр еще жива, пусть даже и потеряна для него навсегда?

На сей раз надолго умолкла Дженни.

– Поэтому ты сегодня и пришел? – спросила она наконец.

Он вздохнул и повернулся в ее сторону, прислонившись головой к прохладному стеклу. Его сестра откинулась назад; темные волосы разметались по подушке, смотревшие на него глаза наполнились нежностью.

– Да, может быть, – признался Джейми. – Жене я помочь не смог, вот, наверное, и подумал, что смогу помочь тебе. Правда, – добавил он не без горечи, – и в этом тоже ничуть не преуспел. Как не было от меня толку для нее, так нет и для тебя.

Дженни, проникнувшись сочувствием, протянула к нему руку и собралась было сказать что-то в утешение, но тут снизу донесся шум, топот, крики, и ее глаза расширились от испуга.

– Матерь Божья! – произнесла она, побледнев. – Это англичане!

– Господи!

Этот возглас Джейми прозвучал как мольба и крик отчаяния одновременно. Он быстро перевел взгляд с кровати на окно, прикидывая, что надежнее – попытаться спрятаться или убежать. Сапоги уже топтали по лестнице.

– В шкаф, Джейми! – торопливо шепнула Дженни, указав рукой.

Не колеблясь ни мгновения, он забрался в большой шкаф и закрыл за собой дверцу.

Дверь в комнату со стуком распахнулась, и на пороге возникла фигура в красном мундире и треуголке, с обнаженной шпагой в руке. Капитан драгун остановился, и взгляд его, обожевав комнату, остановился на лежавшей в постели женщине.

– Миссис Муррей? – спросил он.

Дженни напряглась, пытаясь сесть.

– Это я. И мне хотелось бы знать, какого черта вам понадобилось в моем доме? – с вызовом спросила она.

Ее бледное лицо блестело от пота, руки дрожали, но Дженни вздернула подбородок и сердито бросила англичанину:

– Убирайтесь!

Не обращая на нее внимания, офицер прошел в комнату и приблизился к окну. Джейми увидел, как его неясная фигура скрылась за платяным шкафом, потом он появился снова, спиной к нему, и заговорил с Дженни:

– Один из моих разведчиков доложил, что не так давно вблизи вашего дома слышал выстрел. Где ваши люди?

– У меня никого нет.

Голос Дженни звучал твердо, но дрожащие руки больше не могли поддерживать ее в сидячем положении. Джейми увидел, как сестра откинулась назад, на подушки.

– Вы уже забрали моего мужа, а моему старшему сыну всего десять лет.

Она не упомянула Рэбби или Фергюса: к мальчикам их возраста, особенно если дело касалось подозрений в мятеже, англичане могли отнестись как к взрослым мужчинам. Хотелось, однако, надеяться, что при приближении красных мундиров оба подростка удрали и их не успели заметить.

Капитан, выдавший виды вояка средних лет, был явно не из тех, кто легко верит на слово.

– Вы должны знать, что в горной Шотландии запрещено иметь дома оружие. Это серьезное преступление, – сказал он и обратился к вошедшему в комнату следом за ним солдату: – Обыщи дом, Дженкинс.

Чтобы приказ был услышан, капитану пришлось повысить голос, потому что на лестнице поднялся переполох. Когда Дженкинс повернулся, чтобы выйти из комнаты, миссис Иннес, повитуха, ворвалась туда, проскочив мимо пытавшегося загородить ей путь солдата.

– Оставьте бедную леди в покое! – закричала она, наскакивая на офицера со сжатыми кулаками.

Голос женщины дрожал, волосы выбились из-под чепца, но решимости ей было не занимать.

– Ах вы негодники! Убирайтесь! Оставьте леди в покое!

– Да никто твою хозяйку не обижает, – не без раздражения отозвался капитан, очевидно приняв миссис Иннес за одну из служанок. – Я просто...

– Она всего час назад разрешилась от бремени! Вам неприлично даже смотреть на нее, не то что...

– Разрешилась? – резко переспросил капитан и с неожиданным интересом перевел взгляд с повитухи на постель. – Вы родили младенца, миссис Муррей? Где же ребенок?

Ребенок, о котором шла речь, шевелился в пеленках, растревоженный тем, что обьятый ужасом дядя произвольно сжал его еще крепче. Из глубины шкафа Джейми увидел застывшее лицо сестры с мертвенно побелевшими губами.

– Ребенок умер, – сказала она.

У повитухи отвисла челюсть, но, к счастью, внимание капитана переместилось на Дженни.

– Вот как? – медленно произнес он. – А почему?..

– Мама! – донесся с порога страдальческий крик, и юный Джейми, вырвавшись из рук пытавшегося задержать его солдата, устремился к матери. – Мама, ребенок умер? Нет, нет!

Сотрясаясь от рыданий, мальчик зарылся лицом в одеяло. В этот момент, словно желая опровергнуть заявление своего брата, новорожденный Айен заявил о своем существовании, основательно ткнув дядюшку под ребра ножками и издав несколько булькающих звуков, которые, к счастью, были заглушены громким плачем юного Джейми.

Дженни старалась успокоить его, миссис Иннес безуспешно пыталась поднять вцепившегося в рукав матери мальчика на ноги, капитан напрасно тщился перекрыть голосом детские крики, и вдобавок весь дом ходил ходуном от топота солдатских сапог. Полагая, что капитан станет выяснять, куда подевалось тело, Джейми крепче прижал к себе младенца, потряхивая его, чтобы отбить всякое желание заплакать. Другая его рука схватилась за рукоять кинжала, но это был жест отчаяния: вряд ли, если шкаф откроют, он успеет перерезать себе горло.

Новорожденный, недовольный тем, что его так стиснули, покряхтывал, и эти едва слышные звуки казались Джейми чуть ли на заглушающими отчаянные рыдания его тезки-

племянника. К счастью, на самом деле это было не так, а не то разоблачение закончилось бы сожжением дома и уничтожением всех его обитателей.

– Это вы виноваты!

Юный Джейми с мокрым, опухшим от слез и побагровевшим от ярости лицом вскочил на ноги и, опустив кудрявую черноволосую голову на манер бодливого молодого бычка, наступал на англичанина.

– Ты убил моего братишку, ты, хрен английский!

Столь неожиданная атака застала капитана врасплох; он растерянно заморгал и даже попятился.

– Нет, парень, ты ошибаешься. Я только пришел спросить...

– Хрен поганый! Гад! А mhic an diabhoil!

Совершенно вне себя, юный Джейми наступал, выкрикивая всевозможные ругательства, которые он когда-либо слышал по-гэльски или по-английски.

– Э-э! – возгласил младенец Айен прямо в ухо Джейми. – Э-э-э!

Это опасно походило на прелюдию к полномасштабному воплю, и близкий к панике дядя не нашел ничего лучше, как оставить в покое свой кинжал и сунуть палец во влажное отверстие, из которого исходили чреватые разоблачением звуки. Беззубые десны мальчика ждали его палец с неожиданной силой, и он сам чуть не вскрикнул.

– Убирайся! Убирайся! Убирайся, или я убью тебя! – орал на капитана обезумевший от ярости Джейми-младший.

Красный мундир беспомощно посмотрел на кровать, как будто хотел попросить Дженни отозвать этого неумолимого маленького врага, но она лежала как мертвая, с закрытыми глазами.

– Я подожду моих людей внизу! – выпалил капитан и поспешно ретировался, захлопнув за собой дверь.

Юный Джейми, лишившись противника, упал на пол и забился в истерических рыданиях.

Сквозь щель в дверце Джейми-старший увидел, что миссис Иннес смотрит на Дженни, открыв рот с явным намерением задать вопрос. Только что лежавшая неподвижно Дженни, словно воскресенный Лазарь, вскочила с постели, округлив глаза и прижав палец к губам, призывая к молчанию. Младенец Айен яростно впился в палец Джейми, рыча от невозможности извлечь из него хоть каплю молока.

Дженни пошатнулась и села на край постели в ожидании дальнейшего развития событий. Снизу по-прежнему доносились топот и голоса солдат. Бедняжку Дженни трясло от слабости, но она протянула руку к шкафу, где прятались ее мужчины.

Джейми перевел дух и собрался с силами. Приходилось идти на риск. Его рука была мокрой от слюны, а раздраженный младенец в любой миг мог завопить во весь голос.

Взмокший от пота, шатаясь из стороны в сторону, он вылез из шкафа и сунул младенца Дженни. Та одним движением обнажила грудь и прижала к себе крохотный сверток, словно в намерении уберечь его от всех напастей. Уже зарождавшийся вопль прервался, захлебнувшись в неистовом причмокивании, а Джейми неожиданно шлепнулся на пятую точку, будто кто-то резко подсек его под колени.

Юного Джейми неожиданное явление из шкафа потрясло настолько, что он замер, сидя на полу с разинутым ртом и вытаращенными глазами, переводя недоумевающий взгляд с дядюшки на мать и обратно. Миссис Иннес опустила на колени рядом с ним и принялась что-то настойчиво шептать ему на ухо, но на зареванном личике не отражалось ни малейшего понимания.

К тому времени, когда выкрикиваемые команды и топот копыт возвестили об отбытии солдат из усадьбы, накормленный малыш Айен лежал на руках у матери, удовлетворенно посапывая. Джейми осторожно выглянул в окошко, наблюдая за уходом врагов.

В комнате царила тишина, нарушаемая лишь бульканьем виски, которое теперь, после Дженни, наливала себе миссис Иннес. Юный Джейми сидел на кровати рядом с матерью, прижавшись к ее плечу. Она же, взяв дитя на руки, так и не подняла глаз, а оставалась склоненной над ребенком. Упавшие вперед черные волосы скрывали ее лицо.

Джейми подошел к сестре, коснулся плеча, и ее живое тепло потрясло его, как будто холодный ужас был для него естественным состоянием, а прикосновение к другому человеку казалось чем-то чуждым и ненормальным.

– Я спрячусь в убежище священника, – тихо произнес он, – а как стемнеет, уберусь в пещеру.

Дженни кивнула, но глаз так и не подняла. От него не укрылось, что на разделявшем ее черные волосы проборе появилась уже не одна серебристая ниточка.

– Я думаю... мне не стоит приходить снова, – сказал он. – До поры до времени.

Дженни промолчала, но снова кивнула.

Глава 6

Оправдан своею кровью

Он больше не приходил в дом, как и обещал. Более того, два месяца он прятался в пещере, лишь изредка решаясь выходить по ночам, чтобы поохотиться, ибо английские солдаты, расквартированные в Комаре, по-прежнему прочесывали окрестности. Они выезжали в дневное время маленькими, по восемь – десять человек, патрулями, рыскали по округе, суя повсюду свой нос, прибирая все, что могли, к рукам и уничтожая то, что не могло им пригодиться. И все это с благословения английской короны.

У подножия холма, в недрах которого он скрывался, проходила тропа, протоптанная с незапамятных времен оленями. Разумеется, только очень глупый олень появился бы близ лаза в пещеру, откуда тянуло человеком, но когда ветер дул в правильном направлении, Джейми случалось приметить на тропе маленькую группу рыжих оленей или, высунувшись поутру наружу, обнаружить на земле свежий олений след.

Это могло быть даже полезным, поскольку доказывало тем, кого могло занести на тропу, что эта местность безлюдна, хотя в такую глухомань никто особо не совался. Сейчас ветер дул со стороны пещеры, и на появление оленей рассчитывать не приходилось. Джейми лежал на земле у замаскированного утесником и рябинами лаза, где в ясные дни сквозь растительный покров пробивалось достаточно света, чтобы можно было читать. Книг было не очень много, но Джаред все-таки ухитрился провезти тайком некоторое их количество с подарками из Франции.

«Проливной дождь вынудил меня заняться другой работой, а именно проделать в моей новой загородке отверстие для слива воды, которая в противном случае затопила бы всю мою пещеру. Проведя там некоторое время и не дождавшись новых толчков землетрясения, я несколько успокоился, но для поддержания духа (в чем и вправду весьма нуждался) направился туда, где хранил свои скудные припасы, и выпил немного рому, что всегда делал экономно, ибо понимал: когда запас исчерпается, пополнить его будет нечем.

Дождь не прекращался всю ту ночь и большую часть следующего дня, так что высунуться наружу не представлялось возможным, однако благодаря обретенному спокойствию я смог предаться раздумьям...»⁴

Нависавшие над ним кусты шелохнулись, по странице пробежала тень, и он с его обостренными инстинктами моментально уловил перемену ветра, а с ним звук голосов.

Мгновенно вскочив на ноги и схватившись за кинжал, Джейми бережно положил книгу, ухватился за гранитный выступ и подтянулся к узкой, неприметной щели, служившей входом в пещеру.

Внизу, на тропе, запестрело красным, засверкал металл, и это вызвало у него вспышку раздражения. Вот черт! Его не слишком пугало, что кто-нибудь из солдат сойдет с тропы, благо их экипировка и подготовка не слишком годились для ходьбы по бездорожью, даже по обычной вересковой пустоши, не говоря уже о крутых, густо поросших ежевикой склонах вроде этого. Но присутствие англичан так близко означало, что он не может покинуть пещеру до наступления темноты. Ни тебе воды набрать, ни даже облегчиться. Джейми произвольно бросил быстрый взгляд на кувшин с водой, уже зная, что он почти пуст.

Снизу донесся громкий крик, и Джейми от неожиданности чуть не выпустил камень. Солдаты на тропе обступили худощавую фигурку, сгорбившуюся под тяжестью взваленного

⁴ Отрывок из романа Д. Дефо «Робинзон Крузо».

на плечо бочонка. Надо же, Фергюсу приспичило отправиться в пещеру с емкостью только что сваренного эля именно сейчас! Вот ведь незадача! Что-что, а этот эль пришелся бы ему очень кстати: он уже несколько месяцев не баловал себя таким питьем.

Направление ветра снова изменилось, и Джейми улавливал лишь обрывки слов, но, похоже, тощий французик спорил с солдатами, жестикулируя свободной рукой.

– Идиот! – пробурчал Джейми себе под нос. – Отдай его им и удирай, щенок безмозглый!

Один солдат попытался ухватиться за бочонок обеими руками, но маленькая фигурка ловко отскочила назад, оставив вояку ни с чем. Джейми с досады хлопнул себя по лбу. Оно конечно, Фергюс не терпел наглости и самодурства ни от кого, а уж тем более от английских солдафонов, но это могло ему дорого обойтись.

Теперь худощавый парнишка прыжками отступал по тропе, выкрикивая что-то в адрес своих преследователей. Что именно, слышно не было, но наверняка нечто весьма нелестное.

– Дурак! – выругался Джейми. – Бросай бочонок и беги!

Но вместо того чтобы так и поступить, Фергюс, очевидно уверенный в собственной скорости, повернулся к солдатам спиной и оскорбительно повертел перед ними задницей. Англичане, естественно, пришли в ярость, и, несмотря на то что беготня по крутым, скользким после дождей склонам была делом рискованным, нашлись смельчаки, пустившиеся за наглецом в погоню.

Джейми увидел, как их командир поднял руку и выкрикнул какое-то предупреждение. Он подумал, что, может быть, Фергюс пытается отвлечь англичан и увести их за собой, тем более что парнишка продолжал выкрикивать оскорбления, и четверо солдат, видимо понимавших по-французски, бросились за ним, несмотря на приказ командира.

Англичане с криками и бранью ловили мальчика, а Фергюс, не забывая отругиваться, ловко от них увертывался. Ветер завывал, и Джейми даже не понял, показалось ему или он вправду расслышал свист извлекаемой из ножен сабли и звон обнаженного металла. Впоследствии этот предвещавший беду звук звучал в его ушах всякий раз, когда он вспоминал эту сцену – а вспоминал он ее очень долгое время.

Может быть, дело было в какой-то особенности поведения солдат, в напряженности, которая передалась ему в пещере, а возможно, причиной явилось то тягостное, не покидавшее его после Куллодена чувство обреченности, из-за которого все находившееся рядом с ним казалось заразным и таящим опасность, – сказать трудно. Так или иначе, слышал он звук сабли или нет, тело его напряглось, чтобы совершить прыжок, прежде чем он увидел, как серебристая дуга рассекает воздух.

Движение это казалось неспешным, почти замедленным. До такой степени, что Джейми даже поверилось, будто он, метнувшись вниз и оказавшись среди солдат, успеет перехватить руку англичанина и отвратить роковой удар.

Но это, разумеется, было не более чем иллюзией, игрой воображения. Суровый голос рассудка заставил его остаться на месте, хотя для этого ему пришлось вцепиться в скалу – трудно было совладать с порывом, призывавшим прийти на помощь.

Сердце звало его вступить в бой и предпочесть гибель постыдной участи немого свидетеля подобного злодеяния, но разум холодно и упорно твердил, что Фергюс пошел на риск именно ради него, Джейми, а следовательно, если он ввяжется в стычку и разоблачит себя, жертва юноши окажется напрасной.

И он внял голосу рассудка: остался в своем убежище, в то время как клинок с противным стуком ударил по бочонку, из-за которого, собственно, и вышла вся заварушка. Бочонок свалился с мальчишеского плеча, заскакал вниз по склону, плюхнулся в весело журчавшую внизу речушку и был унесен течением.

Неожиданно голоса оборвались, а потом раздался оглушительный вопль. У Джейми подкосились колени, он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. В глазах потемнело, их застила красновато-черная со звездными вспышками и полосками света пелена, но даже в подступившем мраке он отчетливо видел жуткую картину.

Кисть руки Фергюса, маленькой и ловкой руки карманника, лежала на грязной тропе ладонью вверх, словно протянутая в мольбе.

Лишь по прошествии сорока восьми часов, показавшихся ему бесконечными, на тропе ниже пещеры раздался свист Рэбби Макнаба.

– Как он? – без предисловий спросил Джейми.

– Миссис Дженни говорит, что с ним все будет хорошо, – ответил Рэбби.

Его юное лицо было бледным и осунувшимся, он явно не оправился от потрясения и очень переживал за друга.

– Она говорит, что жара или там лихорадки нет. И никакого заражения. Культа... – он запнулся, – чистая.

– Значит, солдаты отнесли его к дому?

Не дожидаясь ответа, Джейми направился вниз по склону холма.

– Ну да, прибежали как ошпаренные.

Рэбби остановился, чтобы отцепить от рубашки колючку, и ему пришлось поторопиться, чтобы нагнать своего хозяина.

– Похоже, они сожалели о том, что натворили. По крайней мере, так сказал капитан. И он дал миссис Дженни золотой содерен – за Фергюса.

– Надо же, – отозвался Джейми, – очень щедро.

И больше не проронил ни слова, пока они не добрались до дома.

Фергюс лежал в детской, в удобной постели, придвинутой к окну. Когда Джейми вошел, глаза мальчика были закрыты, длинные ресницы отбрасывали тень на впалые щеки. Без обычной живости его лицо выглядело совсем по-другому. Слегка крючковатый нос над длинным подвижным ртом придавал облику оттенок аристократизма: было очевидно, что, когда это лицо сформируется окончательно, на смену полудетскому очарованию придет настоящая мужская красота.

Джейми подошел к кровати, и темные ресницы сразу поднялись.

– Милорд, – прошептал Фергюс, и легкая улыбка мигом вернула его лицу привычные черты. – С вами все в порядке?

– О господи, парнишка, как мне жаль!

Джейми опустил на колени рядом с постелью. Ему было тяжело видеть тонкое, лежавшее поверх пледа запястье, замотанное бинтом и заканчивающееся обрубком, но он заставил себя взять Фергюса за плечи и нежно потрепать шапку темных волос.

– Не очень больно? – спросил он.

– Нет, милорд, – сказал Фергюс, и, хотя в следующий миг из-за неожиданного укола боли его лицо непроизвольно скривилось, он ухмыльнулся и повторил – Нет, не то чтобы очень. Тем более что мадам не скупится на виски.

Полный бокал виски стоял на прикроватном столике, но отпито из него было не больше глотка. Фергюс, выросший на французском вине, на самом деле не любил этот напиток.

– Мне жаль, – повторил Джейми.

Больше сказать было нечего. В горле встал ком, и Джейми торопливо опустил глаза, зная, что его слезы могут только расстроить Фергюса.

– Ах, милорд, не переживайте. – В голосе мальчика прозвучала нотка прежнего лукавства. – Мне вообще-то повезло.

Джейми сглотнул, прежде чем ответить.

– Да, ты жив – и слава богу!

– О, не только это, милорд!

Джейми поднял глаза и увидел, что Фергюс слабо улыбается.

– Вы разве не помните нашего уговора, милорд?

– Уговора?

– Да, когда вы взяли меня на службу в Париже. Вы сказали мне, что, если меня арестуют и казнят, вы будете оплачивать заупокойные службы по мне в течение года.

Уцелевшая рука потянулась к щербатому зеленому медальону на шее – образку покровителя воров святого Дисмаса.

– Но если я лишусь уха или руки, находясь у вас на службе...

– Я буду поддерживать тебя всю оставшуюся жизнь.

Джейми не знал, плакать ему или смеяться, и удовлетворился тем, что погладил руку, которая неподвижно лежала поверх плеча.

– Да, конечно, все помню. Можешь на меня положиться, я свое слово сдержу.

– О, я всегда полагался на вас, милорд, – заверил его Фергюс.

Он явно начал уставать: бледные щеки стали еще блее, голова с копной черных волос упала на подушку.

– Видите, как мне повезло, – пробормотал он, продолжая улыбаться. – Один-единственный удар в мгновение ока сделал меня джентльменом, имеющим право на пожизненную праздность. Ну разве это не удача?

Дженни ждала его, когда он вышел из комнаты Фергюса.

– Пойдем в убежище священника, – сказал он, беря сестру под локоть. – Нам нужно поговорить, а задерживаться здесь надолго мне не следует.

Не задавая вопросов, она последовала за ним по заднему коридору, разделяющему кухню и кладовую для провизии. В каменные плиты пола была вделана посаженная на раствор деревянная панель с просверленными отверстиями. Предполагалось, что она служит для вентиляции, обеспечивая доступ воздуха в погреб для овощей, и вздумай кто-то проверить это утверждение, то, зайдя в подпол через просевшую дверь снаружи дома, он бы действительно увидел на потолке такую панель.

Другое дело, что благодаря этой панели свет и воздух попадали еще и в крохотную, глухую пристройку к подвалу, попасть в которую можно было по лесенке, подняв ту самую панель как крышку люка. Каморка была не более пяти квадратных футов, и всю ее обстановку составляли грубая скамья, одеяла, ночной горшок, большой кувшин с водой и маленькая коробочка с черствым печеньем. Тайник устроили всего несколько лет назад, так что на самом деле, в силу того что никакого священника там отродясь не бывало и в перспективе не ожидалось, тесное помещение вряд ли стоило называть убежищем священника. Но вот норой оно определено было⁵.

Два человека могли находиться там одновременно, сидя бок о бок на лавке, и Джейми уселся рядом с сестрой, как только задвинул на место панель и спустился по лесенке. Некоторое время он молчал, потом тяжело вздохнул и сказал:

– Я больше не в силах это выносить.

Слова его звучали очень тихо, и Дженни, чтобы разобрать их, пришлось наклонить голову поближе, как священнику, который выслушивает исповедь грешника.

– Не могу. Я должен уйти.

⁵ По-английски это убежище называется priest hole, буквально: нора священника.

Они сидели так близко, что он чувствовал, как поднимается и опускается ее грудь при дыхании. Потом сестра взяла его за руку, крепко стиснула пальцы и спросила:

– Значит, ты хочешь снова попытаться бежать во Францию?

Эти попытки предпринимались им дважды, но закончились ничем: слишком уж внимательно следили англичане за всеми портами, а он очень выделялся ростом и цветом волос.

Он покачал головой.

– Нет. Я не допущу, чтобы меня захватили в плен.

– Джейми!

От волнения Дженни нечаянно заговорила громче, но в ответ на предупреждающее пожатие его руки снова понизила голос:

– Джейми, ты не можешь это сделать. Господи, дурачок, тебя же повесят!

Он опустил голову, словно задумавшись, потом решительно поднял ее.

– Думаю, что нет.

Бросив быстрый взгляд на сестру, Джейми отвел глаза и пояснил:

– Клэр... у нее было видение.

«Объяснение не хуже всякого другого, – подумал он, – хотя и не чистая правда».

– Она увидела, что произошло в Куллодене, – она знала. И рассказала мне, что будет потом.

– Ох! – тихо выдохнула Дженни. – То-то я гадала! Вот почему она попросила меня сажать картофель и пристроить к погребу эту нору.

– Да.

Он слегка сжал руку Дженни, потом выпустил ее и немного повернулся, чтобы взглянуть сестре в глаза.

– Она сказала мне, что корона будет довольно долго вылавливать якобитов – что сейчас и делается. – Лицо Джейми исказила угрюмая усмешка. – Но казни через несколько лет прекратятся, и тем, кто попадет к англичанам в руки, будет грозить только тюрьма.

– Только! – эхом отозвалась сестра. – Если ты решил уйти, Джейми, то отправляйся в вереск, но не в английскую темницу, пусть даже тебя не повесят...

– Подожди. – Он положил ладонь на ее запястье. – Я же еще не рассказал тебе всего. Я вовсе не собираюсь идти к англичанам и сдаваться в плен. За мою голову назначена хорошая награда. Будет обидно, если она пропадет впустую, ты не находишь?

Джейми попытался произнести это с юмором, и Дженни вскинула на него удивленный взгляд.

– Матерь Божья, – прошептала Дженни. – Значит, ты хочешь, чтобы кто-нибудь выдал тебя?

– Что-то в этом роде. – Этот план сложился у него в пещере, но до сего момента казался не вполне реальным. – Я подумал, что лучше всего для этого подойдет Джо Фрззер.

Дженни потерла кулачком губы. Соображала она быстро и мигом поняла суть его плана и все, что с ним связано и что из него следует.

– Но, Джейми, – прошептала она, – даже если тебя не повесят сразу, это огромный риск. В конце концов, им ничего не стоит убить тебя во время ареста, чтобы не доводить дело до суда.

Его плечи поникли под гнетом безнадежности.

– Господи, Дженни, – сказал он, – ты думаешь, меня это волнует?

Последовало долгое молчание.

– Нет, я не думаю, – ответила наконец Дженни. – И не могу сказать, что виню тебя. – Ей пришлось сделать паузу, чтобы овладеть голосом. – Но это меня тревожит.

Ее пальцы мягко коснулись его затылка, приглаживая волосы.

– Так что ты уж, пожалуйста, позаботься о себе, глупый братишка!

Вентиляционная панель над головой на момент затемнилась, донесся звук легких шагов. Скорее всего, служанка прошла из кухни в кладовку. Потом неясный свет появился снова, и он увидел лицо Дженни.

– Ладно, – прошептал Джейми, прервав затянувшееся молчание. – Я постараюсь.

На все про все потребовалось около двух месяцев, и когда наконец пришло известие, весна была в разгаре.

Он сидел на любимом камне рядом со входом в пещеру, глядя, как проступают на небосводе вечерние звезды. Даже в самый тяжелый период после Куллодена ему удавалось обрести в это время драгоценные моменты успокоения. Когда гас дневной свет, окружающие предметы казались слегка светившимися изнутри, так что их очертания вырисовывались на фоне неба или земли с идеальной, выявляющей мельчайшие детали четкостью. Сейчас, например, Джейми видел очертания мотылька, невидимого при свете, а в сумерках выписанного треугольником более глубокой тени и оттого выделявшегося на фоне древесного ствола. Еще миг – и он взлетит.

Джейми устремил взгляд на долину, пытаясь охватить ее до самых черных пиний, которые росли на краю дальнего утеса. Потом поднял глаза к звездам. Вот Орион, величаво шагающий за горизонт. И Плеяды, едва видимые на темнеющем небосводе. Ему хотелось насладиться видом звездного неба. Ведь теперь он если и увидит его, то только через тюремную решетку. При мысли о толстых стенах, казематах и запорах ему вспомнились Форт-Уильям, тюрьма Уэнтурт, Бастилия. Каменные стены в четыре фута толщиной, наглухо отрезавшие от света и воздуха. Грязь, вонь, голод, заточение...

Джейми пожал плечами, гоня эти мысли прочь. Он выбрал свой путь, считал, что удовлетворен выбором, но только все равно шарил взглядом по небу в поисках Тельца. Не самое красивое из созвездий, но зато его собственное. Рожденные под этим знаком, как и подобает быкам, сильны и упрямы. Джейми надеялся, что ему хватит сил для осуществления задуманного.

Среди шорохов наступавшей ночи раздался резкий высокий свист, походивший на звуки, издаваемые возвращавшимися на гнездовья кроншнепами. Джейми, однако, сразу узнал условный сигнал. По тропе поднимался кто-то из своих.

Это оказалась Мэри Макнаб, после смерти мужа ставшая в Лаллиброхе кухаркой. Обычно с едой и новостями в пещеру прибегали или ее сын Рэбби, или Фергюс, но уже несколько раз Мэри приходила сама.

Она принесла корзину, наполненную удивительными лакомствами: холодным жарким из куропатки, несколькими молодыми луковичками, свежим хлебом, веточкой ранних вишен и фляжкой эля. Джейми внимательно осмотрел подношение, невесело усмехнулся и, подняв глаза, спросил:

– Мой прощальный пир?

Кухарка молча кивнула. Жизненные невзгоды изрядно тронули черные волосы этой миниатюрной женщины сединой и избороздили чело морщинами, но глаза оставались ласковыми и живыми, а губы сохранили сочную полноту и мягкий изгиб.

Сообразив, что уставился на ее губы, Джейми торопливо отвел взгляд.

– Господи, я же так наемся, что не смогу двигаться. Тут и пирог, надо же. Как им удалось все это раздобыть?

Пожав плечами – Мэри Макнаб явно была не из болтушек, – она забрала у него корзину и принялась выкладывать снедь на положенную поверх камней деревянную столешницу. Накрыла женщина на двоих, в чем не было ничего необычного – принося в пещеру еду, она ужинала с ним и раньше, а попутно делилась новостями. И все же поскольку то была его последняя трапеза перед уходом из Лаллиброха, его удивило, что ни сестра, ни мальчики

не пришли, чтобы разделить ее с ним. Может быть, в дом нагрянули неожиданные гости и им было трудно уйти незамеченными?

Он вежливо указал жестом, чтобы она села первой, прежде чем занять свое место, скрестив ноги на твердой земле.

– Вы говорили с Джо Фрэзером? Где же он? – спросил Джейми, взявшись за холодную куропатку.

Она поведала ему детали задуманного: до рассвета к пещере приведут коня и он выедет из узкой долины через перевал, потом повернет, пересечет каменистые подножия холмов и снова спустится в долину со стороны речушки Фиссихант, как будто возвращается домой. Англичане встретят его где-то между Страй и Искдейлом, скорее всего, у Мидмаэйнс: это подходящее место для засады, потому что там узкая горная долина круто поднимается с обеих сторон, а у речушки находится лесистый участок, где могут укрыться несколько человек.

После трапезы Мэри аккуратно сложила в корзину остатки еды, чтобы Джейми мог позавтракать перед тем, как покинуть на рассвете пещеру, но, вопреки ожиданиям Джейми, не ушла. Она порылась в расщелине, где он хранил свои постельные принадлежности, расстелила их на земле, откинула одеяла и опустилась на колени рядом с тюфяком.

Джейми прислонился спиной к стене пещеры и сложил руки на груди. Сердито глядя на темные, гладко причесанные волосы Мэри, он с раздражением спросил:

– Это еще что такое? Чья это идея – твоя или моей сестры?

– Разве это важно? – спокойно спросила Мэри.

Он покачал головой и наклонился, чтобы поднять женщину на ноги.

– Ты права, это не важно, потому что ничего подобного не произойдет. Я благодарен тебе за готовность, но...

Она прервала его слова поцелуем. Ее губы оказались такими же нежными, какими и выглядели, но Джейми крепко схватил женщину за запястья и рывком отстранил от себя.

– Нет! Это не нужно, неправильно, и я не хочу это делать.

При этом он с ужасом чувствовал, что собственное тело вовсе не соглашалось с его утверждениями, а еще больший стыд испытывал оттого, что поизносившиеся, тонкие штаны никак не могли замаскировать явственно видный всякому, кто удосужится посмотреть, масштаб этого несогласия.

Легкая улыбка Мэри, изогнувшая полные нежные губы, наводила на мысль, что она как раз посмотреть удосужилась.

Джейми развернул женщину к выходу и слегка подтолкнул. Она отступила в сторону и взялась за застёжки на юбке.

– Не делай этого! – воскликнул он.

– И как вы собираетесь меня остановить? – спросила она, перешагнув через юбку и аккуратно положив ее на единственный табурет.

Ее тонкие пальцы взялись за кружева корсажа.

– Если ты не уйдешь, придется уйти мне, – заявил Джейми и, повернувшись, двинулся к выходу из пещеры.

– Милорд, – окликнула его Мэри.

Он остановился, но не обернулся.

– Не годится так меня называть.

– Лаллиброх ваш, – возразила она. – И будет вашим, пока вы живы. Если вы его лэрд, я буду называть вас так.

– Он не мой. Титул и имение принадлежат юному Джейми.

– Все мы понимаем, кто таков юный Джейми, а кто вы, – решительно сказала служанка. – И уж поверьте мне, не ваша сестра попросила меня сделать то, что я собираюсь сделать. Повернитесь.

Он нехотя повернулся. Она стояла босая в одной сорочке, с распущенными волосами. Мэри была худенькой, как все они в последнее время, но грудь ее оказалась больше, чем он думал, и соски отчетливо проступали сквозь тонкую ткань. Сорочка, как и вся остальная одежда, была поношенной, с потрепанным подолом, а на плечах местами почти прозрачной.

Джейми закрыл глаза, ощутил легкое прикосновение к своей руке и приказал себе стоять неподвижно.

– Я могу хорошо себе представить, о чем вы думаете, – промолвила Мэри. – Потому что я видела вашу леди и знаю, как это было между вами. У меня такого никогда не было, – добавила она тихо, – ни с одним из двух мужчин, с которыми я жила. Но мне ведомо, как выглядит настоящая любовь, и у меня в мыслях не было вызвать у вас такое чувство, будто вы ее предали.

Прикосновение, легкое словно перышко, переместилось на его щеку, и натруженный работой палец провел по ложбинке, проходящей от носа ко рту.

– Чего я хочу, – сказала она тихо, – так это дать вам нечто другое. Пусть меньшее, но такое, что пойдет вам на пользу. Ваша сестра и ребяташки не могут дать вам этого, но я могу.

Он услышал, как она вздохнула.

– Вы дали мне мой дом, мою жизнь и моего сына. Неужели вы не позволите подарить вам взамен такую малость?

Он почувствовал, что слезы щиплют его веки. Легкая ладошка утерла влагу с его глаз и разгладила взъерошенные волосы. Он медленно поднял руки, потянулся к ней, и она вошла в его объятия так же аккуратно и в то же время просто, как накрывала на стол или расстилала постель.

– Я... давно этого не делал, – сказал он, неожиданно застеснявшись.

– Да ведь и я тоже, – едва заметно улыбнулась она. – Но мы вспомним, как это делается.

Часть третья Когда я твой пленник

Глава 7 Вера в документы

Инвернесс, 25 мая 1968 года

Конверт от Линклатера прибыл с утренней почтой.

– Посмотрите, какой он пухлый! – воскликнула Брианна. – Он что-то прислал!

Кончик ее носа порозовел от возбуждения.

– Похоже на то, – сказал Роджер.

Внешне он был спокоен, но я видела, как бьется пульс в ямке на его горле. Он взял толстый конверт, взвесил его в руке, небрежно надорвал уголок большим пальцем и достал подборку фотокопий.

Вместе с ними оттуда выпорхнуло сопроводительное письмо на университетском бланке. Я нетерпеливо схватила его и слегка дрожащим голосом прочла вслух:

– «Уважаемый доктор Уэйкфилд! Направляю Вам приложенные ниже материалы в ответ на Ваш запрос относительно казни офицеров-якобитов войсками герцога Камберлендского, последовавшей за сражением при Куллодене. Довожу до Вашего сведения, что упомянутая Вами цитата из моей книги основывалась прежде всего на личном дневнике некоего лорда Мелтона, командовавшего пехотным полком под началом Камберленда во время битвы при Куллодене. Я вложил фотокопии соответствующих страниц этого дневника, содержащих, как Вы убедитесь, необычную и трогательную историю спасения некоего Джеймса Фрэзера. Сам Фрэзер не является значимой исторической личностью, и его частная история лежит в стороне от моих основных научных интересов, но я частенько подумывал о возможности предпринять отдельное исследование в надежде определить его последующую судьбу. Если Вам удастся выяснить, что он выжил и добрался до своего имения, прошу Вас известить об этом меня. Признаюсь, я всегда надеялся, что шотландцу повезло и в этом, хотя ситуация, описанная Мелтоном, делает благоприятный исход не слишком вероятным. Искренне Ваш, Эрик Линклатер».

Дрожащей рукой я положила листок на письменный стол.

– «Не слишком вероятным», каково? – сказала Брианна, встав на цыпочки и заглядывая через плечо Роджера. – Ха! Он точно вернулся, уж мы-то знаем!

– Мы думаем, что он вернулся, – поправил ее Роджер с осторожностью ученого, но его улыбка была такой же широкой, как у Брианны.

– Хотите чаю или какао? – Кудрявая темная головка Фионы просунулась в дверь кабинета, прервав возбужденное обсуждение. – Есть только что испеченное имбирно-ореховое печенье.

Вместе с ней в комнату проник впитавшийся в фартук соблазнительный аромат теплого имбиря.

– Чаю, пожалуйста, – сказал Роджер одновременно с Брианной, воскликнувшей:

– О, какао, это здорово!

Фиона с чрезвычайно самодовольным видом вкатила тележку с чайником, кувшином с какао и подносом свежайшей выпечки.

Я сама взяла чашку с чаем и плюхнулась в кресло со страницами из дневника Мелтона. Гладкий почерк восемнадцатого столетия, несмотря на архаичную орфографию, оказался

на удивление разборчивым, и в считанные минуты дневник перенес меня в крестьянскую хижину близ поля боя, а воображение дорисовало и жужжащих мух, и раненых шотландцев на земляном полу, и резкий запах крови, наполняющий тесное помещение.

«...во исполнение долга чести моего брата я не мог поступить иначе, кроме как сохранить Фрэзеру жизнь. Поэтому я не включил его имя в список изменников, казненных у фермерского дома, и договорился о том, чтобы ему предоставили возможность отправиться в его родовое имение. Честно признаюсь, что я при этом не чувствую себя человеком, проявившим чрезмерное милосердие или поступившимся своим долгом как офицер армии герцога, поскольку чрезвычайно тяжелая, загноившаяся рана в ноге названного Фрэзера делает его благополучное возвращение домой весьма маловероятным. Так или иначе, честь и долг не оставляли мне иного выбора, и могу сказать, что я испытал определенное облегчение, когда этого человека убрали с моих глаз, тогда как мне пришлось заняться погребением его расстрелянных товарищей. Не самое приятное занятие: то количество трупов, которое мне пришлось увидеть в эти последние два дня, угнетает меня».

На этом запись заканчивалась.

Я положила листки себе на колено. «Чрезвычайно тяжелая, загноившаяся...» В отличие от Роджера и Брианны я знала, насколько серьезной могла быть такая рана в отсутствие не то что антибиотиков, но элементарного медицинского ухода, даже примитивных припарок из целебных трав, доступных горским знахарям той эпохи. Сколько времени заняла тряская дорога от Куллодена до Брех-Туараха в повозке? Два дня? Три? Мог ли он в подобном состоянии и без должной помощи продержаться так долго?

– И все же он добрался.

Голос Брианны ворвался в мои мысли, ответив на то, что, по-видимому, было сходной мыслью, выраженной Роджером. Она говорила с простодушной уверенностью, как будто видела все те события, которые были описаны в дневнике Мелтона, и ничуть не сомневалась в благополучном исходе.

– Он все-таки вернулся. Он был Серой Шляпой, это я точно говорю.

– Серой Шляпой? – Фиона, качавшая головой над моей забытой и остывшей чашкой чая, удивленно воззрилась на Брианну. – Ты слышала о Серой Шляпе, правда?

Роджер с изумлением уставился на девушку.

– Эй, а ты-то о ней откуда знаешь?

Она кивнула, вылила мой чай в стоявший у камина горшок с альпийским ландышем и наполнила мою чашку свежим, от которого шел пар.

– От бабушки, откуда же еще. Она мне эту историю рассказывала не раз и не два.

– Расскажи нам!

Брианна напряженно подалась вперед, зажав чашку в обеих ладонях.

– Ну Фиона, ну пожалуйста! Что за история?

Фиона, неожиданно оказавшись в центре всеобщего внимания, слегка этому удивилась, но добродушно пожала плечами.

– Да ничего особенного, история про одного из сторонников Красавчика принца Чарли. Когда они потерпели страшное поражение при Куллодене и многие погибли, кое-кому все же удалось спастись. Один человек, например, сбежал с поля и переплыл реку, но красные мундиры все равно пустились за ним в погоню. По пути ему встретилась церковь, он шмыгнул туда и воззвал о милосердии к священнику. Священник и прихожане сжалились над ним и обрядили прямо поверх мундира в пасторское облачение. Когда англичане нагрянули в

храм, он вещал с кафедры и они не заметили, что у его ног с промокшей одежды натекла лужица. Красные мундиры решили, что ошиблись, и убрались восвояси. Тому малому удалось спастись, а прихожане потом рассказывали, что это была самая лучшая служба, которую им доводилось слышать!

Фиона рассмеялась от души, тогда как Брианна нахмурилась, а Роджер выглядел озадаченным.

– Это и был Серая Шляпа? – уточнил он. – А я думал...

– Да нет же! – заверила его девушка. – Это был не Серая Шляпа. Серая Шляпа – это еще один горец, уцелевший после Куллодена. Он вернулся в свое поместье, но поскольку англичане охотились за якобитами по всей горной Шотландии, ему пришлось скрываться в пещере на протяжении семи лет.

Услышав это, Брианна откинулась на стуле с громким вздохом облегчения:

– И арендаторы называли его даже между собой не иначе как Серой Шляпой, чтобы ненароком не выдать.

– Вы знаете эту историю? – удивилась Фиона. – Да, так оно и было.

– А твоя бабушка рассказывала, что случилось с ним после этого? – спросил Роджер.

– Ну конечно! – Глаза Фионы стали круглыми, как капли жженого сахара. – Это самая захватывающая часть истории. Понимаете, после Куллодена начался сильный голод, народ, изгнанный из своих домов посреди зимы, умирал с голоду в горных ущельях, мужчин расстреливали, хижины жгли. Арендаторам Серой Шляпы повезло больше, чем многим другим, но все равно наступил день, когда кончились все съестные припасы и в животе у них урчало с рассвета до заката – никакой дичи в лесу, никакого зерна в полях, и грудные дети умирали на руках своих матерей, у которых не было молока, чтобы их кормить.

Когда она произнесла эти слова, меня пробрало холодом. Перед внутренним взором предстали изможденные лица измученных голодом и холодом жителей Лаллиброха, людей, которых я знала и любила. Вместе с ужасом пришел и стыд: сама-то я не разделила их судьбу, а улизнала в безопасное будущее, к сытости и теплу. Это было сделано потому, что так хотел Джейми, но может ли желание одного человека служить оправданием поступков другого? Потом я посмотрела на склоненную рыжую головку Брианны, и боль в груди слегка отпустила. Она тоже пребывала все эти годы в безопасности, в тепле, сытости и любви – потому что я выполнила волю Джейми.

– И он придумал смелый план, этот Серая Шляпа, – продолжила Фиона, чье круглое личико по ходу рассказа прямо-таки засияло от воодушевления. – Представляете, сам велел одному из своих арендаторов пойти к англичанам и предложил выдать им лэрда. Дело в том, что среди сторонников принца он был не последним человеком и за его голову корона назначила солидное вознаграждение. Суть замысла была в том, чтобы арендатор выдал Серую Шляпу и получил деньги, которые позволят его близким и всем обитателям имения пережить тяжелые времена.

Моя рука с такой силой сжала изящную ручку чайной чашки, что она отломилась.

– Выдал? – простонала я хриплым голосом. – Они его повесили?

Фиона удивленно моргнула.

– Почему повесили? Вовсе нет. Бабушка рассказывала, что ему действительно грозили виселицей и отдали под суд за измену, но к тому времени казни уже закончились и Серую Шляпу просто упрятали в темницу. Зато золото пошло на доброе дело: помогло жителям его владений пережить голод, – бодро закончила она, очевидно рассматривая это как счастливый конец.

– Господи Иисусе, – выдохнул Роджер. Он осторожно поставил свою чашку и в оцепенении уставился куда-то в пространство. – В темницу!

– Ты говоришь так, будто это благо, – подала голос Брианна.

Уголки ее рта слегка опустились от огорчения, а повлажневшие глаза заблестели.

– Так оно и есть, – заявил Роджер, не замечая, что она расстроена. – Суть дела в том, что тюрем, в которых содержали обвиненных в государственной измене якобитов, было не так уж много и во всех велись официальные реестры узников. Неужели не понятно?

Он перевел взгляд с недоумевающей Фионы на хмурую Брианну и, в надежде найти понимание, в конце концов остановил взгляд на мне.

– Если он попал в тюрьму, я смогу найти его.

Роджер повернулся и посмотрел на высившиеся до потолка книжные полки, которые занимали три стены кабинета и хранили собранные покойным преподобным Уэйкфилдом материалы, касающиеся якобитских тайн.

– Он там, – тихо произнес Роджер. – В тюремных реестрах. В документах, представляющих собой подлинные свидетельства. Неужели вы так и не поняли? – спросил он снова, обернувшись ко мне. – До сих пор мы если и узнавали о нем что-то, то из воспоминаний, в достоверности которых нельзя быть уверенным. Но стоило ему попасть под суд и в тюрьму, как его биография стала частью письменной истории. Его имя попало в исторические документы, и где-то там мы его обязательно найдем!

– И узнаем, что случилось с ним потом, – выдохнула Брианна. – Когда его выпустили.

Роджер плотно сжал губы, чтобы отсечь альтернативу, пришедшую ему на ум, так же как и мне: «или когда он умер».

– Да, это верно, – сказал он, взяв Брианну за руку и одновременно встретившись взглядом со мной. – Когда его выпустили.

Спустя неделю вера Роджера в документы оставалась непоколебимой. Этого нельзя было сказать о стоявшем в кабинете преподобного Уэйкфилда столе восемнадцатого века, тонкие ножки которого тряслись и тревожно скрипели под непривычной тяжестью.

Обычно на поверхности стола размещали лишь маленькую настольную лампу и собрание мелких артефактов, принадлежавших преподобному, но теперь нагрузка на него невероятно возросла, поскольку все остальные горизонтальные поверхности кабинета уже были переполнены бумагами, журналами, книгами и пухлыми конвертами из антикварных обществ, университетов и научно-исследовательских библиотек со всей Англии, Шотландии и Ирландии.

– Если ты положишь на него еще одну страницу, он развалится, – заметила Клэр, когда Роджер беспечно потянулся, собираясь положить на маленький инкрустированный столик еще одну папку.

– А? Да, верно.

Движение осталось незавершенным: некоторое время он озирался, тщетно высматривая свободное место, и, отчаявшись, положил папку у своих ног.

– Я только что закончила проверять Уэнтуорт, – сказала Клэр, указывая ногой на шаткую стопку, громоздившуюся на полу. – Мы уже получили записи Бервика?

– Да, только сегодня утром. Но куда же я их положил?

Роджер обвел растерянным взглядом комнату, напоминавшую Александрийскую библиотеку во время разграбления, прямо перед тем, как был поднесен первый факел, и потер лоб, пытаясь сосредоточиться. После того как он целую неделю по десять часов в день пролистывал написанные от руки реестры, письма, записные книжки и дневники англичан в поисках любого официального упоминания о Джейми Фрэзере, Роджер чувствовал, что глаза словно запорошило песком.

– Голубой конверт, – произнес он. – Точно помню эти бумаги, и голубой цвет особо отложился в памяти. Я получил их от Макаллистера, профессора истории из Тринити-колледжа в Кембридже, а у них там в ходу эти большущие светло-голубые конверты с гербом

колледжа. Может быть, Фиона его видела? – Он подошел к двери кабинета и позвал через коридор: – Фиона!

Несмотря на поздний час, свет в кухне продолжал гореть и в воздухе витали бодрящие ароматы какао и свежее испеченного миндального кекса. Фиона ни за что бы не покинула свой пост, пока оставалась самая слабая вероятность того, что кому-то поблизости захочется есть.

– Ой, в чем дело?

Кудрявая каштановая головка Фионы высунулась из кухни.

– Сейчас будет готово какао, – заверила она. – Я жду только, когда кекс пропечется, чтобы сразу достать его из духовки.

Улыбка на лице Роджера говорила о глубокой привязанности. Трудно было найти человека более далекого от исторической науки, чем Фиона, вообще не читавшая ничего, кроме журнала «Мой еженедельник». Совершенно не вникая в смысл деятельности Роджера, она каждый день безмятежно вытирала пыль с груд книг и бумаг, содержание коих оставалось для нее полнейшей тайной, что ничуть ее не огорчало.

– Спасибо, Фиона, – сказал он. – Я подумал, может быть, тебе попался на глаза большой голубой конверт – пухлый, примерно такой?

Он показал руками приблизительный размер.

– Его доставили с утренней почтой, но я уже ухитрился куда-то его задевать.

– Вы оставили его в ванной, наверху, – тут же подсказала девушка. – Там лежит толстая книжка с золотыми буквами на обложке и портретом Красавчика принца Чарли и три письма, которые вы только что вскрыли, потом счет за газ – вы еще говорили, что нужно не забыть оплатить его не позже четырнадцатого числа этого месяца. Я все это сложила на газовую колонку, чтоб под ногами не болталось.

Раздался щелчок таймера духовки. Фиона ойкнула и исчезла.

Роджер повернулся и с улыбкой устремился вверх по лестнице, прыгая через две ступеньки. Будь у Фионы другие наклонности, она при ее замечательной памяти вполне могла бы и сама заняться наукой, но в любом случае являлась незаменимой помощницей исследователя. Если какой-то конкретный документ или книгу можно было описать исходя не из заглавия, имени автора или содержания, а всего лишь внешнего вида, Фиона всегда могла указать их точное местонахождение.

– Ой, пустяки, – жизнерадостно заверила она Роджера, когда он попытался извиниться за беспорядок, который учинил повсюду. – Когда эти бумаженции разбросаны по всему дому, можно подумать, что преподобный еще жив. Ну ни дать ни взять прежние времена, разве нет?

Спустившись, уже не столь торопливо, с голубым конвертом в руке, Роджер задумался, что бы сказал его покойный приемный отец о его нынешних изысканиях.

– Небось сам бы зарылся в эти документы по самые брови, – пробормотал он себе под нос.

Его мысленному взору предстала живая картина: преподобный, чья лысина поблескивает в свете свисающих с потолка холла старомодных ламп, неспешно переходит из кабинета на кухню. Туда, где старая миссис Грэм, бабушка Фионы, орудовала у плиты, удовлетворяя пищевые потребности старика во время его затягивавшихся порой до поздней ночи ученых бдений, точно так же, как это делала теперь Фиона.

«Непонятно, – подумал он, направляясь в кабинет, – чем руководствовались в старые времена, когда сын следовал по стопам отца: соображениями ли удобства, желанием сохранить бизнес в семье или же было некое семейное предрасположение к каким-то видам работы? Действительно ли некоторые люди рождаются, чтобы стать кузнецами, торговцами или поварами, – рождаются со способностями и склонностями именно к тому роду занятий, который прежде всего предлагает им жизнь?»

Очевидно, что это правило применимо не к каждому: всегда находились люди, покидавшие отчий дом, отправлявшиеся в странствия, пробовавшие себя в делах, доселе неизвестных в их семейном кругу. Не будь этого, в мире, вероятно, не было бы ни изобретателей, ни путешественников. Однако в некоторых семьях даже в наше время, несмотря на возможность получить любое образование и доступность путешествий, сохраняется некая предрасположенность к определенным видам профессиональной деятельности.

Более всего ему было бы интересно узнать, какие способности унаследовала Брианна. Глядя на склонившуюся над письменным столом Клэр, он размышлял о том, что получила Брианна от матери, а что от того шотландца из туманного прошлого. Того воина, землевладельца, придворного, лэрда, который был ее отцом.

Его мысли все еще вертелись вокруг Брианны, когда через четверть часа Клэр закрыла последнюю папку ее стопки и со вздохом откинулась назад.

– Интересно, о чем вы задумались? – спросила она, беря в руки чашку.

– Ни о чем особенном, – с улыбкой ответил Роджер, прервав свои размышления. – Я думал о том, как люди становятся теми, кем они стали. Как, например, вы стали врачом?

– Как я стала врачом?

Клэр вдохнула пар от какао, решила, что оно слишком горячее, чтобы пить, и поставила чашку обратно на стол среди россыпи книг, журналов и листов бумаги, испещренных карандашными пометками. Она слабо улыбнулась Роджеру и потерла ладони, нагретые от чашки.

– А как вы стали историком?

– Более или менее просто, – ответил он, откинувшись в кресле преподобного.

Он обвел рукой обстановку со всеми этими книгами, бумагами и предметами старины, погладил стоявшие на столе маленькие позолоченные каретные часы, изысканное произведение искусства восемнадцатого века с миниатюрными колокольчиками, которые отбивали час, четверть и половину.

– Я вырос в самой гуще этого и блуждал с отцом по горной Шотландии в поисках артефактов с тех пор, как только научился читать. Наверное, для меня было естественным продолжить его дело. А как насчет вас?

Она кивнула и потянулась, расправив затекшие после долгих часов работы за столом плечи. Брианна не выдержала и легла спать час назад, но Клэр с Роджером продолжали проверять списки заключенных английских тюрем.

– В общем, для меня это было что-то в том же роде, – сказала она. – Не сказать, чтобы я вдруг решила, что должна стать врачом. Просто неожиданно у меня возникло чувство, что я была им долгое время и мне очень этого не хватает.

Клэр положила руки на стол и принялась сгибать и разгибать длинные тонкие пальцы с аккуратными, блестящими овалами ногтей.

– Была одна песенка со времен Первой мировой войны, – задумчиво проговорила она. – Я слышала ее порой, когда к нам навевывались и выпивали старые армейские друзья дяди Лэма. В ней были такие строки:

В родной свинарник или хлев вернешь парней едва ли,
Коли солдатами они в Париже побывали.

Пропев двестише, Клэр усмехнулась.

– Я повидала Париж, – тихо сказала она. – И много еще чего повидала: Амьен, Престон, Фолкирк, больницу «Обитель ангелов» и так называемую операционную в Леохе. Я работала врачом в полном смысле этого слова, опробовала все грани профессии: помогала появляться на свет младенцам, вправляла кости, зашивала раны, снимала жар... – Не закончив фразу, Клэр пожала плечами. – Конечно, мне очень недоставало знаний. Было очевидно,

что необходимо многому научиться, поэтому я и пошла в медицинский. Правда, в действительности это не слишком меняет дело.

Она окунула палец в пенку, покрывавшую ее какао, и слизнула ее.

– Теперь у меня есть медицинский диплом, но врачом я была задолго до его получения, даже до того, как стала студенткой.

– Наверное, все было не так легко, как вы говорите, – заметил Роджер. Он подул на свое какао, глядя на Клэр с неприкрытым интересом. – Тогда медициной занималось совсем немного женщин, да и теперь, если уж на то пошло, женщин-врачей не слишком много, а у вас к тому же была семья.

– Это правда, я не могу сказать, что мне было так уж легко. – Клэр посмотрела на него загадочно. – Конечно, пришлось подождать, пока Брианна пойдет в школу и у нас в семье появятся деньги, позволяющие нанять кого-то для работы по дому, но... – Она пожала плечами и улыбнулась. – На несколько лет мне пришлось фактически забыть, что значит выспаться. Это немного помогло. И как ни странно, Фрэнк тоже помогал.

Роджер нашел, что какао достаточно остыло и его можно пить. Он держал чашку между руками, получая удовольствие от того, как тепло белого фарфора проникает в его ладони. Хотя и было начало июня, ночи оставались прохладными и без электрического обогревателя было не обойтись.

– Правда? – с любопытством спросил историк. – Признаться, из ваших прежних рассказов у меня сложилось впечатление, будто он не слишком одобрял ваше желание получить медицинское образование.

– Он и не одобрял.

Она поджала губы, и это движение куда больше, чем любые слова, сказало Роджеру о незабытых спорах, о незавершенных и оборванных разговорах, о молчаливом противодействии, заменившем открытое неодобрение.

«Какое выразительное у нее лицо», – подумал он, наблюдая за Клэр, и неожиданно задался вопросом, выдает ли его собственная физиономия всю его подноготную с такой же легкостью. Обеспокоенный этой мыслью, он наклонился к чашке и пригубил какао.

А когда поднял голову, то заметил на лице смотревшей на него Клэр слегка ироническое выражение.

– И что же заставило его передумать? – спросил он, чтобы отвлечь ее.

– Бри, – ответила она, и черты ее смягчились, как бывало всякий раз при упоминании о дочери. – Если что-то в жизни и имело для Фрэнка значение, так это Бри.

* * *

Как уже говорилось, я подождала со своим медицинским образованием, пока Брианна не пойдет в школу. Но все равно порой случалось так, что она освобождалась, а я была занята, и нам приходилось нанимать случайных помощниц по дому и приходящих нянь. Порой среди них попадались толковые и старательные, но куда чаще бывало наоборот.

Мои мысли вновь обратились к тому ужасному дню, когда мне позвонили в больницу и сообщили, что с Брианной произошел несчастный случай. Я выбежала прямо в зеленом полотняном хирургическом костюме и помчалась домой, игнорируя все ограничения скорости. У дома я увидела полицейскую машину и машину «скорой помощи», освещавшие вечерний сумрак кроваво-красными всполохами, и кучку высыпающих на улицу любопытных соседей.

Как выяснилось позднее, когда мы по обрывкам сложили целостную картину, последняя приходящая няня, раздраженная моей очередной задержкой на работе, по окончании своего рабочего времени просто надела пальто и ушла, бросив семилетнюю Брианну с нака-

зом подождать маму. Что та послушно и делала примерно с час. Но когда стало темнеть, ей стало страшно в доме одной и она решила выйти поискать меня. При переходе улицы ее сбила вывернувшая из-за угла машина.

Слава богу, девочка почти не пострадала: автомобиль двигался медленно, и она отделалась ушибами, ссадинами и испугом. Причем испугом не столь сильным, как у меня. Да и боль от ее ушибов, наверное, было не сравнить с той, что испытала я, когда ворвалась в гостиную и увидела, что она лежит на диване и смотрит на меня со слезами на запачканных щечках.

– Мамочка! Где ты была? Я тебя не нашла!

Мне потребовался почти весь запас профессионального присутствия духа, чтобы успокоить ее, осмотреть, заново обработать порезы и царапины и уложить в постель в обнимку с любимым мишкой. Спасибо ее спасителям, которые, как представлялось моему воспаленному воображению, смотрели на меня с неммым укором. Потом я упала на стул за кухонным столом и разрыдалась.

Фрэнк неловко гладил меня, бормоча слова утешения, но потом бросил это бесполезное занятие и занялся приготовлением чая.

– Решено, – заявила я, когда он поставил передо мной дымящуюся чашку. Я была словно в тумане и плохо соображала. – Бросаю все к черту! Завтра же!

– Бросаешь? – резко спросил Фрэнк. – Бросаешь учебу? Почему?

– Не могу больше выносить это.

Я никогда не клала в чай ни сливки, ни сахар, а сейчас, бухнув и то и другое, размешала и тупо смотрела, как расплзаются в чашке молочные разводы.

– Я больше не могу оставлять Бри, не зная, хорошо ли за ней приглядывают, но точно зная, что ей плохо. Ты ведь в курсе того, что ни одна из приходящих нянь ей не нравилась?

– Да. – Он сел напротив меня, помешивая свой чай, и после затянувшейся паузы сказал: – Но я не думаю, что тебе следует бросать учебу.

Для меня, считавшей, что мое решение будет воспринято им с восторгом, эти слова стали полнейшей неожиданностью. Воззрившись на мужа с удивлением, я выудила из кармана одноразовый носовой платок, высморкалась и спросила:

– Ты правда так думаешь?

– Ах, Клэр. – Даже когда его голос звучал раздраженно, в нем все равно слышалась нотка любви. – Ты ведь всегда знала, кто ты есть, для чего предназначена. Неужели непонятно, насколько это необычно?

– Нет.

Я вытерла нос разлохматившимся платком, опасаясь, как бы он не превратился в комок промокшей бумаги.

Фрэнк откинулся на своем стуле, глядя на меня и качая головой.

– То-то и оно.

Он помолчал, глядя на свои сложенные руки с узкими ладонями и длинными безволосыми, как у девушки, пальцами. Изящные руки, предназначенные для небрежных жестов, усиливающих нужные места при чтении лекций. Сейчас Фрэнк смотрел на них так, будто никогда раньше не видел.

– У меня этого нет, – сказал он тихо. – Нет, вообще-то со мной все в полном порядке. Я доволен тем, чем занимаюсь, – и преподаванием, и исследовательской работой. Порой это просто чертовски здорово, правда. Работа на самом деле мне нравится, доставляет удовольствие, но... – Он задумался, потом посмотрел на меня своими серьезными светло-кариими глазами. – Но должен честно признаться, что я вполне мог бы заниматься чем-нибудь другим, и с не меньшим успехом. Нет у меня чувства предназначения, уверенности в существовании своей миссии, чего-то такого, что я просто обязан делать. А у тебя есть.

– А это хорошо?

Мои глаза покраснели и опухли от слез, края ноздрей воспалились.

Фрэнк издал смешок.

– Это чертовски неудобно, Клэр. Для тебя, и меня, и Бри, всех нас троих. Но, бог свидетель, порой я тебе завидую.

Он потянулся к моей руке, и я, чуть поколебавшись, все же не отстранилась.

– Испытывать такую страсть к чему-то, – уголок его рта дернулся, – или к кому-то – это, наверное, большое везение, Клэр. И исключительно редкое.

Он мягко сжал мою руку, отпустил ее и, повернувшись, потянулся к полке за одной из книг. Это был справочник Вудхилла из серии «Патриоты», посвященный биографиям отцов-основателей Америки. Рука его легла на обложку книги с нежностью, словно опасаясь потревожить сон героев, чьи жизни были в ней заключены.

– Вот они были людьми подобного типа. Люди, которые знали, в чем их предназначение, и готовы были рискнуть всем на свете, чтобы его исполнить. Но большинство, и ты это прекрасно знаешь, не таково. Нельзя, конечно, сказать, будто у них нет чувства долга или предназначения – просто оно у них не столь обостренное.

Он снова взял мою руку, повернул ее ладонью вверх и провел пальцами по переплетающимся линиям. Было щекотно.

– Неужели все это обозначено здесь? – с улыбкой спросил Фрэнк. – Действительно ли великие судьбы и грандиозные деяния предопределены от рождения? Или все дело в том, чтобы люди, наделенные от рождения сей великой страстью, оказались в нужных обстоятельствах в нужное время? Изучая историю, невольно начинаешь задаваться подобными вопросами, хотя ответов на них история как раз не дает. Мы знаем о них лишь то, что они совершили. Но, Клэр... – Он постучал по обложке книги, и в голосе его прозвучала нотка предостережения. – Всем им пришлось чем-то за это заплатить.

– Знаю.

У меня было такое ощущение, будто я наблюдала за нами обоими со стороны: отчетливо видела Фрэнка, привлекательного, худощавого, чуть усталого, с легкой красивой седью на висках, и себя, растрепанную, неопрятную, в хирургической одежде, смявшейся и смоченной на груди слезами Брианны.

Некоторое время мы сидели молча, моя рука все еще покоилась в руке Фрэнка. Я видела таинственные линии и борозды, четкие, как на дорожной карте. Только вот знать бы, куда ведут эти дороги?

Несколько лет назад мне гадала по ладони одна немолодая шотландская леди по фамилии Грэм, к слову, бабушка Фионы.

– Линии на твоей руке меняются по мере того, как меняешься ты сама, – сказала она тогда. – Не так важно, с чем ты родилась, как то, какой ты себя сделаешь.

Ну и какой я стала, что из себя сделала? Черт знает что, вот что! Не вышло из меня ни хорошей матери, ни хорошей жены, ни хорошего врача – сплошное недоразумение. Когда-то я воображала себя цельной натурой, которая способна любить мужчину, выносить ребенка, лечить больных. И все это существовало в естественном единении, а не в виде нелепых фрагментов, на которые теперь распалась моя жизнь. Но все осталось в прошлом, где рядом был Джейми, я любила его и некоторое время чувствовала себя – и являлась! – частью чего-то большего, чем я сама.

– Я буду забирать Бри.

Я так глубоко погрузилась в невеселые размышления, что смысл сказанного Фрэнком дошел до меня не сразу, и я в недоумении уставилась на него.

– Что ты сказал?

– Я сказал, – повторил он терпеливо, – что буду забирать Бри к себе на работу. Она может приходить из школы в университет и играть в моем кабинете до конца рабочего дня.

Я потерла нос.

– Мне казалось, что ты не одобряешь сотрудников, которые таскают детишек на работу.

Он критически относился к миссис Клэнси, одной из секретарш, которая в течение месяца приводила на работу своего внука, мать которого приболела.

Фрэнк неловко пожал плечами.

– Это так, но в каждом случае нужен особый подход. Да и вряд ли Брианна станет носиться взад-вперед по коридорам с пронзительными воплями и разбрызгивать чернила, как Барт Клэнси.

– Вот уж за что не поручусь, – усмехнулась я. – Но ты это серьезно?

На самом деле серьезность его предложения была очевидна, и где-то внутри меня начало осторожно вырывать еще робкое, боязливое чувство облегчения. Я могла не доверять Фрэнку в отношении физической верности, да и знала на самом деле, что уж верности-то он не хранит, но вот сомневаться в его любви к Бри у меня не было ни малейших оснований.

Вот так неожиданно разрешилась одна из самых трудных проблем. Мне не нужно будет спешить домой из больницы, терзаясь страхом, что я припозднилась, отгоняя мысль о том, что Брианна опять куксится у себя в комнате, потому что ей не нравится нынешняя приходящая няня. А вот Фрэнка моя девочка любит, и мысль о возможности бывать в его кабинете каждый день приведет ее в восторг.

– Почему? – спросила я напрямик. – Ведь мне прекрасно известно, что ты вовсе не в восторге от моих медицинских пристрастий.

– Не в восторге, – задумчиво признал он. – Но дело не в этом. Ясно, что тебя все равно не остановить, и, возможно, единственное, что я реально могу сделать, – это помочь тебе добиться своего, причем с наименьшим ущербом для Брианны.

Лицо его чуть посуровело, и он отвернулся.

* * *

– Если он когда-либо чувствовал, что в его жизни есть нечто главное, то, ради чего стоит жить, то это была Брианна, – подытожила Клэр.

Несколько мгновений она молча помешивала какао, а потом вдруг спросила:

– Но что так заботит вас, Роджер? Почему у вас возникли эти вопросы?

Он ответил не сразу, медленными глотками попивая какао. Оно было насыщенным, темным, со свежими сливками и крупинками коричневого сахара. Фионе, которая всегда была реалисткой, хватило одного взгляда на Брианну, чтобы отказаться от попыток заманить Роджера в брачные силки через желудок, но она была поваром милостью божьей, так же как Клэр врачом, и просто не могла готовить плохо.

– Наверное, потому, что я историк, – ответил наконец Роджер, глядя на Клэр поверх чашки. – Мне нужно знать. Моя задача как раз в том, чтобы узнавать, как жили люди, что они делали и почему делали именно так.

– И вы думаете, что я могу рассказать вам об этом? – Она остро взглянула на него. – Или что сама это знаю?

Он кивнул, попивая какао маленькими глотками.

– Знаете лучше, чем многие. Большинство источников, доступных историку, лишены вашей... – Он помедлил, подбирая нужное слово, а найдя, улыбнулся. – Скажем так: вашей уникальной точки зрения.

Неожиданно напряжение ослабло.

– Скажем так, – рассмеялась Клэр, снова берясь за чашку.

– Другой важный фактор, – продолжил Роджер, не сводя с нее взгляда, – это ваша честность. Мне кажется, что вы не стали бы врать, просто не смогли бы, даже возникни у вас подобное желание.

Она взглянула на него и издала короткий сухой смешок.

– Вот тут, молодой человек, вы ошибаетесь: каждый может солгать, если на то есть веская причина. Даже я. Просто тем из нас, у кого все на лице написано, приходится продумывать свою ложь заранее и приучать себя к ней.

Склонившись над лежавшими перед ней бумагами, она стала перебирать их, медленно переворачивая страницы одну за другой. Это были копии реестров прибытия и отбытия заключенных английских тюрем. Задача усложнялась тем, что не все тюрьмы королевства управлялись по единому принципу с должным оформлением документов.

Находились начальники, которые не вели отдельных списков заключенных, а заносили сведения об их прибытии, отбытии или убыли по причине смерти наряду с прочими ежедневными записями, не видя большой разницы между смертью узника и забоем пары волов на солонину для кормления оставшихся заключенных.

Роджер уже решил было, что Клэр оставила этот разговор, но она снова подняла голову.

– В общем, вы совершенно правы, – призналась она. – Я честна скорее от недостатка гибкости, чем от чего-либо другого. Мне трудно не сказать, что я думаю. И как мне кажется, вы понимаете это, потому что мы с вами в этом отношении родственные души.

– Правда?

Роджер почувствовал странную радость, как будто кто-то преподнес ему неожиданный подарок.

Клэр кивнула и взглянула на него с едва заметной улыбкой.

– Ну да. Тут, знаете ли, не ошибешься. Такие люди наперечет – те, которые сразу выкладывают всю правду и о себе, и о тебе, и обо всем на свете. Пожалуй, я за всю жизнь знала только троих... теперь вот уже четверых.

Ее улыбка стала шире.

– Первый, конечно, Джейми. – Ее длинные пальцы легко остановились на стопке бумаг, почти лаская их своим прикосновением. – Еще мэтр Раймон, фармацевт. Я знала его в Париже. И друг, с которым я познакомилась во время учебы на врача, Джо Абернэти. Ну а теперь, думаю, к ним добавились и вы.

Она допила остатки насыщенной коричневой жидкости, поставила чашку на стол и посмотрела прямо на Роджера.

– Впрочем, и Фрэнк тоже был по-своему прав. Если ты знаешь, для чего ты предназначен в жизни, тебе не обязательно легче, но, по крайней мере, ты не тратишь время зря, задаваясь вопросами или сомневаясь. Если ты честен – ну что ж, это тоже далеко не всегда облегчает жизнь. Хотя, как мне думается, если ты честен с самим собой и знаешь себя, вероятность того, что ты будешь делать не то, что надо, а потом сожалеть о потраченной впустую жизни, несколько уменьшается.

Она отодвинула в сторону одну стопку бумаг и придвинула следующую – подборку папок с логотипами Британского музея на обложках.

– Это было присуще Джейми, – произнесла она тихо, словно самой себе. – Он был не из тех, кто способен отвернуться от дела, которое считает своим, каким бы опасным оно ни было. И я думаю, он не считал, что прожил жизнь впустую, – неважно, что с ним происходило.

Она погрузилась в молчание, разбирая каракули какого-то давно умершего клерка в поисках записи, способной подсказать ей, как прожил и завершил свою жизнь Джейми Фрэнк, как долго он томился в тюремной камере и увидел ли свободу.

Часы на столе пробили полночь, их бой оказался удивительно глубоким и мелодичным для столь миниатюрного инструмента. Затем они отбили четверть первого, потом половину, подчеркивая монотонный шорох переворачиваемых страниц. Наконец Роджер положил очередную стопку просмотренных бумаг на стол и зевнул, ничуть не побеспокоившись о том, чтобы прикрыть рот.

– Не знаю, как у вас, а у меня уже в глазах двоится. Может, продолжим утром?

Клэр, вперившая отрешенный, невидящий взгляд в решетку электрического камина, не отозвалась. Роджер повторил свой вопрос, и она медленно вернулась к действительности из одной ей ведомых далей.

– Нет, – сказала Клэр и потянулась за следующей папкой, рассеянно улыбнувшись Роджеру. – Вы ложитесь. А мне все равно не спится, так что я чуточку задержусь.

Я чуть было не пропустила нужное место, механически переворачивая листы, поскольку в имена не вчитывалась, а лишь проглядывала страницы на букву «J»: Джон, Джо-зеф, Джек, Джеймс. Там были Джеймс Эдвард, Джеймс Алан, Джеймс Уолтер и далее до бесконечности. Взгляд устало скользил по строчкам, но все же зацепился за нужную, сделанную четким мелким почерком запись: «Джеймс Маккензи Фрэзер из Брех-Туараха».

Я бережно положила страничку на стол, закрыла на миг глаза, потом посмотрела снова. Запись осталась на месте.

– Джейми, – произнесла я вслух.

Мое сердце тяжело билось в груди.

– Джейми, – прошептала я.

Было почти три часа утра. Все спали, но дом, как это принято у старых построек, жил своей жизнью и разделял со мной бодрствование, издавая скрипы, стоны и вздохи. Странное дело, но я не испытывала ни малейшего желания вскочить, побежать разбудить Брианну или Роджера, чтобы рассказать им эту новость. Напротив, мне хотелось ненадолго приберечь ее для себя самой, словно это давало возможность побыть наедине с Джейми.

Мой палец провел по чернильной строчке. Человек, который написал это, видел Джейми – может быть, даже водил пером по бумаге, когда тот стоял перед ним. Наверху страницы была проставлена дата: «16 мая 1753 года». Почти то же время года, что и сейчас. Я представила себе тогдашнюю весну, свежий, прохладный воздух и еще скуповатые лучи весеннего солнца, играющие в волосах.

На воле Джейми предпочитал длинные волосы, заплетенные или собранные в хвост. Я вспомнила небрежный жест, которым он, разгорячившись от упражнений, отбрасывал их с шеи, чтобы слегка охладиться.

На нем не мог быть надет килт – после Куллодена ношение тартанов было объявлено вне закона. Значит, вероятнее всего, штаны и полотняная рубашка вроде тех, какие мне самой случалось для него шить. Мысленно я ощутила под руками мягкую волну ткани – целых три ярда уходило на настоящий шотландский сарк, долгополую рубашку со свободными рукавами. Это была единственная одежда, в которой, оставшись без пледа, шотландец мог хоть улечься спать, хоть отправиться на битву. Я представила себе широкие плечи под грубой материей, ощущающееся сквозь ткань тепло его кожи, руки, тронутые прохладой шотландской весны.

Ему доводилось сидеть в тюрьме и раньше. Как он выглядел, стоя перед английским тюремным клерком и прекрасно зная, что его ждет? Наверняка был мрачен, как ад, подумала я, видя перед собой длинный прямой нос и холодные темно-голубые глаза – темные и непроницаемые, словно воды Лох-Несса.

Я открыла глаза, только сейчас сообразив, что сижу на краешке стула, крепко прижав к груди папку с фотокопиями, и настолько погрузилась в созерцание картин, порождаемых воображением, что даже не посмотрела, к какой тюрьме относятся эти реестры.

Больших тюрем в восемнадцатом веке в Англии насчитывалось не так уж много, но существовали еще и мелкие. Я медленно перевернула папку. Может, это Бервик рядом с границей? Эдинбургская цитадель Толбот с ее недоброй славой? Или одна из южных тюрем, замок Лидс, а то и сам Тауэр?

«Ардсмур» – значилось на наклейке, аккуратно прикрепленной к обложке папки.

– Ардсмур? – тупо произнесла я, уставившись на надпись. – Да где он вообще находится, этот чертов Ардсмур?

Глава 8

Узник чести

Ардсмур, Шотландия, 15 февраля 1755 года

– Ардсмур – это нарыв на заднице Господа Бога, – съязвил полковник Гарри Кворри, кивая молодому человеку у окна и поднимая бокал. – Я проторчал здесь год, точнее, одиннадцать месяцев и двадцать один день, а теперь с удовольствием передаю это место службы со всеми его прелестями вам, милорд.

Обозревавший свои новые владения майор Джон Уильям Грей отвернулся от окна, выходящего на внутренний двор, и взял свой бокал с сухим ответным кивком:

– Да, вид не слишком воодушевляющий. Здесь что, постоянно идут дожди?

– Конечно. Это же чертова Шотландия, причем самое дерьмовое захолустье во всей чертовой Шотландии.

Кворри сделал большой глоток виски, закашлялся, шумно выдохнул и поставил пустой бокал.

– Единственное, что как-то примиряет с этой дырой, – почти дармовая выпивка, – продолжил он с заметной хрипотцой в голосе. – В местных питейных заведениях и лавках уважают людей в офицерских мундирах и делают хорошую скидку. Я оставлю вам список местечек, куда стоит наведаться.

Полковник кивком указал на массивный дубовый письменный стол, стоявший всеми четырьмя ножками на островке ковра, словно маленькая крепость, являя контраст с остальным помещением, фактически лишенным обстановки. На мысль о цитадели наводили и знамена, полковое и государственное, свисавшие с каменной стены позади стола.

– Ну и конечно, – Кворри поднялся, пошарил в верхнем ящике стола и шлепнул на столешницу обтрепанную кожаную папку, к которой, порывшись, добавил еще одну, – оставлю вам список личного состава и реестр заключенных. Обычно здесь содержится двести человек, но на данный момент их насчитывается сто девяносто шесть. Бывает, двое-трое помрут из-за болезней, а то схватят с поличным браконьера, вот и появляется лишний узник.

– Значит, примерно двести, – заметил Грей. – А сколько человек в казармах стражников?

– По штату восемьдесят два. Но на деле в строю примерно половина.

Кворри снова полез в ящик стола, достал бутылку из коричневого стекла с пробкой, встряхнул ее, послушал плеск жидкости и усмехнулся.

– Тут ведь не только командир находит утешение в выпивке. Добрая половина личного состава постоянно пребывает в подпитии, их даже на поверку не построить. Я оставлю это вам, ладно? Бьюсь об заклад, непременно пригодится.

Он убрал бутылку обратно и выдвинул нижний ящик.

– Инструкции, предписания, заявки, формуляры, образцы отчетов – все здесь. Самое худшее в этой работе – бумажная волокита, но начальник, имеющий приличного писаря, может ни о чем не беспокоиться. Ему самому фактически и делать ничего не надо. К сожалению, про вас на данный момент этого сказать нельзя. Был у меня капрал, грамотей, аккуратист, с прекрасным почерком, но он умер две недели назад. Подготовьте другого, и вам нечего будет делать, кроме как охотиться на куропаток да за «французским золотом».

Он рассмеялся собственной шутке; слухи о золоте, которое Людовик Французский якобы послал своему кузену Карлу Стюарту, были широко распространены в этой части Шотландии.

– А с узниками много хлопот? – поинтересовался Грей. – Насколько я понял, это в основном горцы, якобиты.

– Так оно и есть. Но они ведут себя вполне смиренно.

Кворри помолчал, глядя в окно. Небольшая вереница оборванных людей выходила из двери в глухой каменной стене напротив.

– Похоже, после Куллодена в них не осталось куражу. Мясник Билли напрочь отбил охоту бунтовать. Ну и мы, конечно, спуску не даем и следим, чтобы смутой даже не пахло. Они у нас работой загружены – сами себе тюрьму ладят.

Грей понимающе кивнул. Ирония заключалась в том, что крепость Ардсмур перестраивалась и обновлялась руками заключенных-шотландцев.

– Сейчас выходит рабочая команда резать торф.

Кворри кивнул на группу внизу. Дюжина бородатых людей, одетых в лохмотья, выстроилась в ряд перед солдатом в красном мундире, который расхаживал взад-вперед, давая наставления. Потом он выкрикнул приказ и указал рукой на внешние ворота.

Команду узников сопровождали державшиеся в голове и хвосте колонны шестеро вооруженных солдат с мушкетами по-походному. Их щегольской вид особенно бросался в глаза на фоне оборванных горцев. Узники уныло брели, не обращая внимания на моросивший дождь. Позади отряда мул со скрипом тащил повозку, на дне которой поблескивала связка ножей для резки торфа. Пересчитав людей, Кворри нахмурился.

– Должно быть, опять кто-то захворал. По правилам рабочая команда состоит из восемнадцати человек: заключенные работают с ножами, поэтому на каждых троих полагается один стражник. Правда, – добавил полковник, отвернувшись от окна, – попытки побега случаются на удивление редко. Бежать-то им некуда.

Он отошел от стола, походя отпихнул ногой в сторону стоявшую перед камином большую плетеную корзину, наполненную тем самым торфом, за которым отправлялись узники.

– Оставляйте окно открытым, даже если идет дождь, – посоветовал Кворри, – иначе тут можно задохнуться от торфяного дыма. – Он демонстративно сделал глубокий вдох и шумно выпустил воздух. – Господи, как же я рад снова вернуться в Лондон!

– Насколько я понимаю, приличного общества здесь тоже не найти? – сухо осведомился Грей.

Кворри просто покатился со смеху, его широкое лицо покрылось морщинками.

– Приличное общество, а? Ну вы даете, приятель! Не считая одной-двух сносных деревенских потаскух, здешнее «общество» состоит исключительно из гарнизонных офицеров. Их четверо, и один даже способен общаться, не используя через слово неприличные выражения. Плюс ваш ординарец и один заключенный.

– Заключенный? – Грей поднял глаза от бумаг, вопросительно выгнув бровь.

– О да!

Кворри не терпелось убраться: его ждала карета, и он задержался, только чтобы дать наставления сменщику, но сейчас, глядя на Грея, прервал свои сборы. Уголок его рта дернулся в предвкушении эффекта.

– Вы, я полагаю, слышали о Рыжем Джейми Фрэзере?

Грей слегка напрягся, но постарался сохранить невозмутимое выражение лица.

– Думаю, как и большинство, – сухо заметил он. – Этот человек снискал во время мятежа громкую славу.

На самом деле майор мучительно гадал, вся ли история, связанная с прославленным бунтовщиком, известна полковнику. И надо же было так нарваться, черт бы все побрал!

Губы Кворри слегка дрогнули, но он ограничился кивком.

– Именно. Короче, этот малый отбывает наказание у нас. Из всех якобитов он старший по званию офицер, горцы относятся к нему как к своему вождю, и, соответственно, если возникают какие-то проблемы, касающиеся заключенных, – а они обязательно возникнут, смею вас уверить, – он выступает в качестве их представителя.

В помещении полковник находился в одних чулках, перед выходом же стал натягивать высокие, годные месить шотландскую грязь кавалерийские сапоги.

– Seumas, mac an fhear dhuibh, так они его называют, или просто Макдью. Вы говорите по-гэльски? Вот и я тоже этой тарабарщины не понимаю – правда, Гриссом вроде бы малость понимает. Он говорит, что это значит «Джеймс, сын Черного». Половина стражников боятся его – те, что сражались с Коупом при Престонпансе. Говорят, что для наших он был сущим бедствием, ну да в итоге оказался в беде сам.

Кворри хмыкнул, засовывая ногу в сапог, притопнул каблуком и встал.

– Заключение слушаются его беспрекословно. А вот отдавать им приказы без его посредничества – все равно что разговаривать с камнями во дворе. Вы когда-нибудь имели дело с шотландцами? Ну конечно, вы сражались с ними при Куллодене с полком вашего брата, верно?

Кворри хлопнул себя по лбу, изображая забывчивость.

Черт бы его побрал! Все-таки он слышал эту историю!

– Тогда вы имеете представление о наших подопечных. Назвать их упрямыми – значит ничего не сказать. – Кворри махнул рукой, словно отменяя весь контингент непокорных шотландцев. – Из чего следует, – он выдержал паузу, смакуя удовольствие, – что вам потребуется расположение Фрэзера или, по крайней мере, его готовность к сотрудничеству. Мне, например, случалось приглашать его к ужину и обсуждать с ним текущие дела за столом. Это весьма способствовало успешному решению многих вопросов. Вы можете опробовать ту же тактику.

– Пожалуй, можно.

Тон Грея оставался невозмутимым, хотя руки непроизвольно сжимались в кулаки. Черта с два он будет ужинать с Джеймсом Фрэзером!

– Он образованный человек, – продолжил Кворри с искоркой злорадства в глазах. – Беседовать с ним гораздо интереснее, чем с нашими офицерами. К тому же он играет в шахматы. Вы ведь играете время от времени?

– Время от времени.

Грей чуть ли не задышался от злости. И когда наконец этот глупец закончит болтать и уберется отсюда?

– Ну что ж, оставляю все это на вас.

Словно угадав невысказанное желание Грея, полковник решительно нахлобучил парик, снял с крючка у двери плащ, широким, картинным взмахом накинул его на плечи и уже двинулся к выходу со шляпой в руке, но обернулся.

– И вот что еще. Если будете ужинать с Фрэзером с глазу на глаз, не поворачивайтесь к нему спиной.

Эти слова были сказаны без недавней дразнящей ухмылки, и Грей понял, что предостережение сделано всерьез.

– Я без шуток, – заявил Кворри. – Он в оковах, но задушить человека цепями ничего не стоит. Особенно такому здоровенному малому, как этот Фрэзер.

– Я знаю.

Грей в ярости почувствовал, как к его щекам прихлынула кровь, и, чтобы скрыть это, развернулся, дав холодному воздуху из приоткрытого окна обвеять лицо.

– Но полагаю, – продолжил он, не поворачиваясь к собеседнику, словно беседовал с мокрыми камнями внизу, – если этот мятежник так умен и образован, как вы говорите, вряд ли он станет нападать на меня в моей собственной резиденции на территории тюремного замка. Зачем ему это делать?

Кворри не ответил, а когда Грей повернулся, то увидел, что полковник смотрит на него без намека на юмор или ехидство.

– Ум, образованность – это, конечно, важно, но это не все, – медленно произнес Кворри. – Есть многое другое, не менее значимое. Вы-то молоды и, наверное, не видели ненависть и отчаяние на близком расстоянии. А за последние десять лет в Шотландии накопилось много и того и другого.

Он наклонил голову, оглядывая нового коменданта Ардсмур с выигрышной позиции – с высоты своего пятнадцатилетнего старшинства.

Майор Грей был молод, на вид не более двадцати шести лет, а благодаря прекрасному цвету лица и девичьим ресницам выглядел даже моложе. К тому же он был на пару дюймов ниже среднего роста и имел хрупкое телосложение. Из-за чего, возможно, сейчас выпрямился как штык.

– Я в курсе всего этого, полковник, – произнес молодой офицер, стараясь не выказывать никаких чувств.

Пусть Кворри, как и сам Грей, был не более чем младшим сыном в хорошей семье, старшинство полковника по званию и выслуге заставляло собеседника держать себя в руках.

– Надеюсь, – сказал Кворри, вперив в него светло-карие глаза.

Резким движением полковник нахлобучил шляпу, коснулся щеки, где темная полоска шрама разрезала поперек красную кожу – напоминание о скандальной дуэли, из-за которой его сослали в Ардсмур, – и добавил:

– Одному богу известно, Грей, что вы натворили такого, из-за чего вас спровадили в эту дыру. Надеюсь, вы сами знаете, чем заслужили это. Удачи вам!

И он, взмахнув на прощание синим плащом, ушел.

– Черт знакомый лучше черта незнакомого, – сказал Мардо Линдси, хмуро качая головой. – Красавчик Гарри был не так уж плох.

– Точно, – подтвердил Кенни Лесли. – Да ведь ты уже был здесь, когда он прибыл, верно? Он был куда лучше, чем этот говнюк Богл.

– Ну-у, – протянул Мардо с недоуменным видом. – Не темни, парень, к чему ты это клонишь?

– Да к тому, что если Красавчик и вправду был лучше Богла, – терпеливо пояснил Лесли, – тогда он был чертом незнакомым, а Богл – чертом знакомым. Но Красавчик точно был лучше, вот и получается, что ты не прав.

– Я? – Мардо, безнадежно сбитый с толку этими рассуждениями, хмуро уставился на Лесли. – Нет, я прав!

– Еще как не прав! – с горячностью возразил Лесли. – И вообще, в толк не возьму, зачем ты без конца споришь, если все равно вечно ошибаешься?

– Я не спорю! – возмутился Мардо. – Ты специально ко мне цепляешься и все переиначиваешь шиворот-навыворот.

– Только потому, что ты не прав, парень, – уверенно заявил Лесли. – Если бы ты был прав, я бы тебе и слова не сказал.

– Не был я не прав! По крайней мере, я так не думаю, – пробормотал Мардо, уже не помнивший, что именно говорил поначалу. Он повернулся к большой фигуре, сидевшей в углу. – Макдью, я был не прав?

Рослый человек потянулся, отчего его оковы тихо звякнули, и рассмеялся.

– Нет, Мардо, сказать, что ты так уж не прав, нельзя. Но и правым тебя назвать пока тоже трудно. До тех пор, пока мы не выясним, каков этот незнакомый черт на деле.

Увидев, как Лесли сдвигает брови, готовясь к дальнейшему спору, он возвысил голос, обращаясь ко всем, кто находился в помещении:

– Кто-нибудь уже видел нового коменданта? Джонсон? Мактавиш?

– Я видел! – выкрикнул Хейс и с удовольствием протиснулся вперед, чтобы погреть руки у огня.

В большой камере имелся только один очаг, разместиться возле которого могли шестеро. Остальным сорока узникам приходилось дрожать от холода и жаться друг к другу.

Существовало принятое по общему согласию правило: рассказчик чего-нибудь интересного или певец может получить место у очага на время своего выступления. Макдью сказал, что это исконное право барда; дескать, когда в старину барды приходили в замки, лэрды оказывали им особый почет: усаживали в теплое место и щедро угощали. О лишней еде или питье здесь не приходилось и мечтать, но теплое местечко имелось.

Хейс расслабился, протянул руки к теплу, и на его физиономии расплылась блаженная улыбка, но толчки с обеих сторон заставили его открыть глаза и начать рассказ.

– Я увидел его, когда он вышел из своей кареты, а потом еще раз, когда я принес блюдо со сладостями с кухни. Они с Красавчиком Гарри в это время чесали языки. – Хейс нахмурил лоб, сосредоточиваясь. – У него светлые волосы, длинные желтые локоны, перевязанные голубой лентой. А еще у него большие глаза и длинные ресницы, как у девушки.

Хейс игриво состроил глазки слушателям, похлопав совсем не девичьими ресницами, и, награжденный дружным смехом, продолжил рассказывать о наряде нового начальника («разодет, что твой лорд!»), его слуге («из этих болванов англичан, с таким выговором, ровно у него язык сгорел») и о том, что он успел услышать.

– Он говорит резко и быстро, как будто всему знает верную цену, – усмехнулся Хейс, с сомнением покачав головой. – Но это самоуверенность от молодости. Парень молод, а по виду и вовсе сосунок, хотя, ручаюсь, он старше, чем выглядит.

– Ага, хлипкий парень, меньше малыша Энгюса, – вставил Бэйрд, кивнув в сторону Энгюса Маккензи, который с удивлением посмотрел на себя.

В двенадцать лет Энгюс вместе с отцом сражался при Куллодене, к нынешнему времени почти половину своей жизни провел в Ардсмуре и вследствие скудного тюремного питания так и не подрос.

– Ну да, – подтвердил Хейс, – зато держит себя фу-ты ну-ты как важно: плечи развернуты и сам будто аршин проглотил.

Это вызвало новый взрыв хохота и непристойных комментариев, и Хейс уступил место Огилви, который знал длинную и непристойную историю о лэрде Донибристле и дочери свинаря. Хейс оставил место у огня без обиды и, как это было принято, перебрался к Макдью и уселся рядом.

Сам Макдью никогда не занимал места у огня, даже когда рассказывал им длинные истории из прочитанных книг: «Приключения Родерика Рэндома», «История Тома Джонса, найденыша» или «Робинзон Крузо». Заявив, что ему необходимо пространство для размещения своих длинных ног, Макдью обосновался в углу, где все могли его слышать. Узники, посидевшие у огня, подходили один за другим и садились на лавку рядом с ним, чтобы поделиться теплом, которое сохранилось в их одежде.

– Как думаешь, Макдью, доведется тебе завтра поговорить с новым начальником? – осведомился Хейс. – Я встретил Билли Малькольма, когда он возвращался с рубки торфа, и он крикнул мне, что в их камере крысы вконец осмелели. Шестерых человек покусали ночью, когда они спали, и у двоих раны гноятся.

– Трудно сказать, Гэвин, – ответил он. – Кворри обещал рассказать этому новому о нашем уговоре, но ведь новая метла и мести может по-новому, верно? Другое дело, если меня к нему позовут, – тогда уж я точно расскажу ему о крысах. А Малькольм просил Моррисона прийти и посмотреть раны?

Штатного лекаря в тюрьме не имелось, поэтому Моррисону, обладавшему навыками знахаря, охрана по ходатайству Макдью разрешала ходить по камерам, врачуя болячки и травмы.

Хейс покачал головой.

– У него не было времени что-то толком сказать, они ведь только проходили мимо.

– Лучше будет, если я пошлю за Моррисоном, – решил Макдью, – а уж он сам выяснит у Билли, что там еще неладно.

Узников держали в четырех основных камерах большими группами; новости среди них распространялись благодаря визитам Моррисона. Кроме того, заключенные из разных камер встречались, когда их выводили на работу – таскать камни или резать торф на ближайшем болоте.

Моррисон явился по первому зову, принес в кармане четыре резных крысиных черепа, с помощью которых узники устраивали импровизированные игры в шашки. Макдью пошарил под лавкой и достал матерчатый мешочек, с которым ходил на торфяник.

– О, хватит уже этих чертовых колючек, – запротестовал Моррисон, увидев гримасу копавшегося в мешке Макдью.

– Я не могу заставить их это есть: они твердят, будто ты решил кормить их травой, словно быков или свиней.

Макдью выудил пригоршню увядших стеблей и пососал уколотый палец.

– По части упрямства они точно превзойдут и быков, и свиней, вместе взятых, – проворчал он. – Это всего-навсего молочный чертополох. Сколько мне тебе еще говорить, Моррисон? Отрежь головки чертополоха, разомни листья и стебли и, если окажется, что они слишком колючие, чтобы есть, разложи поверх готовящейся пресной лепешки, высуши в печи, разотри, сделай настой и дай им выпить как чай. А от меня передай, что мне было бы любопытно взглянуть на свиней, которые пьют чай.

Морщинистое лицо Моррисона расплылось в ухмылке. Немолодой человек, он и сам хорошо знал, как обращаться с пациентами, но для поддержания беседы любил посетовать на их упрямство.

– Ну ладно. Заодно спрошу, кто из них видел беззубую корову, – сказал он, аккуратно засовывая вялую зелень в свой мешок. – Но в следующий раз, когда встретишь Джо Маккаллока, обязательно покажи ему свои зубы. Самый упрямый осел во всей ослиной компании: ни в какую не хочет верить, что зелень помогает при цинге.

– Скажи ему, что если я прослышу про его отказ от чертополоха, то самолично укушу его за задницу, – пообещал Макдью, сверкнув превосходными белыми зубами.

Моррисон издал булькающий горловой звук, долженствовавший обозначать смех, и направился за мази и теми немногими травами, которые служили ему в качестве лекарств.

На какое-то время Макдью позволил себе расслабиться, обведя взглядом помещение и лишний раз удостоверившись, что особых проблем вроде бы не намечается. Между заключенными случались ссоры: всего неделю назад он уладил спор Бобби Синклера и Эдвина Муррея, и пусть друзьями они не стали, но больше не задирались и не накаляли атмосферу.

Он закрыл глаза. При всей крепости сложения ворочать целый день камни – дело нелегкое. Ужин – бачок с кашей и хлеб, которые нужно распределить между всеми, – будет готов через несколько минут, а потом его товарищи по несчастью в большинстве своем отойдут ко сну, оставив ему несколько тех драгоценных минут спокойствия и иллюзорного уединения, когда не надо будет никого выслушивать и принимать за кого-то решения.

До сего момента у него не было даже времени задуматься о новом начальнике тюрьмы, хотя этому человеку предстояло играть немаловажную роль в жизни всех, кто здесь содержался. Хейс сказал, что он молод. Может быть, это и хорошо, а может, и плохо.

Немолодые люди, участвовавшие в подавлении мятежа, зачастую испытывали против горцев предубеждение: например, Богл, заковавший его в кандалы, сражался с Коупом. Но неопытный молодой солдат, жаждущий отлично справиться с новым, незнакомым для него делом, может именно из-за этого оказаться куда более неуступчивым и деспотичным, чем старый служака. Впрочем, тут уж ничего не поделаешь, остается только подождать и посмотреть.

Он вздохнул, в десятитысячный раз изменил положение тела, испытывая неудобство из-за оков. При его могучем сложении сам по себе вес кандалов особо не беспокоил, но они сильно натирали кожу при работе, а что еще хуже, было невозможно развести руки больше чем на восемнадцать дюймов и размять толком грудные и спинные мышцы. Они затекали, ныли, и напряжение оставляло его только во время сна.

– Макдью, – позвал тихий голос рядом с ним. – Словечко тебе на ухо, если позволишь.

Он открыл глаза и увидел Ронни Сазерленда, примостившегося рядом. В слабом свете от очага его напряженное узкое лицо казалось лисьим.

– Да, Ронни, конечно.

Он выпрямился, подобрал свои кандалы и напрочь выбросил из головы все мысли о новом главном тюремщике.

В тот же вечер Джон Грей сел за письмо.

Дорогая матушка!

Я благополучно прибыл к новому месту моей службы и нахожу его вполне приемлемым. Полковник Кворри, мой предшественник, – он племянник герцога Кларенса, помните? – оказал мне радушный прием и познакомил с моими обязанностями. Ко мне приставили превосходного слугу. Конечно, ко многому здесь, в Шотландии, мне придется привыкать, но я нахожу этот опыт весьма интересным. На ужин мне подали блюдо, которое, как сказал слуга, называется «хаггис». После наведения справок выяснилось, что это овечий желудочный мешок, наполненный смесью молотого овса и приготовленного не поддающимся определению способом мяса. Хотя меня заверили, что в Шотландии это своеобразное блюдо считается особым лакомством, я отослал его на кухню и попросил вместо него простое вареное седло барашка. Закончив мою первую здесь – скромную! – трапезу и утомившись от долгого путешествия, о подробностях которого я сообщу тебе в следующем послании, я рассчитываю отдохнуть, отложив дальнейшее описание моего нового окружения до того времени, когда войду здесь в курс всего и составлю обо всем свое суждение.

Он помедлил, постукивая пером по промокашке. Кончик пера оставил маленькие точки чернил, и он рассеянно соединил их линиями, нарисовав некую фигуру с зазубренными очертаниями.

Осмелиться ли спросить о Джордже? Не напрямую, это не годится, но в отсылке к делам семейным: мол, не доводилось ли матери в последнее время встречать леди Эверет и можно ли ему передать привет ее сыну?

Он вздохнул и нарисовал еще одну точку на изображенном предмете. Нет. Его овдовевшая мать не в курсе сложившейся ситуации, но муж леди Эверет вращается в военных кругах. Брат, конечно, употребит свое влияние, чтобы свести все слухи к минимуму, но лорд Эверет тем не менее может почуять, откуда ветер дует, и быстро сложить в уме два и два.

Обронит ненароком словечко своей жене насчет Джорджа, леди Эверет непременно поделится с его матерью... а вдовствующая графиня Мелтон отнюдь не глупа.

Для нее не секрет, что он попал в немилость: перспективных молодых офицеров на хорошем счету у начальства не отправляют к черту на кулички в шотландское захолустье руководить реконструкцией никчемного опорного пункта, не имеющего особого военного значения и используемого главным образом в качестве тюрьмы. Но его брат Хэрролд сказал ей, что проблема возникла из-за неудачной любовной интрижки, намекнув на то, что продолжать расспросы об этом было бы не деликатно. Скорее всего, она подумала, что его застали с женой полковника или что он поселил шлюху у себя на квартире.

Злосчастная любовная интрижка! Майор хмуро усмехнулся, обмакнув перо. Может быть, Хэлу присуща большая деликатность, чем он считал, когда все это придумывал. Но и то сказать, с тех пор как Гектор погиб при Куллодене, все его интрижки были неудачными.

Воспоминание о Куллодене неизбежно потянуло за собой мысль о Фрэзере, которую он гнал весь день. Грей перевел взгляд с промокашки на папку, в которой находился список заключенных, и закусил губу. У него возникло искушение открыть ее и заглянуть, чтобы увидеть это имя. Но зачем? В горной Шотландии могут быть десятки людей с именем Джеймс Фрэзер, но только одного знали как Рыжего Джейми.

Он почувствовал, что краснеет. Прилив жара не был вызван близостью к огню, но молодой человек отошел к окну и вдохнул полной грудью, чтобы холодный воздух не только наполнил легкие, но и очистил от воспоминаний.

– Простите, сэр, но не хотите ли вы, чтобы вам подогрели постель?

Услышав за спиной шотландскую речь, Грей встрепнулся. Он повернулся и увидел просунувшуюся в дверь взъерошенную голову заключенного, которому было поручено заниматься его покаями.

– А! Да-да. Спасибо... – Он замылся. – Макдоннел?

– Маккей, мой лорд, – поправил его человек без видимой обиды, и голова исчезла.

Грей вздохнул. Сегодня у него уже не было возможности заняться хоть чем-то полезным. Он снова подошел к столу и начал рассеянно собирать папки. Взгляд упал на чернильное изображение на промокашке: больше всего оно походило на навершие шипастой булавы из тех, какими средневековые рыцари крушили головы своих врагов. У него возникло назойливое ощущение, будто он проглотил такую штуковину, хотя, скорее всего, то было лишь несварение желудка из-за оказавшейся сыроватой баранины.

Молодой офицер покачал головой, придвинул к себе письмо и торопливо его подписал: «Со всей любовью, Ваш послушный сын, Джон У. Грей».

Он посыпал песком подпись, запечатал послание своим перстнем и отложил его в сторону, чтобы отправить утром с почтой.

Грей поднялся, помедлил, оглядывая сумрачное пространство кабинета – большой, холодной, пустой на вид комнаты, не имевшей иной обстановки, кроме огромного письменного стола и пары стульев. Молодой офицер поежился: из окна тянуло холодной сыростью, а тепла от тлевших в очаге торфяных брикетов явно не хватало на обогрев столь просторного помещения.

Снова бросив взгляд на список заключенных, Грей наклонился, открыл нижний ящик письменного стола, достал бутылку из коричневого стекла, потушил свечу и в тусклом свете одного лишь очага направился к кровати.

Казалось бы, усталость и виски, действуя совместно, должны были сморить его мгновенно, но сон, словно летучая мышь, витал над постелью, упорно не желая принимать Грея в свои объятия. Всякий раз, как только он начинал дремать, перед мысленным взором воз-

никало видение леса в Кэрриарике, после чего обнаруживалось, что сна снова ни в одном глазу, а в ушах отдается оглушительный стук сердца.

Тогда ему было всего шестнадцать, он участвовал в первой своей кампании, и, разумеется, его воодушевлению не было предела. Офицерский чин ему еще не присвоили, однако старший брат Хэл взял его в поход, чтобы он почувствовал настоящую солдатскую жизнь.

Когда их полк, которому предстояло прибыть в Престонпанс для соединения с войсками генерала Коупа, встал на ночлег, разбив лагерь близ мрачного шотландского леса, юному Джону тоже не спалось – не давали заснуть мысли о предстоящем сражении. Чем оно обернется? Все друзья Хэла расхваливали Коупа как великого генерала, но у солдатских костров больше говорили об отваге и свирепости шотландских горцев да об их смертоносных широких палашах. Хватит ли ему смелости встретиться лицом к лицу с безудержной атакой диких горцев?

Страхи приходилось таить в себе: о том, чтобы поделиться ими с Гектором и тем уронить себя в его глазах, не могло быть и речи. Гектор, конечно, любил его, но Гектору было уже двадцать – он был высок ростом, мускулист, имел патент лейтенанта и, главное, опыт боевых действий во Франции.

Даже теперь Джон Грей затруднился бы сказать, двигало им желание походить на Гектора, превзойти его или просто произвести на него благоприятное впечатление. В любом случае, когда он увидел в лесу горца и по розыскным плакатам узнал в нем прославленного злодея Рыжего Джейми, у него возникло твердое решение убить мятежника или взять в плен.

Мысль о том, чтобы вернуться в лагерь за подмогой, все же приходила ему в голову, но этот человек был один – по крайней мере, Джону показалось, что он один, – и явно ни о чем не подозревал. Сидит себе на бревне да хлеб уминает.

С этими мыслями он достал из-за пояса нож и начал подкрадываться, ориентируясь на ярко-рыжую макушку. Нож скользил во вспотевшей руке, но голова была полна воодушевляющих картин славы и похвалы Гектора.

И ведь добрался-таки он до шотландца, и нож занес, и даже нацелился, но...

Лорд Джон Грей рывком перевернулся в постели, взбудораженный нахлынувшими воспоминаниями.

Его рука оказалась перехваченной, нож был выбит, и противники, сцепившись, покатались по земле, борясь сначала за нож, а потом (опять же, как казалось Джону) за жизнь.

Поначалу шотландец был под ним, но потом каким-то образом извернулся и оказался сверху.

Как-то раз Грею дали потрогать здоровенного питона, привезенного другом его дяди из Индии. Так вот, соприкосновение с Фрэзером производило то же впечатление мощи, гибкости и стремительности.

Короче говоря, его, Джона Грея, бесцеремонно ткнули лицом в палую листву и скрутили руки за спиной. В лихорадочном ужасе, убежденный, что его сейчас убьют, он изо всех сил пытался вырвать попавшую в ловушку руку и довертелся до того, что кость хрустнула. Его пронзила боль, глаза застилала черно-красная пелена, и он лишился чувств.

Придя в сознание, Джон обнаружил себя прислоненным к дереву лицом к лицу с шайкой самого разбойного вида шотландцев в клетчатых пледах. В центре их стоял Рыжий Джейми Фрэзер. И та женщина.

Грей стиснул зубы. Будь проклята та женщина! Если бы не она – бог знает, что могло бы случиться. А случилось то, что она заговорила. Она была англичанка, леди, судя по речи, и он – каким же он был идиотом! – сразу решил, что она заложница злобных шотландцев, наверняка похищенная с целью изнасилования. А что, спрашивается, было ему еще думать? Повсюду только и говорили о безбожных шотландцах, которые все сплошь спят и видят, как бы обесчестить английскую женщину.

И лорд Джон Уильям Грей, шестнадцати лет от роду, с головой, полной высоких мальчишеских представлений о долге, чести, отваге и благородстве, весь в ссадинах, ушибах и шишках, борющийся с болью в сломанной руке, решил повести с горцами торг, чтобы избавить пленницу от ужасной участи. Фрэзер, их насмешливый вожак, играл с ним, как умелый рыбак с лососем: выставил перед ним эту женщину полуобнаженной, чтобы выудить из него сведения о полке его брата, о его позиции и численности. А потом, когда он рассказал все, что знал, Фрэзер со смехом признался, что эта женщина его жена. Ох и гоготали же проклятые горцы. Их грубый, раскатистый смех до сих пор жив в его памяти.

Грей перекатился, пытаясь улечься поудобнее на непривычном матрасе.

В довершение ко всему Фрэзер не проявил даже толики порядочности и вместо того, чтобы убить пленника и подарить ему героическую смерть, привязал к дереву, где утром его должны были найти товарищи. К тому времени люди Фрэзера наведались в лагерь и – благодаря сведениям, полученным от Грея! – вывели из строя пушку, которую они везли для Коупа.

Когда вся история стала известна, его не стали наказывать в силу юности и того факта, что формально он еще не приступил к службе, но в глазах товарищей юный Джон сделался парией и объектом презрения. Никто не хотел говорить с ним, кроме брата и Гектора. Верного Гектора...

Он вздохнул, потерся щекой о подушку, и перед его мысленным взором вновь предстал образ Гектора, темноволосого, голубоглазого, с мягкими губами и неизменной улыбкой. С тех пор как Гектор погиб при Куллодене, изрубленный широкими мечами горцев, прошло десять лет, а Джон до сих пор иногда просыпался на рассвете полный воспоминаний о его прикосновениях.

И вот теперь еще эта беда на его голову. Ему была противна сама мысль о службе среди шотландцев, погубивших ненаглядного друга, но никогда, рисуя будущее даже в самых мрачных красках, он и представить не мог, что когда-нибудь снова встретит Джеймса Фрэзера.

Торф в очаге мало-помалу прогорел до горячего пепла, пепел остыл, полная темнота за окном сменилась мрачно-серым сумраком дождливого шотландского рассвета, а Джон Грей так и лежал без сна, не отрывая воспаленных глаз от закопченных потолочных балок.

К утру Грей не отдохнул, но зато принял решение. Он здесь. Фрэзер здесь. И в обозримом будущем никуда им от этого не деться. Ему придется время от времени видеть этого человека вне зависимости от желания их обоих. Не далее как через час он должен будет собрать заключенных, чтобы они увидели своего нового начальника тюрьмы, да и впоследствии ему потребуется проводить всякого рода инспекции. Ну что ж, с этим ничего не поделаешь, но наедине они встречаться не будут ни в коем случае. Если он станет держать этого человека на расстоянии, то, может быть, сумеет обуздать неприятные воспоминания. И чувства.

Ибо, хотя именно это воспоминание о его былой ярости и унижении помешало ему сомкнуть глаза, в нынешней ситуации имелась и другая сторона, осознав которую он маялся без сна уже на рассвете. Не сразу, но до него дошло, что теперь Фрэзер его узник, уже не мучитель, но заключенный, как другие, и полностью зависит от его милости.

Он позвонил в колокольчик для вызова слуги и, морщась – таким холодным оказался каменный пол под босыми ногами, – на цыпочках подошел к окну, чтобы взглянуть, как там погода.

Шел дождь, что и неудивительно. Во дворе внизу заключенные, промокшие до нитки, уже строились в рабочие команды. Ежась в рубашке, Грей убрал голову и наполовину прикрыл окно – славный компромисс между смертью от духоты и смертью от лихорадки.

Честно признаться, последние часы перед рассветом ему не давали уснуть именно картины мести: Фрэзер, брошенный раздетым в ледяной карцер, питающийся отбросами, подвергнутый безжалостной порке. Много ли останется от его гордости и самоуверенности, от наглой надменности, когда его жалкое существование будет всецело зависеть от милости бывшего пленника?

Да уж, этими воображаемыми картинами Грей вдоволь натешился. Но стоило ему внутренне отстраниться, чтобы взглянуть на это объективно, его передернуло от отвращения к себе.

Кем бы ни был Фрэзер когда-то по отношению к Грею, теперь он поверженный противник, военнопленный и находится на попечении короны. Корона, определив ему меру наказания, вверила его Грею, который не только не вправе отягощать кару сверх назначенной, но и несет ответственность за обеспечение узнику подобающих условий существования.

Слуга принес ему горячую воду для бритья. Он побрызгал на щеки, чувствуя, как тепло успокаивает, помогая покончить с мучительными ночными видениями. Это были всего лишь фантазии, игра воображения. И, поняв это, он испытал облегчение.

Встретив Фрэзера в бою, он с превеликим наслаждением лишил бы его жизни, но ему никуда не деться от того факта, что, пока Фрэзер его пленник, честь не позволит ему причинить этому человеку какой-либо вред. К тому времени, когда Грей побрился и слуга одел его, он уже вполне пришел в себя и даже обрел способность взглянуть на сложившуюся ситуацию с оттенком некоего мрачного юмора.

Его дурацкое поведение при Кэрриарике спасло жизнь Фрэзера при Куллодене. Теперь долг уплачен и Фрэзер в его власти, но само положение Фрэзера как узника обеспечивало ему полную безопасность. Ибо, будучи очень разными, при всей их глупости или уме, наивности или опытности, все Грей были людьми чести.

Чувствуя себя немного лучше, он встретился взглядом со своим отражением в зеркале, надел парик и, перед тем как первый раз обратиться к заключенным, отправился позавтракать.

– Сэр, подать вам ужин в гостиную или сюда?

Голова Маккея, как всегда непричесанная, просунулась в дверь кабинета.

Грей, поглощенный разложенными на письменном столе бумагами, не сразу понял вопрос, неопределенно хмыкнул, потом поднял голову, сообразив, чего от него хотят, буркнул: «Сюда, пожалуйста», неопределенно махнул рукой и снова углубился в документы, не подняв головы, даже когда поднос оказался на столе.

Говоря насчет бумажной работы, Кворри не шутил: одно только пропитание узников и гарнизона требовало оформления бесчисленных приказов, запросов, предписаний, обязательств, счетов и прочих документов, составлявшихся непременно в двух экземплярах – второй для Лондона. Но кормежкой дело не ограничивалось. Повседневная жизнь тюрьмы, и узников, и стражников, и вольнонаемного персонала, как оказалось, не текла сама по себе, а требовала от начальника постоянного принятия решений по такому множеству вопросов, что первый день он только и делал, что читал, писал да подписывал всякого рода хозяйственные бумаги, постепенно приходя к мысли, что, если ему не удастся быстро найти толкового писаря, он загнетса от тоски.

«Двести фунтов пшеничной муки для нужд заключенных, – написал он. – Шесть больших бочек эля для нужд казарм».

Его обычно изящный почерк быстро упростился до примитивной скорописи, витиеватая подпись сменилась лаконичным «Дж. Грей». Со вздохом отложив перо, майор закрыл глаза и помассировал переносицу, чтобы снять боль во лбу. Солнце не соблаговолило показать свой лик ни разу со времени его прибытия, и от работы весь день в дымной комнате, при

свете свечи, глаза жгло, словно они стали горящими угольками. Его книги прибыли днем раньше, но он не успел распаковать их: слишком устал к ночи. Сил хватило только на то, чтобы промыть больные глаза в холодной воде и отправиться на боковую.

Какой-то подозрительный шорох заставил его встрепенуться и открыть глаза. Здоровенная бурая крыса сидела на уголке стола, держа в передних лапах кусочек сливового пирога. Она не двигалась, просто задумчиво смотрела на него, шевеля усами.

– Что я вижу, черт побери! – воскликнул Грей в изумлении. – Эй ты, воровка! Это мой ужин!

Крыса задумчиво жевала сливовый пирог, поглядывая на майора яркими глазами-бусинками.

– Убирайся отсюда!

В ярости Грей схватил первый попавшийся под руку предмет и запустил им в крысу. Чернильница, ударившись о каменный пол, разбилась, забрызгав все вокруг. Испуганная крыса спрыгнула со стола, метнулась к двери и стремительно проскочила между ног пораженного Маккея, который прибежал посмотреть, что за шум.

– В тюрьме есть кошка? – спросил Грей, вывалив содержимое подноса со своим ужином в пустое ведро рядом со столом.

– Ну, сэр, коты есть в кладовых, – ответил Маккей, ползая на корточках и вытирая маленькие черные следы, оставленные поспешно ретировавшейся через чернильную лужицу крысой.

– Тогда принеси сюда кота, пожалуйста, Маккей, – велел Грей. – И мигом!

Его передернуло от воспоминания о неприлично голом хвосте, нагло лежащем на его тарелке. Конечно, в поле ему доводилось видеть крыс, и не раз, но чтобы в собственном кабинете у него на глазах уминали его собственный ужин – это уж чересчур.

Грей размашистым шагом подошел к окну и стоял там, вдыхая свежий воздух в надежде прочистить голову, в то время как Маккей продолжал тереть пол. Смеркалось, двор снаружи заполнялся пурпурными тенями, и камни находившегося напротив тюремного крыла казались еще более мрачными, чем обычно.

Из кухонного флигеля проследовала под дождем процессия маленьких тележек, нагруженных едой для заключенных: огромными кастрюлями с дымящейся овсянкой и прикрытыми рогожей корзинами с хлебом. По крайней мере, у бедолаг будет горячая еда после дня работы под дождем в каменном карьере.

Когда он отвернулся от окна, ему пришла в голову мысль.

– А много ли крыс в камерах? – спросил он Маккея.

– Полно, сэр, великое множество, – ответил заключенный, последним взмахом протерев порог. – Я скажу повару, чтобы он приготовил новый поднос, да, сэр?

– Пожалуйста, – сказал Грей. – А потом, мистер Маккей, будьте любезны, проследите, чтобы в каждой камере был кот.

Маккей заколебался, и Грей, собиравший разбросанные бумаги, заметил это.

– Что-то не так, Маккей?

– Нет, сэр, – медленно ответил Маккей. – Воля, конечно, ваша, но мне кажется, ребятам не понравится, если коты выведут всех их крыс.

Грей уставился на него, почувствовав легкую тошноту.

– Неужели заключенные едят крыс? – спросил он, отчетливо видя перед собой острые крысиные зубы, вгрызавшиеся в сливовый пирог.

– Ну, это ежели кому повезет, сэр: крысу не больно-то поймашь, – ответил Маккей. – Может быть, коты в этом и помогут, в конце-то концов. Будут ли еще распоряжения, или на сегодня все, сэр?

Глава 9 Скиталец

Решимости Грея в отношении Джеймса Фрэзера хватило на две недели. Потом из деревни Ардсмур прибыл посланец с новостями, которые изменили все.

– Он еще жив? – резко спросил майор прибывшего с известием жителя поселка, служившего при тюрьме по найму.

– Я сам его видел, сэр, когда его принесли. Сейчас он в «Липе», за ним ухаживают, только, сдается мне, вид у него такой, что ухода недостаточно, сэр, если вы поняли, о чем я. Поселянин многозначительно поднял бровь.

– Я понял, – ответил Грей. – Спасибо, мистер...

– Эллисон, сэр. Руфус Эллисон. К вашим услугам, сэр.

Гонец принял предложенный ему шиллинг, поклонился, держа шляпу под мышкой, и ушел.

Грей сел за стол, уставившись на свинцовое небо, где с самого его прибытия почти ни разу не появлялось солнышко, и раздраженно постучал по столу кончиком пера, забыв, что перо из-за подобного обращения тупится и его приходится чинить заново.

Впрочем, ему было не до пера: упоминание о золоте заставило бы наострить уши любого.

Сегодня утром жители поселка наткнулись на человека, блуждавшего в тумане по окрестным торфяникам. Одежда его промокла, он был не в себе от лихорадки и бредил.

С тех пор как его обнаружили, он бормотал не переставая, но спасители не могли разобрать его бред. По-видимому, он был шотландцем и при этом говорил на бессвязной смеси французского и гэльского, иногда вставляя английские слова. И одним из этих слов было «золото».

Сочетание шотландца, золота и французского языка в этой части страны могло навести любого, кто сражался в последние дни якобитского мятежа, только на одну мысль – мысль о французском золоте. Несчетном богатстве, тайно посланном (по слухам) Людовиком Французским на помощь своему кузену Карлу Стюарту. Но посланном слишком поздно.

Некоторые уверяли, что французское золото было спрятано армией горцев во время последнего стремительного отступления на север перед окончательным разгромом при Куллодене. Другие считали, что золото так и не попало к Карлу Стюарту, а было оставлено для надежности в пещере неподалеку от того места, где его выгрузили с кораблей, на северо-западном побережье.

Одни говорили, что секрет местонахождения золота утерян навеки, поскольку его хранители погибли при Куллодене, другие же твердили, будто место хорошо известно представителям некоего горского семейства, но они верны данному слову и никому не откроют тайну. Какова бы ни была правда, золота так и не нашли. Пока.

Французский и гэльский. По-французски Грей, успевший повоевать за границей, изъяснялся вполне сносно, но варварского языка горцев не знал ни он, ни кто-либо из его офицеров. Разве что сержант Гриссом перенял в детстве несколько слов у няньки-шотландки.

Никому в деревне Грей довериться не мог: вдруг в этой истории и впрямь что-то есть. Французское золото! Конечно, само сокровище, спору нет, должно принадлежать короне, но для него, Грея, оно сулило солидную личную выгоду. Ясно ведь, что для него нахождение этого почти мифического клада станет пропуском из ссылки в Ардсмуре назад в Лондон, в лоно цивилизации. Никакая опала, никакая немилость не устоят перед магическим блеском французского золота.

Грей закусил кончик затупившегося пера, ощутив, как он сломался у него между зубами.

Черт! Нет, нельзя обращаться ни к жителю деревни, ни к одному из его офицеров. Значит, придется обратиться к заключенному. Да, только заключенного можно привлечь к делу, не рискуя, ибо только узник не сможет воспользоваться этими сведениями в собственных целях.

Черт, и опять незадача! Все заключенные говорят по-гэльски, многие знают и английский, но только один говорит еще и по-французски.

«Он образованный человек», – эхом прозвучал в его памяти голос Кворри.

– Черт, черт, черт! – пробормотал Грей.

И ничего нельзя поделать. Эллисон сказал, что бродяга очень плох. Нет времени искать альтернативу. Майор выплюнул кусочек пера и крикнул:

– Бран!

Всполошенный капрал просунул голову в дверь.

– Да, сэр?

– Приведи мне узника по имени Джеймс Фрэзер. Немедленно.

Комендант стоял за своим письменным столом, опершись на него, будто массивное изделие из дуба и впрямь являлось бастионом, на который оно в известном смысле походило. Руки, лежащие на гладком дереве, были потными, а белый тугой воротник мундира врезался в шею.

Когда дверь отворилась и в комнату, звеня кандалами, вошел шотландец, сердце майора забилося быстрее. Были зажжены все свечи, и в кабинете было светло как днем.

Он уже видел Фрэзера несколько раз, когда тот стоял во внутреннем дворе с остальными заключенными, благо рыжая голова и рост выделяли его среди прочих, но никогда не приближался настолько, чтобы разглядеть его лицо.

Фрэзер выглядел иначе. Для Грея это стало одновременно и облегчением, и потрясением, потому что в памяти сохранилось чисто выбритое лицо и взгляд, в котором читалась или суровая угроза, или затаенная насмешка. Сейчас перед ним стоял спокойный, но насто-роженный человек, лицо его обрамляла короткая бородка, и хотя глубокие голубые глаза были теми же самыми, в них не отразилось никакого признака узнавания. Узник спокойно стоял перед столом и ждал.

Грей прокашлялся. Сердцебиение не унялось, но, по крайней мере, он мог говорить спокойно.

– Мистер Фрэзер, – промолвил он, – благодарю вас за то, что пришли.

Шотландец ответил вежливым кивком. Он не стал указывать на то, что в этом вопросе выбора у него не было, но об этом красноречиво говорили его глаза.

– Несомненно, вы задаетесь вопросом, зачем я послал за вами, – продолжил Грей. Собственные слова казались ему невыносимо напыщенными, но тут уж ничего нельзя было поделать. – Возникла ситуация, в которой мне требуется ваша помощь.

– А в чем она заключается, майор?

Голос был все тем же – глубоким, сильным, гортанным, как свойственно горцам.

Грей глубоко вздохнул, внутренне собираясь с силами. Он предпочел бы что угодно, лишь бы не обращаться за помощью к этому человеку, но никакого выбора у него не было. В пределах досягаемости находился лишь один человек, способный оказать ему помощь, – и это был Фрэзер.

– На торфянике, близ побережья, был найден странный бродяга, – осторожно начал майор. – По-видимому, он серьезно болен, и речь его бессвязна и невразумительна. Однако... некоторые произносимые им слова явно имеют отношение к делу, представляющему... зна-

чительный интерес для короны. Мне нужно поговорить с этим человеком, выяснить, кто он такой, и разузнать как можно больше о предмете его речей.

Он помолчал, но Фрэзер никак не отреагировал на эту паузу: просто стоял и ждал.

– К сожалению, – продолжил Грей, снова вздохнув, – этот человек говорит на смеси гэльского и французского, и лишь изредка в его речи проскакивают английские слова.

Одна из кустистых бровей шотландца шевельнулась. Выражение его лица ничуть не изменилось, но было очевидно, что теперь он улавливает смысл происходящего.

– Понятно, майор. – Тихий голос узника был полон иронии. – И вы хотели бы, чтобы я переводил вам то, что будет говорить этот человек.

Не доверяя собственной способности владеть голосом, Грей ограничился утвердительным кивком.

– Боюсь, что я должен отказаться, майор, – произнес Фрэзер исполненным почтения тоном, но искорка в его глазах указывала на что угодно, кроме почтительности.

Рука Грея непроизвольно вцепилась в бронзовую ручку ножа для вскрытия конвертов из его письменного прибора.

– Вы отказываетесь? – уточнил офицер, стискивая нож, чтобы голос звучал ровно. – Могу я поинтересоваться почему, мистер Фрэзер?

– Я заключенный, майор, – учтиво ответил шотландец, – а не переводчик.

– Ваша помощь была бы принята с благодарностью, – сказал Грей, стараясь, чтобы это прозвучало со значением, но не как предложение взятки. – Отказ же подчиниться законным требованиям представителя власти...

– Господин майор, – прервал Фрэзер голосом куда более твердым, чем его собственный, – ни ваше требование, ни тем более ваши угрозы никоим образом не являются законными.

– Я вам не угрожал!

Бронзовая штукавина больно врезалась в ладонь Грея, и ему пришлось ослабить хватку.

– Разве? Ну что ж, если нет, мне приятно это слышать. – Фрэзер повернулся к двери. – В таком случае, майор, я пожелаю вам доброй ночи.

Грей многое бы отдал за то, чтобы дать ему уйти. Увы, долг требовал от него иного.

– Мистер Фрэзер!

Шотландец остановился в нескольких футах от двери, но не обернулся.

Грей глубоко вздохнул, собираясь с духом.

– Если вы согласитесь на мою просьбу, я велю снять с вас оковы, – пообещал он.

Фрэзер, казалось, и глазом не моргнул, но Грей при всей своей молодости и неопытности был наблюдателен и в людях разбирался неплохо. Он заметил, как у шотландца дернулся подбородок и напряглись плечи, и почувствовал, что его собственное беспокойство слегка уменьшилось.

– Итак, мистер Фрэзер?

Медленно, очень медленно шотландец развернулся. Лицо его по-прежнему ничего не выражало, но значение в данном случае имело не это.

– Договорились, майор, – тихо сказал узник.

Когда они добрались до деревушки Ардсмур, было далеко за полночь. Окна попадавших им по дороге домов уже не светились, и Грею оставалось только гадать, о чем думали жители, слыша в столь поздний час за своими ставнями стук копыт и лязг оружия: напоминание о том, как десять лет назад английские войска прошли по горной Шотландии, каленым железом выжигая очаги бунта.

Бродягу отвели в «Липу», гостиницу, во дворе которой некогда и вправду росло такое дерево, единственное на тридцать миль в округе. Теперь от дерева остался только большой пень, само же оно, как и многие другие в этих краях, погибло после Куллодена, срубленное солдатами Камберленда на дрова. Но название осталось. У двери Грей остановился и обратился к Фрэзеру:

– Вы помните условия нашего уговора?

– Помню, – коротко ответил тот и прошел мимо него.

В обмен на снятие оков Грей потребовал три вещи. Во-первых, чтобы Фрэзер не пытался сбежать по дороге в деревню и обратно. Во-вторых, он должен дать полный и правдивый отчет обо всем, что расскажет бродяга. И в-третьих, не рассказывать никому, кроме Грея, о том, что узнает.

Внутри слышался гэльский говор. При появлении Фрэзера содержатель трактира издал удивленный возглас, а заведывавший у него за спиной красный офицерский мундир, изобразил почтительность. Хозяйка стояла на лестнице; масляная плошка с фитилем заставляла тени выплывать вокруг нее.

– Кто это? – удивленно спросил Грей, увидев на лестнице еще одну фигуру – похожего на призрак человека в черном.

Вопрос был обращен к хозяину гостиницы, но ответил за него Фрэзер:

– Это священник. А раз он здесь, значит, этот человек умирает.

Грей глубоко вдохнул, стараясь успокоиться, чтобы быть готовым ко всему.

– Стало быть, нам нельзя терять ни минуты, – решительно заявил он, поставив ногу в сапоге на ступеньку лестницы. – Приступим.

Таинственный скиталец умер перед рассветом. Фрэзер держал его за одну руку, священник – за другую. Когда священник наклонился над постелью, бормоча на гэльском и латыни и свершая над телом какие-то папистские обряды, Фрэзер откинулся на табурете, закрыв глаза да так и не выпустив маленькой, исхудалой руки.

Огромный шотландец всю ночь просидел рядом с умирающим незнакомцем, ободряя и утешая. Грея, стоявшего поодаль, чтобы не пугать больного видом своего мундира, эта заботливость и деликатность удивили, можно сказать, даже тронули.

И вот Фрэзер осторожно положил тонкую усохшую руку усопшего на грудь и начертал в воздухе тот же знак, что и священник, осенив крестом лоб, сердце и оба плеча по очереди. Потом он открыл глаза, поднялся на ноги, причем его голова почти коснулась низких стропил, кивнул Грею и начал спускаться по лестнице перед ним.

– Сюда.

Грей указал на дверь питейного зала, пустовавшего по причине ночного времени. Заспанная подавальщица разожгла для них огонь, принесла хлеба и эля, а потом вышла, оставив одних.

Грей подождал, дав Фрэзеру возможность перекусить, и лишь потом спросил:

– Итак, мистер Фрэзер?

Шотландец поставил оловянную кружку и вытер ладонью рот. Несмотря на долгое ночное бдение, его борода и длинные, заплетенные волосы не выглядели растрепанными, однако темные круги под глазами выдавали усталость.

– Ну что тут скажешь, майор, особого смысла во всем этом я не увидел, – сказал заключенный, сразу взяв быка за рога. – Дословно же этот бедняга говорил следующее.

Фрэзер заговорил осторожно, неспешно, делая паузы, чтобы вспомнить слово или объяснить какую-то гэльскую фразу. Грей сидел, слушая с растущим разочарованием. Фрэзер оказался прав: особого смысла во всем этом не было.

– Белая колдунья? – перебил Грей. – Он говорил о белой колдунье? И тюленях?

Это казалось столь же не относящимся к делу, как все остальное, но привлекло его внимание.

– Ну да, говорил.

– Повторите эти места, – велел Грей. – Как можно точнее. Пожалуйста, – добавил он.

Не без удивления майор вдруг осознал, что в обществе этого человека чувствует себя комфортно. Впрочем, отчасти это объяснялось простой усталостью: ведь после бессонной ночи, проведенной у ложа умирающего, все его обычные реакции и ощущения не могли не притупиться.

Вся эта ночь казалась Грею нереальной, и уж не в последнюю очередь это относилось к ее завершению. Еще недавно он и в кошмарном сне не мог представить себя сидящим за столом сельской таверны и делящим в рассветном сумраке кувшин эля с Рыжим Джейми Фрэзером.

Фрэзер послушно заговорил медленнее, то и дело останавливаясь, чтобы вспомнить. Где-то слово заменилось на более правильное, где-то использовалось немного иное выражение, но в целом этот пересказ был идентичен первому – и те части, которые Грей сам смог понять, были переведены совершенно точно.

Он покачал головой, обескураженный явной неудачей. Чепуха! Сушие бредни, именно бредни, и ничего больше. Если этот человек и видел когда-нибудь золото – а создавалось впечатление, что все-таки хоть разок да видел, – из околесицы, которую он нес, все равно было невозможно понять где и когда.

– Вы совершенно уверены, что пересказали все его слова? – уточнил Грей, цепляясь за эфемерную надежду: вдруг Фрэзер пропустил какую-нибудь маленькую фразу, какое-нибудь утверждение, которое даст ключ к утраченному золоту.

В это время шотландец поднял кружку, рукав его слегка задрался, и в глаза бросилась багровая полоса на запястье, темневший в раннем утреннем сумраке след кандалов. Фрэзер поймал его взгляд, поставил кружку, и от недавней иллюзии товарищества не осталось и следа.

– Я держу свое слово, майор, – произнес он холодно и встал. – Не пора ли в обратный путь?

Некоторое время они ехали молча. Фрэзер погрузился в собственные мысли, а Греем овладели усталость и разочарование. Когда солнце коснулось вершин невысоких холмов к северу, они остановились возле источника, чтобы освежиться.

Грей выпил ледяной воды, потом побрызгал ею в лицо, ощущая, как холод обостряет притупившиеся чувства. Он не смыкал глаз уже более суток и мало того что был вялым, но и плохо соображал.

Фрэзер тоже не спал сутки, но по нему нельзя было заметить, чтобы этот факт его беспокоил. Оказавшись у воды, он опустился на четвереньки и принялся деловито ползать вокруг источника, выдергивая пучки какой-то травы.

– Что вы делаете, Фрэзер? – спросил Грей в некотором недоумении.

– Я собираю водяной кресс, майор.

– Вижу, – раздраженно сказал Грей. – А зачем?

– Для еды, майор, – невозмутимо сказал Фрэзер.

Он снял с пояса линялый матерчатый мешочек и запихнул туда влажную, сочившуюся водой зелень.

– Неужели? Вы что, не наелись? – тупо спросил Грей. – В жизни не слышал, чтобы люди ели водяной кресс.

– Он зеленый, майор.

Усталый и разочарованный майор заподозрил в словах узника скрытую издевку.

– А какого другого цвета, черт возьми, должно быть растение? – проворчал он.

У Фрэзера скривился рот, как будто он спорил о чем-то с самим собой. Он слегка пожал плечами, вытер мокрые руки о штаны и пояснил:

– Я лишь хотел сказать, майор, что если есть всяческую зелень, то это предупреждает цингу и сохраняет зубы. Мои товарищи по заключению едят ту зелень, что получают от меня, а кресс лучше на вкус, чем большая часть трав, которые я могу набрать на торфянике.

Грей изумленно поднял брови.

– Зеленые растения предохраняют от цинги? – выпалил он. – Откуда эти сведения?

– От моей жены, – буркнул Фрэзер.

Он быстро отвернулся и встал, завязывая горловину мешка решительными, быстрыми движениями.

Грей не удержался и спросил:

– Ваша жена, сэр, где она?

В ответ темно-голубые глаза шотландца вспыхнули таким гневом, что едва не прожгли майора насквозь.

«Может быть, вы слишком молоды, чтобы знать силу ненависти и отчаяния», – прозвучал в памяти Грея голос Кворри.

Так оно или нет, но именно безмерную ненависть и отчаяние увидел он в глубинах глаз Фрэзера.

– Ее больше нет, – бросил Фрэзер и снова отвернулся, так резко, что это движение граничило с грубостью.

Грей промолчал. Он не вполне осознавал, что за чувства испытал в связи с этим неожиданным известием. Здесь было место и облегчению – ведь соучастница его унижения оказалась мертва, – но и сожалению тоже.

На обратном пути в Ардсмур ни тот ни другой не проронили ни слова.

Три дня спустя Джейми Фрэзер сбежал. Вообще-то побег из Ардсмур не представлял собой особой сложности для любого из заключенных, но никто не предпринимал подобных попыток по той простой причине, что беглецам некуда было бы податься. В трех милях от тюрьмы бились о гранитные утесы морские волны, а с остальных трех сторон бесконечно тянулись унылые торфяные болота.

Бежать стоило бы, имей узник надежду обрести пристанище и защиту членов своего клана, но теперь кланы были разгромлены, многие родичи осужденных мертвы, да и содержались мятежники как можно дальше от мест поселения их кланов. Голодная смерть среди унылых топей представляла собой не самую привлекательную перспективу даже по сравнению с тюремной камерой, и побег, по мнению большинства, явно того не стоил. Но у Джейми Фрэзера, видимо, были свои, особые соображения.

Драгунские кони придерживались дороги, а расстилавшееся вокруг торфяное болото походило на бархатистое покрывало. Ворсом служил густой вереск, однако под ним скрывался коварный, податливый слой влажного торфяного мха в фут или более того глубиной. В этой топкой местности даже рыжие олени не рисковали бродить где попало: с дороги Грей видел четырех животных. До каждого из них было не меньше мили, и за каждым тянулась проложенная через вереск тропка, казавшаяся на расстоянии тонюсенькой, словно нитка.

Фрэзер, конечно, удирал пешком. А это значило, что сбежавший узник мог оказаться где угодно, перемещаясь по торфянику оленьими тропами.

Служебный долг предписывал Грею организовать погоню и попытаться вернуть узника в тюрьму, но в данном случае он не из одного лишь служебного рвения поднял почти весь гарнизон и рыскал по пустошам почти без сна и отдыха. Обязанности, конечно, исполнять следовало, но французское золото, сулившее избавление от опалы и проклятой шот-

ландской ссылки, было куда более сильным стимулом. Ну и конечно, им двигала ярость, ощущение того, что его предали.

Грей и сам не знал, на кого злиться больше: на Фрэзера за то, что тот нарушил свое слово, или на себя за то, что ему хватило дурости поверить, будто горец – пусть и джентльмен – обладает чувством чести, равным его собственному. Но он разозлился и твердо вознамерился обыскать каждую оленью тропу на этом поганом торфянике, чтобы загнать Джеймса Фрэзера, как загоняют оленей.

На следующую ночь, после утомительного дневного перехода через болото, они вышли к продуваемому ветрами скалистому, обрамленному россыпью голых островков морскому побережью.

Спешившись и держа коня в поводу, Джон Грей стоял на утесе, обозревая волнуемое черное море. Слава богу, ночь была ясная и полумесяц омывал холодным светом влажные серые камни, так что на фоне бархатных черных теней они казались слитками серебра.

Бесспорно, это было самое глухое место из всех, куда когда-либо заносило майора, хотя оно и обладало своеобразной дикой красотой, от которой кровь стыла в жилах. И никаких признаков Джеймса Фрэзера, да и вообще присутствия человека.

– Придержи свою пушку, дурень, – бросил один из солдат, схватив товарища за руку и скорчив презрительную мину. – Тоже мне, нашел каторжника. Ты что, никогда тюленей не видел?

– Ну... нет. – Немного смутившись, солдат опустил пистолет и присмотрелся к темным очертаниям на прибрежных камнях.

Грей тоже никогда не видел тюленей и сейчас наблюдал за ними с восхищением. Издалека они были похожи на черных слизней, лунный свет влажно поблескивал на их шкурах, когда они беспокойно поднимали головы, неуклюже, вперевалочку передвигаясь по суше.

В детстве мать разрешала ему погладить ее плащ из шкуры морского котика, родича этих тюленей, и его поразило, каким мягким, гладким и теплым на ощупь оказался этот мех. Просто поразительно, что такой мех дают мокрые и скользкие с виду морские твари.

– Шотландцы называют их «силки», – сообщил солдат, не давший застрелить зверя по ошибке, и кивнул в сторону лежбища с каким-то горделивым, собственническим чувством.

– Вот как? – заинтересовался Грей. – А что еще ты о них знаешь, Сайкс?

Солдат пожал плечами, радуясь тому, что вдруг оказался в центре внимания.

– Не очень много, сэр. Здешний люд тешит себя сказками: толкуют, будто некоторые самочки сбрасывают с себя шкуры и оборачиваются дивными красавицами. Ежели мужчине повезет найти такую шкуру и он спрячет ее, в море красоте уже не воротиться – вот и приходится ей выходить за него замуж. Из них выходят хорошие жены – так здесь говорят.

– По крайней мере, они всегда мокрые, – заметил первый солдат, и драгуны взорвались хохотом, который отдался эхом среди утесов, всполошив морских птиц.

– Хватит! – Грею пришлось повысить голос, чтобы его расслышали сквозь смех и фривольные шуточки. – Рассредоточиться! – приказал майор. – Нужно будет обшарить утесы в обоих направлениях, но первым делом посмотреть, нет ли лодок внизу. Бог свидетель, за этими островками достаточно места, чтобы спрятать шлюпку.

Пристыженные солдаты разошлись без возражений, целый час шарили по скалам да отмелям, промокли, устали, но ни намек на Джейми Фрэзера или пресловутое золото не обнаружили.

На рассвете, когда лучи солнца окрасили скользкие камни золотом и багрянцем, небольшие отряды драгун были посланы к дальним утесам. Они карабкались по склонам, скользили на каменных осыпях, забирались в теснины, но так ничего и не обнаружили.

Грей стоял у костра на вершине утеса, наблюдая за поисками.

От пронизывающего ветра его защищали теплая шинель и горячий кофе, который периодически подносил слуга.

Незнакомец, скончавшийся в «Липе», явился со стороны моря, его одежда промокла от морской воды. Трудно сказать, утаил Фрэзер что-то из откровений умирающего или просто решил воспользоваться случаем и предпринять собственные поиски, но по всему выходило, что он должен был направиться к побережью. Но ведь вот оно, побережье, а ни Фрэзером, ни тем более золотом здесь и не пахнет.

– Ежели его понесло вдоль того участка, майор, то, сдастся мне, вы видели его в последний раз.

Сержант Гриссом, стоя рядом с Греем и глядя, как бурлят и пенятся вокруг зубчатых камней волны, кивком указал на опасное место.

– «Чертов котел» – вот как прозвали здесь это место: вода и точно тут все время бурлит, словно в котелке. Здесь часто терпят крушение рыбацьи лодки, а тела погибших находят редко. Виной тому, конечно, течения да водовороты, но местный люд уверен, что сам дьявол утаскивает бедолаг на дно.

– Правда? – рассеянно отозвался Грей, присматриваясь к пенистым волнам, с грохотом взметавшимся и опадавшим в сорока футах от их ног. – Признаюсь, сержант, я и сам готов в это поверить.

Он повернулся к походному костру.

– Сержант, мой последний приказ – искать до наступления ночи. Если поиски ничего не дадут, поутру двинемся в обратный путь.

Грей шурился в тусклых рассветных сумерках, глаза его слезились от торфяного дыма, а кости после нескольких ночей, проведенных на болоте, ныли от сырости.

Обратная дорога в Ардсмур займет не более дня. Мысль о мягкой постели и горячем ужине радовала, но, с другой стороны, ему придется писать официальную депешу в Лондон, доложить о побеге Фрэзера, указать причину побега и признать собственную постыдную неудачу в поимке беглеца.

Все эти мысли сами по себе были малоприятны, а тут их еще усугубляли столь же неприятные ощущения в животе. Подняв руку, майор остановил отряд, распорядился о привале и устало соскользнул с коня.

– Подождите здесь, – сказал он своим солдатам.

В нескольких сотнях футов виднелся небольшой холмик, за которым можно было укрыться и облегчиться. Его желудок, непривычный к особенностям шотландской кухни, тем более в полевом варианте, настоятельно требовал опорожнения.

В вереске щебетали птицы. Отойдя подальше от шума, издаваемого лошадьми и солдатами, он слышал все едва уловимые звуки пробуждавшегося торфяного болота. Ветер на рассвете переменился, и теперь, шелестя в траве, нес в глубину суши запах моря. По другую сторону куста шуршали какие-то мелкие зверушки. Все дышало покоем.

Покончив с делом, Грей начал выпрямляться (то, в сколь малопочтенной позе он находился, дошло до него слишком поздно), поднял голову и обнаружил, что смотрит прямо в лицо Джеймса Фрэзера.

Их разделяло не более шести футов. Шотландец стоял неподвижно, словно один из рыжих оленей, обдуваемый болотным ветром. Восходящее солнце запуталось в его волосах.

Они застыли, уставившись друг на друга. Ветер приносил слабый запах моря, и в какой-то миг не было слышно ни единого звука, кроме шума этого ветра и пения жаворонков. Наконец Грей выпрямился окончательно.

– Боюсь, что вы застали меня врасплох, мистер Фрэзер, – холодно сказал он, застегивая брюки со всем самообладанием, на какое был способен.

Глаза шотландца были единственным, что не оставалось неподвижным: они медленно обозрели Грея с головы до пят, потом взгляд медленно вернулся вверх. Майор оглянулся через плечо, туда, где застыли, наведя мушкеты, шестеро его солдат, а потом встретился взглядом с темно-голубыми глазами Фрэзера.

Несколько мгновений противники смотрели друг другу в глаза, потом у Фрэзера дернулся уголок рта.

– Думаю, майор, это взаимно, – произнес он. – Вы тоже застали меня врасплох.

Глава 10

Проклятие белой колдуньи

Джейми Фрэзер сидел, дрожа, на каменном полу пустой кладовой, обхватив колени в надежде согреться, которой, скорее всего, не суждено было сбыться. Холод моря проник до самых его костей, и Джейми до сих пор казалось, будто пенистые волны вскипают в его желудке.

Ему было бы полегче, окажись рядом другие узники – Моррисон, Хейс, Синклер, Сазерленд. Не только ради компании, но ради тепла их тел. Холодными ночами заключенные жались друг к другу, стараясь сберечь как можно больше драгоценного тепла и согреваясь дыханием товарищей.

Но он был один. Судя по всему, его не вернут в большую камеру к другим узникам – во всяком случае, пока он не понесет наказание за побег.

Незадачливый беглец с тяжким вздохом откинулся назад и поморщился от мерзкого ощущения, будто его хребет скребется о камень, ибо он исхудал так, что плоти на костях почти не осталось.

С одной стороны, он страшился возможного телесного наказания, но с другой – предпочел бы его перспективе снова оказаться в оковах. Ведь порка, при всей ее унизительности, скоротечна, а кандалы – это долгая, мучительная пытка. При одном воспоминании об ударах кузнечного молота, заклепывающего браслеты на запястьях, становилось не по себе.

Его пальцы нащупали на шее четки, которые дала ему сестра, когда он уходил из Лаллиброха; англичане разрешили оставить их, поскольку нитка с бусинками из букового дерева не имела никакой ценности.

– Славься, Дева Мария всемилостивейшая, – пробормотал он, – благословенная между женами.

На самом деле, конечно, надеяться ему было не на что. Майор, этот желтоволосый паршивец, – черт бы забрал его душонку! – прекрасно знал, как ужасны эти оковы.

– Благословен плод чрева Твоего, Иисус. Святая Мария, Матерь Божья, молись за нас, грешников...

Этот мальчишка-майор заключил с ним договор, и он сдержал слово. Правда, англичанин так не считал.

Но он выполнил обещание, сделал все, как они договаривались. Все услышанное от того несчастного скитальца было пересказано майору слово в слово. Конечно, о том, что человек этот был ему знаком, или о выводах, сделанных им из услышанного, Джейми умалчал – но ведь на сей счет уговора не было.

Дункана Керра он узнал сразу, хотя время и смертельный недуг сильно его изменили. До Куллодена он служил Колуму Маккензи, дяде Джейми, а потом сбежал во Францию, где перебивался случайными заработками.

– Родич, лежи спокойно, – тихо произнес Джейми по-гэльски, опустившись на колени у постели больного.

Лицо Дункана, человека немолодого, было измождено усталостью и недугом, а глаза горели от лихорадки.

Поначалу Джейми решил, будто Дункан вовсе не воспринимает действительность и не узнает его, но исхудалая рука больного сжала его пальцы с удивительной силой, а хриплый голос выдохнул на гэльском:

– Мой родич.

Хозяин гостиницы тоже наблюдал за разговором, но со своего места рядом с дверью, всматриваясь поверх плеча майора Грея. Джейми наклонил голову и шепнул Дункану на ухо:

– Все, что ты скажешь, будет пересказано англичанину. Говори осторожно.

Глаза трактирщика сузились, но Джейми был уверен, что расслышать с такого расстояния он ничего не мог. Потом майор обернулся и велел хозяину таверны выйти, избавив Джейми от лишних ушей.

Трудно сказать, что было тому причиной: предостережение или лихорадка, но только речь Дункана блуждала вместе с его мыслями. Образы прошлого накладывались на картины настоящего. Время от времени он называл Фрэзера Дугал, именем брата Колума, другого дяди Джейми. Иногда он переходил на стихи, порой просто бредил. Но как раз в бреду, в произносимых бессвязно и неосознанно словах, кажется, содержалась крупница смысла. И даже более чем крупница.

– Оно проклято. Это золото проклято. Хочешь, я остерегу тебя, малый? Его дала белая колдунья, дала для сына короля. Но дело было проиграно, и сын короля бежал, а она не допустит, чтобы золото досталось трусу.

– А кто эта «она»? – спросил Джейми, и его сердце вдруг бешено заколотилось. – Кто эта белая колдунья?

– Она ищет храбреца, отважного человека. Одного из Маккензи – оно для него, для Маккензи. «Оно достанется им, – говорит она, – ради того, кто мертв».

– Кто эта колдунья? – снова спросил Джейми.

Слово, которое использовал Дункан, – «бандруид» – можно было перевести как «колдунья», «ведьма», «знахарка» или «белая дама». Так когда-то, в прежние времена, называли его жену Клэр – его собственную белую даму. Он стиснул руку Дункана, желая добиться ясности.

– Кто? – настойчиво твердил Джейми. – Кто эта колдунья?

– Колдунья, – прошептал Дункан, закрыв глаза. – Колдунья. Она пожирательница душ. Она смерть. Он мертв. Маккензи, он мертв.

– Кто мертв? Колум Маккензи?

– Все они. Все мертвы. Все мертвы! – воскликнул больной, сильно сжав его руку. – Колум, Дугал и Элен тоже.

Неожиданно он открыл глаза и остановил их на Джейми. Жар расширил его зрачки, так что взгляд казался затягивающим черным омутом.

– Люди рассказывают, – произнес он удивительно четко, – как Элен Маккензи оставила своих братьев и свой дом и отправилась к морю, чтобы обвенчаться с силки. Она слышала их, смекаешь?

Дункан сонно улыбнулся, в темном взгляде проплыло отдаленное видение.

– Она услышала зов тюленей, там, на камнях, одного, двух, трех, и она спустилась, подошла к морю и ушла под воду, чтобы жить с тюленями. А? Разве не так?

– Так говорят люди, – ответил Джейми.

Во рту неожиданно пересохло. Элен звали его мать, и именно так говорили о ней люди, когда она покинула свой дом и сбежала с Брайаном Дью Фрэзером, человеком с волосами черными и блестящими, как шкура тюленя. Человеком, в честь которого его назвали Макдью, сыном Черного Брайана.

Майор Грей стоял рядом, по другую сторону кровати, сдвинув брови, наблюдая за лицом Дункана. Англичанин не знал гэльского, но Джейми был готов поручиться, что слово «золото» майор поймет на любом наречии. Он поймал взгляд майора и, кивнув, снова наклонился, чтобы говорить с больным.

– Золото, приятель, – сказал он по-французски, достаточно громко, чтобы услышал Грей. – Где золото?

При этом Джейми стиснул руку Дункана как можно сильнее, надеясь, что вложил в это пожатие предупреждение.

Дункан закрыл глаза и беспокойно перекатывал голову по подушке. Он произнес что-то, но слишком тихо – нельзя было разобрать ни слова.

– Что он сказал? – резко спросил майор. – Что?

– Я не знаю. – Джейми погладил руку Дункана, пытаясь вернуть его к реальности. – Поговори со мной, приятель, расскажи мне все снова.

Ответа не было, только бормотание. Глаза Дункана закатились, и теперь под морщинистыми веками виднелись только поблескивавшие белки. Майор нетерпеливо подался вперед и потряс умирающего за плечо.

– Проснись! – рявкнул он. – Поговори с нами!

Глаза Дункана Керра мгновенно распахнулись. Он уставился вверх, но не на склонившиеся над ним лица, а мимо, словно видя что-то далеко за ними.

– Она скажет тебе, – произнес он по-гэльски. – Она придет за тобой.

На какую-то долю секунды его внимание вернулось в гостиничную комнату, где он лежал, и взгляд снова сосредоточился на находившихся там людях.

– За вами обоими, – отчетливо произнес он.

Потом закрыл глаза и больше не говорил, но за руку Джейми держался крепко. Спустя некоторое время его хватка ослабла, рука соскользнула, и все было кончено. Хранитель тайны сокровищ ушел из жизни.

Итак, Джейми Фрэзер не нарушил слова, данного англичанину, и своего обязательства перед соотечественниками. Он рассказал майору то, о чем поведал Дункан, в чем, разумеется, для англичанина не было никакого проку. А когда представилась возможность побега, он не упустил ее – отправился на вересковую пустошь, устремился к морю и распорядился наследием Дункана Керра как мог. Теперь же ему предстояло заплатить за свои действия – чем бы это ни обернулось.

Послышались шаги, кто-то шел по коридору. Джейми крепче обхватил колени, стараясь унять дрожь. В любом случае сейчас все решится.

– ...молись за грешников сейчас и в час нашей смерти, аминь.

Дверь распахнулась, впустив полосу света, отчего он зажмурился. В коридоре было темно, но стражник, стоявший над ним, держал фонарь.

– Вставай.

Солдат нагнулся и поднял Джейми резким рывком, отчего затекшие суставы отдались болью. Его толкнули к двери, он споткнулся.

– Тебя требуют наверх.

– Наверх? Куда?

Он действительно ничего не понимал, ведь кузница никак не могла находиться где-то наверху. Что же до порки, то кто бы стал устраивать показательную расправу ночью?

Стражник, чья физиономия в свете фонаря казалась багровой, ехидно ухмыльнулся.

– В покои майора, вот куда. И да смилуется Господь над твоей душой, Макдью.

– Нет, сэръ, я не скажу, где был.

Он повторил это решительно, стараясь не клацать зубами. Его привели не в кабинет, а в личную гостиную Грея. В камине горел огонь, но майор стоял перед ним, загораживая большую часть тепла.

– И не скажете, почему вы решили сбежать?

Голос Грея был холоден и официален.

Лицо Джейми напряглось. Он стоял рядом с книжной полкой, откуда канделябр на три свечи струил свет прямо ему в лицо. А вот сам Грей при таком расположении источника света представлял черным силуэтом.

– Это мое личное дело, – ответил Джейми.

– Личное дело? – недоверчиво переспросил Грей. – Вы сказали, что это ваше личное дело?

– Именно.

Комендант резко вдохнул через нос.

– Это, пожалуй, самое возмутительное, что я слышал в своей жизни!

– Прошу прощения, майор, но, если так, вы еще мало в ней видели и слышали, – сказал Фрэзер, поскольку не собирался тянуть время и пытаться умилостивить этого человека.

Лучше спровоцировать его на быстрое решение и поскорее пережить то, чего все равно не избежать.

Провокация, спору нет, удалась: Грей сжал кулаки и сделал шаг вперед.

– Вы представляете себе, чего это может вам стоить? – спросил он очень тихо, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

– Да, конечно, майор.

Он прекрасно представлял себе все возможности, и, хотя не стремился к тому, чтобы они реализовались, от него мало что зависело.

Грей несколько раз глубоко вздохнул, дернул головой и неожиданно приказал:

– Подойдите сюда, мистер Фрэзер!

Джейми воззрился на него с недоумением.

– Сюда! – повторил майор тоном, не терпящим возражений, указав на место прямо перед собой на коврике перед очагом. – Станьте здесь, сэр!

– Я не собака, майор! – отрезал Джейми. – Можете делать со мной что угодно, но подзывать меня «к ноге» не смейте.

Захваченный врасплох, Грей издал непроизвольный смешок.

– Прошу прощения, мистер Фрэзер, – сухо сказал он. – Я не хотел вас обидеть. Я просто хочу, чтобы вы сообразовали подойти поближе.

Он отступил в сторону и отвесил витиеватый поклон, жестом указав на камин.

Джейми заколебался, но потом осторожно ступил на узорчатый коврик. Грей подошел к нему, раздувая ноздри. На таком близком расстоянии хрупкое телосложение и светлая кожа лица делали его похожим на девушку. Майор положил руку на рукав узника, и длинные ресницы взметнулись от потрясения.

– Да вы весь мокрый!

– Разумеется, – иронически подтвердил Джейми.

Он промерз до мозга костей, и теперь его трясло, даже несмотря на близость к огню.

– Почему?

– Почему? – удивился Джейми. – Ну, может быть, потому, что вы приказали стражникам облить меня водой, прежде чем бросить в ледяной карцер.

– Я? Ничего подобного я не приказывал! – Судя по тому, что майор побледнел от гнева и сердито поджал губы, он говорил правду. – Это было самоуправство, но я приношу свои извинения, мистер Фрэзер.

– Принято, майор.

Тонкие струйки пара начали подниматься от его одежды, тепло проникало сквозь влажную ткань. Все мышцы ныли, и больше всего ему хотелось улечься на каминный коврик. И плевать, что как собака.

– Имел ли ваш побег отношение к тому, что вы узнали в таверне «Липа»?

Фрэзер не ответил. Кончики ниспадающих на лицо волос начинали подсыхать.

– Вы можете поклясться, что ваш побег не имел никакого отношения к тому вопросу?

Джейми молчал. Не было никакого смысла что-либо говорить. Невысокий майор ходил взад-вперед между ним и камином, сцепив руки за спиной. Останавливался, вскидывал на него взгляд и снова продолжал ходить.

Наконец он остановился перед Джейми и официальным тоном произнес:

– Мистер Фрэзер, я еще раз спрашиваю вас: почему вы сбежали из тюрьмы?

Джейми вздохнул. Неплохо бы постоять у огня подольше, да, видать, не судьба.

– Я не могу сказать вам, майор.

– Не можете или не хотите? – резко уточнил Грей.

– Велика ли разница, майор, если ответа вы все равно не получите?

Он закрыл глаза и стал ждать, стараясь, прежде чем его уведут отсюда, успеть вобрать в себя как можно больше тепла.

Грей поймал себя на том, что растерялся и не знает ни что сказать, ни как поступить.

«Упрямый – это еще мягко сказано», – говорил Кворри.

И ведь правду говорил.

Грей глубоко вздохнул, думая, что предпринять. Вдобавок ему было стыдно, так как неоправданная жестокость стражников напомнила ему о его собственных мстительных мыслях, нахлынувших, когда он узнал, что Джеймс Фрэзер находится в его власти.

В настоящий момент он волен был подвергнуть незадачливого беглеца любой предусмотренной регламентом каре: заковать в цепи, подвергнуть телесному наказанию, надолго засадить в одиночный карцер, урезать паек. Только вот сомнительно, что использование любого из этих средств увеличит его шансы добраться до французского золота.

Золото действительно существует. По крайней мере, такая возможность не исключена. Только вера в это золото могла подтолкнуть Фрэзера на то, что он сделал.

Грей посмотрел на шотландца. Глаза Фрэзера были закрыты, губы решительно сжаты. У него был широкий, крепкий рот, суровое выражение которого немного смягчалось чувственными губами, обрамленными рыжей бородой.

Грей медлил, пытаясь придумать какой-нибудь способ сломить упорство узника. О применении силы речи не шло: это было бы совершенно бесполезно. К тому же Грей испытывал стыд из-за позорного самоуправства своих стражников, и чувство вины не позволило бы ему пойти на жесткие меры.

Часы на каминной доске пробили десять. Поздно. В крепости стояла тишина, изредка нарушаемая звуком шагов часового во внутреннем дворе за окном.

Очевидно, ни силой, ни угрозами выяснить правду невозможно. Как это ни прискорбно, но, чтобы подобраться к золоту, существует только один путь. Нужно отбросить все личное и воспользоваться советом Кворри: продолжить общение, свести знакомство поближе, и тогда, возможно, удастся получить какой-то ключ к разгадке тайны сокровищ.

«Если они вообще существуют», – напомнил он себе, обернулся к узнику и, глубоко вздохнув, произнес официальным тоном:

– Мистер Фрэзер, не окажете ли вы мне честь отужинать завтра в моих покоях?

Майор ощутил минутное удовлетворение оттого, что ему удалось удивить этого шотландского ублюдка: голубые глаза широко раскрылись.

В следующий миг лицо Фрэзера приняло прежнее невозмутимое выражение. После секундного замешательства он овладел собой и, отвесив церемонный поклон, словно был облачен в килт и тартан, а не в мокрые тюремные лохмотья, ответил:

– Благодарю вас за любезное приглашение, майор, и принимаю его с превеликим удовольствием.

7 марта 1755 года

Стражник привел Фрэзера и оставил в гостиной, где был накрыт стол. Когда спустя несколько мгновений Грей вышел из спальни, он увидел, что его гость стоит у книжной полки, увлеченно изучая экземпляр «Новой Элоизы».

– Вы интересуетесь французскими романами? – выпалил он, слишком поздно сообразив, сколько недоверия прозвучало в его вопросе.

Фрэзер поднял глаза, захлопнул книгу и с подчеркнутой аккуратностью вернул ее на место.

– Я умею читать, майор.

Он побрился, и теперь борода не скрывала легкого румянца, выступившего на его высоких скулах.

– Я... да, конечно, я не имел в виду... я просто...

Щеки Грея покраснели даже сильнее, чем у Фрэзера.

Он ведь знал, что имеет дело с образованным человеком, и допустил эту неловкость лишь потому, что в его подсознании горский акцент и лохмотья никак не сочетались с французской литературой.

Но если платью шотландца никуда не годилось, этого никак нельзя было сказать о его манерах. Игнорируя суетливые извинения Грея, Джейми повернулся к книжной полке.

– Я рассказывал эту историю товарищам по камере, но сам читал ее довольно давно и решил освежить в памяти концовку, прежде всего последовательность событий.

– Понятно.

К счастью, Грей вовремя спохватился и не спросил: «А они что-нибудь поняли?» Однако Фрэзер, очевидно, угадал этот невысказанный вопрос по его лицу, потому что сухо сказал:

– Всех шотландских детей учат грамоте, майор. Однако у нас в горной Шотландии распространена и традиция устных рассказов.

– А-а. Понятно.

Появление слуги с подносом избавило коменданта от дальнейшей неловкости, и ужин прошел относительно спокойно, хотя беседовали они мало и это малое ограничивалось делами тюрьмы.

* * *

В следующий раз Грей распорядился поставить перед огнем шахматный столик и пригласил Фрэзера сыграть с ним партию перед ужином. В голубых глазах шотландца промелькнуло удивление, но он кивнул в знак согласия.

Позже Грей подумал, что эта идея была чрезвычайно удачной. Освобожденные от необходимости разговаривать и проявлять учтивость, они мало-помалу привыкали друг к другу, молча сидя за инкрустированной доской из слоновой кости и черного дерева, оценивая один другого по передвижениям шахматных фигур.

А когда после этого сели за ужин, то уже чувствовали себя не столь чужими и их разговор, пусть по-прежнему осторожный и официальный, все-таки приобрел характер настоящей беседы, а не неловкой имитации оной, как вначале. Они обсудили дела тюрьмы, немного поговорили о книгах и распрощались, соблюдая формальности, но явно довольные проведенным временем. О золоте Грей не заикнулся.

Так установилась традиция еженедельных ужинов. Грей старался создать непринужденную обстановку, надеясь, что Фрэзер ненароком сболтнет что-нибудь, способное дать ключ к тайне французского золота. Пока, правда, результатов не было: любое проявление интереса к тому, что происходило во время трехдневной отлучки Фрэзера из тюрьмы, наталкивалось на молчание, и Грей, не желая давить на узника, тут же менял тему.

За бараниной и отварным картофелем он изо всех сил старался навести своего необычного гостя на разговор о Франции и ее политике, пытаясь обнаружить возможные связи между Фрээрером и вероятным источником золота французского двора.

К своему немалому удивлению, он узнал, что до мятежа Стюарта Фрээрер провел во Франции два года по делам, связанным с винной торговлей.

Впрочем, порой во взгляде Фрээрера можно было угадать намек на понимание того, к чему клонит хозяин, однако вел себя гость безупречно, учтиво поддерживал беседу и лишь старательно переводил разговор с вопросов личного характера к общим темам, касавшимся литературы, искусства и общественной жизни.

Грей некоторое время пробыл в Париже и сейчас поймал себя на мысли, что этот разговор интересен ему сам по себе, а не только ради попыток прозондировать французские связи Фрээрера.

– Скажите мне, мистер Фрээрер, когда вы были в Париже, у вас была возможность познакомиться с драматическими произведениями месье Вольтера?

Узник улыбнулся.

– О да, майор. Более того, я имел честь принимать господина Аруэ (Вольтер – это его *nom de plume*, псевдоним) у себя за столом, и не раз.

– Вот как? – Грей поднял брови. – Ну и каковы ваши впечатления? Действительно ли этот человек кажется таким же великим при личной встрече, как и при чтении того, что вышло из-под его блистательного пера?

– По правде говоря, я не могу утверждать это, – ответил Фрээрер, аккуратно насадив на вилку ломтик баранины. – Он вообще говорил мало и не блистал остроумием. Обычно сидел сгорбившись в кресле, наблюдая за всеми, переводя взгляд с одного на другого. Меня ничуть не удивило бы, случись так, что тема, обсуждавшаяся у меня за обедом, позднее оказалась бы обыгранной на сцене, хотя, к счастью, ни в одном из его произведений пародий на меня мне не встретилось.

Он закрыл глаза, задумчиво жуя баранину.

– Это мясо вам по вкусу, мистер Фрээрер? – любезно осведомился Грей.

Мясо было хрящеватым, жестким и самому майору показалось малосъедобным. Впрочем, случись ему питаться овсянкой, кореньями да порой лакомиться крысятиной, он, возможно, оценил бы это блюдо иначе.

– Да, майор, вполне.

Фрээрер добавил капельку винного соуса и поднес ко рту последний кусочек. Он не возражил, когда Грей дал знак Маккею снова поставить на стол поднос с бараниной.

– Боюсь, что господин Аруэ не оценил бы должным образом это превосходное блюдо, – сказал Фрээрер, покачав головой, и положил себе еще баранины.

– По правде сказать, я склонен был думать, что человек, столь популярный и влиятельный во французском обществе, обладает весьма изысканным вкусом, – сухо заметил Грей.

Половина его порции осталась на тарелке, ей суждено было отправиться на ужин коту Августу.

Фрээрер рассмеялся.

– Едва ли, майор, – заверил он. – Я никогда не видел, чтобы господин Аруэ даже на самом пышном пиру употреблял что-либо, кроме чистой воды и сухого печенья. Он не чревоугодник и к тому же страдает несварением желудка.

– Вот оно что? – с интересом откликнулся Грей. – В таком случае можно предположить, что желчность и цинизм иных суждений, наличествующих в его пьесах, отчасти объясняются этим прискорбным фактом. Или вы полагаете, что характер автора не проявляется в построении его сочинений?

– Учитывая особенности некоторых персонажей, появляющихся в пьесах и романах, майор, я склоняюсь к мысли о том, что автор, который черпает образы исключительно из себя, слегка искажает действительность, разве нет?

– Пожалуй, да, – ответил Грей, улыбнувшись при мысли о некоторых из прототипов весьма гротескных персонажей, с которыми он был знаком. – Если автор создает эти красочные персонажи из жизни, а не из глубин воображения, он, безусловно, может похвастаться весьма разнообразным кругом знакомств!

Фрэзер кивнул, стряхнув крошки с колен полотняной салфеткой.

– О том, что сочинение романов – каннибальское искусство, при котором автор часто смешивает маленькие порции друзей и врагов вместе, приправляет их соусом своей фантазии и дает всему этому вывариться в пикантное блюдо, мне говорил отнюдь не господин Аруэ, а его, если можно так выразиться, сестра по перу – пишущая дама.

Грей рассмеялся и подал Маккею знак унести тарелки и принести графины с портвейном и хересом.

– И впрямь превосходно сказано, чрезвычайно остроумно и метко! Кстати, о каннибалах: вам знакомо сочинение мистера Дефо «Робинзон Крузо»? Это моя любимая книга с детства.

Разговор перешел на рыцарские романы и тропическую экзотику. Он затянулся, и Фрэзер вернулся в свою камеру очень поздно, оставив майора Грея довольным хорошо проведенным вечером, но ничуть не продвинувшимся в деле раскрытия тайны, унесенной в могилу странным бродягой.

2 апреля 1755 года

Джон Грей вскрыл пакет с перьями, которые мать прислала ему из Лондона. То были лебединые перья, более изящные и более крепкие, чем обычные гусиные. При виде их он улыбнулся, усмотрев в этом намек на то, что не балует родню письмами.

Но и на сей раз матушке придется подождать до утра. Он достал маленький перочинный ножик с монограммой, который всегда носил с собой, неторопливо заточил перо на свой вкус, складывая в уме то, что хотел доверить бумаге. К тому времени, когда он обмакнул перо в чернила, все нужные слова и фразы уже были подобраны, так что писал Грей быстро, почти не останавливаясь.

2 апреля 1755 года

Хэролду, лорду Мелтону, графу Морэй

Мой дорогой Хэл, пишу, чтобы сообщить тебе о недавнем происшествии, которое привлекло мое внимание. Вполне возможно, что оно так и закончится ничем, однако, если во всем этом обнаружится реальная подоплека, может оказаться делом чрезвычайной важности.

Далее Грей подробно описал внешность бродяги и содержание его странного бреда и замешкался, лишь когда дошел черед до побега и повторного пленения Фрэзера.

Тот факт, что Фрэзер исчез из тюрьмы сразу вслед за этими событиями, наводит меня на ту мысль, что за словами бродяги таилось нечто реальное.

Впрочем, если дело обстоит так, мне трудно объяснить последующие действия Фрэзера. Его схватили через три дня после побега, не более чем в миле от побережья. Тюрьма находится в безлюдном месте, окрестности, не считая деревни Ардсмур, на многие мили совершенно пустыньны, а вероятность того, что он побывал в деревне и имел там тайную встречу с

неким доверенным лицом, которому мог бы передать сведения о сокровище, столь мала, что ею можно пренебречь. У нас там имеются осведомители – остаться незамеченным практически невозможно, не говоря уж о том, что после побега мы перетряхнули всю эту дыру, но никаких следов ни самого Фрэзера, ни золота обнаружить не удалось. Да и с кем он мог связаться в этой глуши, если я точно знаю, что до побега у него не было возможности общаться с кем бы то ни было за пределами тюрьмы? А уж после побега тем более, ибо он находится под самым пристальным наблюдением.

Грей остановился, снова увидев обдуваемую ветрами фигуру Джеймса Фрэзера, выглядящую на болотной пустоши столь же естественно, как очертания рыжих оленей.

У него не было ни малейшего сомнения в том, что Фрэзер, будь у него такое намерение, легко ускользнул бы от драгун. Но он этого не сделал, а значит, намеренно дал себя задержать. Почему?

Дальше Грей писал уже медленнее.

Может быть, конечно, Фрэзеру не удалось найти сокровище или же такового просто не существует. Я сам склоняюсь к этой мысли, ибо, оказавшись в его руках огромное богатство, ничто не помешало бы ему убраться за пределы моей досягаемости. Шотландец – человек крепкий, привычный к походной жизни и, как я полагаю, вполне способный добраться по пустынному побережью до какого-нибудь порта, откуда с большими деньгами ему был бы открыт путь куда угодно.

Грей слегка закусил кончик пера, пробуя на вкус чернила. Он поморщился от горечи, встал и сплюнул в окно. Постоял там с минуту, глядя на холодную весеннюю ночь и рассеянно вытирая рот.

Ему наконец пришло в голову задать вопрос, но не тот, который он все время задавал, а куда более важный. Что и было сделано по окончании шахматной партии, в которой победил Фрэзер. Стражник стоял у двери, готовый сопроводить заключенного обратно в камеру. Когда Джейми встал со своего места, Грей тоже поднялся.

– Я больше не стану спрашивать вас, почему вы бежали из тюрьмы, – произнес он непринужденным тоном, – но мне было бы весьма интересно узнать, почему вы вернулись?

Фрэзер, явно не ожидавший этого вопроса, на миг замер. Потом обернулся, встретился взглядом с Греем, но некоторое время молчал. Наконец его губы тронула улыбка.

– Полагаю, майор, я должен по достоинству оценить ваше общество. Уверю вас, дело не в еде.

Вспомнив об этом, Грей слегка хмыкнул. Растерявшись, он позволил Фрэзеру уйти. Только позже, ночью, он не без труда нашел ответ, догадавшись задать тот же вопрос себе. Что бы он, Грей, сделал, если бы Фрэзер не вернулся?

Напрашивался ответ, что первым делом он установил бы слежку за всеми его родичами. Ведь где беглецу искать помощи и поддержки, как не у близких?

И в этом, он был совершенно уверен, крылся ответ. Грей не принимал участия в покорении горной Шотландии, в то время он служил в Италии и Франции, но был изрядно наслышан о ходе этой кампании, да и по пути к месту службы в Ардсмур видел немало ее следов в виде пепелищ, разрушенных селений и потравленных полей.

Преданность горцев родовым связям вошла в легенду, и, если принять это во внимание, становилось ясно, что каждый из них предпочел бы тюрьму и любое возможное наказание опасности навлечь преследования английских властей на свою родню.

Грей сел, взял перо и обмакнул его в чернила. *Ты ведь знаешь отвагу этих шотландцев*, – написал он, мысленно добавив, что данный, конкретный горец по этой части выделяется даже среди своих соплеменников. – *Маловероятно, чтобы силой или угрозой мне удалось бы заставить Фрэзера раскрыть местонахождение золота – если оно существует, а если нет, то любая угроза тем более не возымела бы действия. Вместо этого я решил поближе сойтись с Фрэзером как с неформальным предводителем узников-шотландцев, надеясь извлечь какие-нибудь сведения из разговоров с ним. До сих пор, признаюсь, это ни к чему не привело, но, думаю, у меня еще есть в запасе кое-какие возможности. По очевидным причинам*, – продолжил он, медленно формулируя свою мысль, – *я не хочу, чтобы об этом стало известно официально.*

Привлекать внимание к кладу, который вполне мог оказаться химерой, было опасно, ибо вероятность разочарования, пожалуй, превосходила надежду. Ну а в случае успеха у него будет достаточно времени, чтобы подготовить соответствующий доклад и получить заслуженную награду – право покинуть захолустье и вернуться в лоно цивилизации.

Поэтому, дорогой брат, я обращаюсь к тебе и прошу твоей помощи в получении как можно более подробных сведений обо всем, что касается Джеймса Фрэзера. Однако прошу тебя проделать все это скрытно, чтобы никто не насторожился и не прознал о проявленном мной интересе. Заранее благодарю за любую помощь, какую ты сможешь мне оказать, ибо знаю, что во всем могу на тебя положиться.

Он снова обмакнул перо и подписался с небольшой завитушкой: *Твой покорный слуга и преданно любящий брат, Джон Уильям Грей.*

15 мая 1755 года

– Я слышал, люди болеют, – промолвил Грей. – Хотелось бы знать, действительно ли дела настолько плохи?

Ужин закончился, а с ним и беседа о книгах. Пора было поговорить о делах.

Фрэзер нахмурил брови, держа в руке единственный стакан хереса, который позволил себе сегодня. Но он даже не пригубил его, хотя обед подходил к концу.

– Это сущая правда. Дела действительно плохи. Всего у меня болеют около шестидесяти человек, причем пятнадцать из них серьезно. – Он заколебался. – Могу я попросить...

– Я ничего не могу обещать, мистер Фрэзер, но вы, разумеется, вправе высказать свои пожелания, – официально ответил Грей.

Он и сам почти не притронулся к своему хересу, как, впрочем, и к ужину: предчувствие чего-то важного напрочь отбило ему аппетит.

Джейми помедлил, оценивая свои шансы. Ясно, что всего желаемого не добиться, а значит, надо изложить свою просьбу так, чтобы получить главное, оставив при этом Грею возможность в чем-то отказать.

– Нам нужно побольше одеял, майор, больше тепла и больше еды. А также лекарств.

Грей поболтал херес в своем бокале, наблюдая за тем, как играют в винном водовороте отблески очага.

«В первую очередь обычные дела, – напомнил он себе. – Для другого найдется время и позже».

– У нас на складе не более двух десятков лишних одеял, но вы можете взять их для тяжелобольных. А вот увеличить рацион, боюсь, не в моих силах. Припасы сильно пострадали от мышей и крыс, а два месяца назад обрушилась кладовка. Наши возможности ограничены и...

– Вопрос не столько в том, чтобы увеличить рацион, – торопливо вставил Фрэзер, – а скорее в типе питания. Тем, у кого нелады с желудком, трудно переваривать овсянку и грубый хлеб. Нельзя ли найти какую-нибудь замену этой пище?

По закону каждому заключенному ежедневно полагалось по кварте овсянки и маленькая пшеничная булка. Раз в неделю, по воскресеньям, для подкрепления сил узников, занятых тяжелым физическим трудом по двенадцать – шестнадцать часов в день, им дополнительно выдавали овсяный отвар и кварту мясной похлебки.

Грей поднял бровь.

– Что вы хотите предложить, мистер Фрэзер?

– Я думаю, что тюрьме выделяются какие-то средства на покупку соленой говядины, турнепса и лука для воскресной похлебки?

– Средства-то есть, но они предназначены для расходования в следующем квартале.

– Тогда я предлагаю, майор, использовать эти деньги сейчас, чтобы обеспечить здоровым питанием больных. А те из нас, кто здоров, охотно откажутся от своей доли мяса на будущее.

Грей нахмурился.

– Но не ослабнут ли узники, не получая мяса вообще? Вдруг они не смогут работать?

– Ну уж те, которые умрут, работать не смогут точно, – резко заметил Фрэзер.

Грей хмыкнул.

– Верно. Но верно и то, что те из вас, кто пока еще здоров, недолго останутся таковыми, если на значительное время откажутся от дополнительного питания. Нет, мистер Фрэзер, боюсь, что ваше предложение неприемлемо. Я понимаю, что это, может быть, сурово, но уж лучше предоставить тех, кто уже болен, их участи, чем подвергнуть риску заболеть всех остальных.

Фрэзер был упрямым человеком. Он опустил голову, ненадолго задумался, а потом предпринял другую попытку.

– Но если корона не в состоянии обеспечить нас полноценным пропитанием, может быть, вы позволите нам пополнить свой рацион самим, с помощью охоты?

– Охоты? – Брови Грея полезли на лоб от удивления. – Дать вам оружие и позволить бродить по торфяникам? Да бог с вами, мистер Фрэзер!

– Вряд ли Он с нами: Он от цинги не страдает и в усиленном питании не нуждается.

Увидев, как дернулись губы Грея, шотландец слегка расслабился. Майор всегда старался подавить свое чувство юмора, несомненно понимая, что это поставит его в невыигрышное положение. В отношениях с Джейми Фрэзером так оно и происходило.

Ободренный этим предательским подергиванием, Джейми развил наступление.

– Ни о каком оружии, майор, речи, конечно, не идет, так же как и о хождении на охоту. Дайте мне разрешение ставить ловушки на торфянике, когда мы режем торф, и оставлять себе то, что в них попадет.

Узники и без разрешения ухитрялись расставлять силки, но частенько добычу у них отбирали стражники.

Грей сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, обдумывая просьбу.

– Разве вам не потребуются материалы, чтобы смастерить ловушки, мистер Фрэзер?

– Всего лишь немного веревки, майор, – заверил его Джейми. – Дюжина грузил, не больше, любая бечева или шнур, а все остальное предоставьте нам.

Грей медленно потер щеку, потом кивнул.

– Хорошо.

Комендант повернулся к маленькому секретеру, вынул из чернильницы перо и написал записку.

– Завтра я выпущу на сей счет официальный приказ. Что же касается остальных ваших просьб...

Четверть часа спустя все было обговорено. Джейми, вздохнув, наконец расслабился и пригубил херес, искренне считая, что заслужил его.

Ему удалось добиться разрешения не только на силки, но и на то, чтобы добытчики торфа, отработав полчаса сверх нормы, могли забирать это добавочное топливо с собой для обогрева камер, а также на то, чтобы Сазерленд послал весточку своей кузине в Уллапул, муж которой был аптекарем. Если муж кузины пожелает послать в тюрьму лекарства, узники их получат.

«Неплохая работа за вечер», – подумал Джейми.

Он сделал еще один маленький глоток вина и закрыл глаза, с чувством исполненного долга наслаждаясь исходящим от камина теплом.

Грей, наблюдавший за своим гостем из-под опущенных век, увидел, как широкие плечи слегка расслабились. Напряжение отпустило шотландца, ведь дело было сделано. Так, во всяком случае, он думал.

«Очень хорошо, – решил для себя Грей. – Давай пей свой херес и расслабляйся. Мне нужно, чтобы ты совершенно не ждал подвоха».

Он подался вперед, взял графин и почувствовал, как зашуршало в нагрудном кармане письмо Хэла. Сердце забило быстрее.

– Не хотите ли выпить еще глоток, мистер Фрэзер? И скажите мне, как поживает ваша сестра?

От неожиданности глаза Фрэзера широко раскрылись, лицо побледнело.

– Как обстоят дела в Лаллиброхе? Так ведь, кажется, называется это место?

Грей отодвинул графин в сторону, не сводя глаз со своего гостя.

– Не могу этого знать, майор.

Голос Фрэзера звучал спокойно, но глаза опасно сузились.

– Нет? А вот я рискну предположить, что дела у них в последнее время обстоят очень неплохо благодаря золоту, которым вы их снабдили.

Широкие плечи под поношенным плащом напряглись.

Грей небрежно взял одну из шахматных фигур с доски и переложил из одной руки в другую.

– Наверное, Айен – вашего зятя, кажется, зовут Айеном? – знает, как им распорядиться.

Фрэзер уже взял себя в руки, и его темно-голубые глаза невозмутимо встретили испытующий взгляд Грея.

– Раз уж вы так хорошо информированы о моих связях, майор, – сдержанно произнес он, – вам, полагаю, известен и тот факт, что мой дом находится более чем в ста милях от Ардсмур. Может быть, вы объясните, каким образом я мог дважды преодолеть это расстояние за три дня?

Взгляд Грея остановился на шахматной фигурке, которую он рассеянно переключивал из одной руки в другую. Это была пешка, маленький воин со свирепым лицом и с коническим шлемом на голове, вырезанный из цилиндра моржового клыка.

– Возможно, что вы встретились с кем-то на торфянике, кто сообщил о золоте вашей семье или сам отнес им это золото.

Фрэзер хмыкнул.

– В окрестностях Ардсмур? И какова, по-вашему, майор, вероятность того, чтобы я случайно встретился на торфянике со знакомым мне человеком? Тем более с человеком, которому я мог бы доверить то, на что вы намекаете?

Он поставил бокал на стол, явно желая закрыть тему.

– Я ни с кем не встречался на торфянике, майор.

– И вы считаете, что я должен довериться вашему слову, мистер Фрэзер?

Грей позволил себе вложить в свои слова достаточно иронии.

Высокие скулы Фрэзера слегка покраснели.

– Ни у кого еще не было повода усомниться в моем слове, майор, – тихо сказал он.

– В самом деле? – Грей уже не старался скрыть свой гнев. – Вы ведь, помнится, уже давали мне свое слово на том условии, что я прикажу снять с вас оковы?

– И я сдержал его!

– Ой ли?

Двое мужчин сидели выпрямившись, сердито глядя друг на друга.

– Вы поставили мне три условия, майор, и я в точности выполнил уговор.

Грей презрительно хмыкнул.

– Неужели, мистер Фрэзер? Но тогда что же побудило вас так неожиданно презреть общество ваших товарищей и предпочесть ему общение с кроликами на торфянике? Поскольку вы уверяете меня, что никого не встретили, и дали мне свое слово, что это так.

Последняя фраза была произнесена со столь явным презрением, что краска бросилась в лицо Фрэзера. Большая рука медленно сжалась в кулак.

– Да, майор, – процедил шотландец, – я дал вам слово, что все обстояло так.

По-видимому, в этот момент он осознал, что кулак его сжат, очень медленно разжал пальцы и положил ладонь на стол.

– А как насчет вашего побега?

– А что касается моего побега, майор, то я уже сказал все, что хотел.

Фрэзер медленно вдохнул и откинулся назад, пристально глядя на Грея из-под густых рыжих бровей.

Помолчав, комендант тоже откинулся на спинку кресла, поставив шахматную фигуру на стол.

– Давайте я скажу вам напрямик, мистер Фрэзер. Я оказываю вам честь, предполагая, что вы человек здравомыслящий.

– Могу вас заверить, майор, честь – это как раз то, в отношении чего я весьма щепетилен.

Иронию Грей уловил, но реагировать не считал нужным, благо сейчас преимущество было за ним.

– Суть в том, мистер Фрэзер, что на самом деле не имеет особого значения, связывались ли вы со своей семьей на предмет золота. Достаточно допустить такую вероятность, и это послужит основанием для того, чтобы послать отряд драгун для произведения обыска в Лаллиброхе и допроса всех ваших родичей.

Он сунул руку в нагрудный карман, достал лист бумаги, развернул его и прочел перечень имен.

– Айен Муррей – ваш зять, как я понимаю? Его жена Джанет. Это, конечно, ваша сестра. Их дети, Джеймс... надо думать, назван в честь дядюшки?

Грей поднял глаза, чтобы уловить выражение лица Фрэзера, потом снова вернулся к списку.

– Маргарет, Кэтрин, Джанет, Майкл и Айен. Немалый выводок, – произнес он тоном, приравнивающим шестерых младших Мурреев к приплоду поросят.

Он положил листок на стол рядом с шахматной фигуркой.

– Вы должны понимать, что трое старших детей уже достаточно взрослые, чтобы быть арестованными и допрошенными вместе с родителями. Такие допросы часто проводятся с пристрастием, мистер Фрэзер, на них не деликатничают.

В данном случае Грей говорил чистую правду, и Фрэзер знал это. Вся краска схлынула с лица узника, отчего под кожей рельефно выступили крепкие кости. Он закрыл глаза, но тут же снова открыл их.

Неожиданно Грей вспомнил предостережение Кворри: «Если будете ужинать с этим человеком наедине, никогда не поворачивайтесь к нему спиной».

У него мурашки побежали по коже, но он взял себя в руки и ответил Фрэзеру твердым взглядом голубых глаз.

– Чего вы от меня хотите?

Голос был хриплым от гнева, но шотландец сидел неподвижно – застывшая фигура, словно высеченная из камня, позолоченная пламенем.

Грей глубоко вздохнул.

– Правды, – тихо сказал он.

В комнате не раздавалось ни звука, даже торф не потрескивал в камине. Фрэзер чуть шевельнулся, но и только. Долгое время он сидел молча, уставившись в камин, словно хотел получить ответ оттуда.

Грей ждал. Он мог позволить себе это. Наконец Фрэзер снова обернулся к нему.

– Значит, правды?

Он сделал глубокий вдох, и Грей увидел, как полотняная рубашка натянулась на груди шотландца – жилета на нем не было.

– Я сдержал свое слово, майор. Я честно поведал вам обо всем, что сказал мне в ту ночь этот человек. Умолчал лишь о том, что имело значение лично для меня.

– В самом деле? – Грей сидел неподвижно, боясь даже шевельнуться. – И что это было? Широкий рот Фрэзера сжался в тонкую линию.

– Я говорил вам о моей жене, – сказал он, с трудом выдавливая слова, как будто они причиняли ему боль.

– Да, вы сказали, что она умерла.

– Я сказал, что ее нет, майор, – тихо поправил его Фрэзер. Его взгляд остановился на пешке. – Скорее всего, она умерла, но...

Он запнулся, сглотнул и продолжил более решительно:

– Моя жена была целительницей. И не просто знахаркой, каких немало в горной Шотландии, она принадлежала к тем, кого у нас называют «бандруид», что означает «белая дама» или «колдунья».

– Белая колдунья. – Грей тоже говорил тихо, но кровь его бурлила от возбуждения. – Значит, слова того человека относились к вашей жене?

– Я подумал, что да. А если так... – Широкие плечи слегка шевельнулись. – Я должен был пойти посмотреть, – просто сказал шотландец.

– А как вы узнали, куда идти? Это вы тоже почерпнули из слов бродяги?

Грей, не скрывая любопытства, слегка подался вперед. Фрэзер кивнул, не сводя взгляда с шахматной фигурки из моржового клыка.

– Мне было известно, что не очень далеко отсюда находится святыня – место поклонения святой Бригитте, которую тоже называли белой дамой, – пояснил он, подняв голову. – Хотя эта святыня находилась там с незапамятных времен, задолго до того, как святая Бригитта прибыла в Шотландию.

– Понятно. Итак, вы предположили, что слова этого человека относились и к этому месту, и к вашей жене?

Фрэзер снова пожал плечами.

– Я не знал, – повторил он. – Трудно было судить, имели они какое-то отношение к моей жене или только к святыне, чтобы направить меня туда, или ни к тому ни к другому. Но я почувствовал, что должен пойти.

Он описал это место и с помощью наводящих вопросов Грея указал, как до него добраться.

– Сама святыня – это небольшой камень в форме старинного креста, настолько выветренный, что на нем почти не видно каких-либо знаков. Он стоит над маленьким прудом, наполовину укрытым вереском. В пруду можно найти белые камешки, запутанные в корнях вереска, растущего по берегам. Считается, что эти камни обладают великой силой, – пояснил он, видя непонимание во взгляде собеседника. – Но только когда их использует белая дама.

– Понятно. И ваша жена?..

Грей деликатно умолк.

Фрэзер покачал головой.

– Это не имело к ней никакого отношения, – тихо ответил он. – Ее действительно нет. Сказано это было тихо, без надрыва, но Грей уловил нотку безысходного отчаяния.

Обычно лицо Фрэзера оставалось невозмутимым и непроницаемым. Вот и теперь оно не изменилось, но собравшиеся вокруг глаз морщинки и хмурый, устремленный на огонь взгляд говорили о печали. Столь глубокое чувство заставило Грея ощутить неловкость, но долг взял верх над деликатностью.

– А золото, мистер Фрэзер? – тихо спросил майор. – Как насчет золота?

Узник глубоко вздохнул.

– Оно было там, – без всякого выражения произнес он.

– Что? – Грей выпрямился в кресле, вперив взгляд в шотландца. – Вы нашли его?

Фрэзер поднял на него глаза и усмехнулся.

– Я нашел его.

– И это действительно было золото, которое Людовик послал для Карла Стюарта?

Кровь Грея бурлила от возбуждения: он уже представил себе, как доставляет огромные сундуки с золотыми луидорами своим начальникам в Лондоне.

– Людовик никогда не отправлял золота Стюартам, – уверенно сказал Фрэзер. – Нет, майор, то, что я нашел в пруду возле святыни, не было французскими монетами.

В пруду он обнаружил маленькую шкатулку с золотыми и серебряными монетами и кожаный кошель, наполненный драгоценными камнями.

– Драгоценности? – выпалил Грей. – Откуда они вообще взялись?

Фрэзер бросил на него взгляд, исполненный недоумения.

– Не имею ни малейшего представления, майор, – сказал он. – Откуда мне знать?

– Нет, конечно нет, – сказал Грей, закашлявшись, чтобы скрыть свое волнение. – Конечно. Но это сокровище – где оно теперь?

– Я выбросил его в море.

Грей тупо воззрился на него.

– Что?

– Я выбросил его в море, – терпеливо повторил Фрэзер. Раскосые голубые глаза встретились с глазами Грея. – Может быть, вы слышали о месте, которое называют «Чертовым котлом»? Оно находится не более чем в миле от святыни.

– Зачем? Зачем вы это сделали? – спросил Грей. – Не слишком разумный поступок.

– В то время меня не очень-то волновало, что разумно, что нет, – тихо сказал Фрэзер. – Я пошел туда с надеждой, а когда эта надежда исчезла, клад показался мне ничемным набором металлических кругляшей и камушков. Мне они были ни к чему. – Он иронически изогнул одну бровь. – Но я не видел смысла и в том, чтобы отдать найденные ценности королю Георгу. Поэтому я зашвырнул их в море.

Грей откинулся назад в кресле и машинально плеснул себе еще хереса, почти не замечая, что делает. Его мысли пребывали в смятении.

Фрэзер сидел, отвернувшись, подперев подбородок кулаком, и глядел в огонь с прежней бесстрастностью. Падавший сзади свет подчеркивал длинную прямую линию носа и мягкий изгиб губы, оставляя подбородок и лоб в тени.

Грей сделал изрядный глоток вина и взял себя в руки.

– Трогательная история, мистер Фрэзер, – ровным голосом произнес он. – Весьма драматичная. Но нет ни единого доказательства ее правдивости.

Фрэзер пошевелился, повернул голову и посмотрел на коменданта. Чуть скошенные глаза шотландца сузились, словно скрывая насмешку.

– Ну, майор, как раз за этим дело не станет.

Он пошарил под поясом своих драных штанов и вытянул руку над столом.

Грей машинально протянул свою руку, и на его открытую ладонь упал маленький предмет.

Это был сапфир, темно-голубой, как глаза Фрэзера, и к тому же весьма внушительных для драгоценного камня размеров.

Грей открыл рот, но от изумления ничего не смог произнести.

– Вот вам доказательство того, что сокровище существовало, майор. – Фрэзер кивнул на камень в руке Грея, и их взгляды встретились над столом. – Что же касается остального, майор, вам остается только поверить мне на слово.

– Но... но... вы сказали...

– Сказал.

Фрэзер был спокоен так, как будто они обсуждали погоду.

– Я оставил только этот камень, решив, что он может пригодиться, если меня когда-нибудь освободят или – тут вы были недалеко от истины – в надежде, что, может быть, мне удастся переправить его моим родным. Но вы должны понять, майор, – голубые глаза Джейми насмешливо блеснули, – что моя семья не смогла бы воспользоваться таким сокровищем, не привлекая к себе излишнего и весьма нежелательного внимания. Один камешек – куда ни шло, но не больше.

Несмотря на растерянность, Грей не до конца утратил способность думать и сообразил, что Фрэзер прав: владелец небольшой усадьбы в горах, такой, как его зять, не смог бы обратить сокровище в деньги, избежав толков, за которыми неизбежно последовало бы появление в Лаллиброхе королевских солдат. А сам Фрэзер вполне может провести в тюрьме всю оставшуюся жизнь. И все же – взять и вот так просто выбросить найденный клад! Однако, глядя на шотландца, Грей вполне мог в это поверить. Если и есть человек, не подверженный алчности, так это Джеймс Фрэзер. Впрочем...

– Как вам удалось сохранить его у себя? – неожиданно спросил Грей. – Вас ведь не то что до нитки, до кожи обыскали, когда доставили обратно.

Широкий рот слегка дрогнул в первой искренней улыбке, которую увидел майор за время этого разговора.

– Я проглотил его, – ответил Фрэзер.

Грей непроизвольно сжал сапфир в руке, а потом раскрыл ладонь и осторожно положил поблескивающий голубой камень на стол рядом с шахматной фигурой.

– Понятно, – сказал он.

– Не сомневаюсь, что вы поняли, майор, – сказал Фрэзер с серьезностью, которая еще больше подчеркнула насмешливую искорку в его глазах. – Грубая пища, знаете ли, порой имеет свои преимущества.

Грей подавил неожиданный порыв рассмеяться, прижав палец к губам.

– Вы, безусловно, правы, мистер Фрэзер.

Он посидел, рассматривая голубой камень, а потом резко поднял глаза.

– Вы ведь папист?

Ответ был известен заранее: сторонники католиков Стюартов редко бывали не папистами. Не дожидаясь ответа, Грей встал и подошел к книжной полке в углу. Ему потребовалась секунда, чтобы найти подарок матери, не относившийся к кругу его обычного чтения.

На стол рядом с камнем легла переплетенная в телячью кожу Библия.

– Сам я готов принять на веру ваше слово джентльмена, мистер Фрэзер, – сказал он. – Но вы должны понять, что как офицер я прежде всего обязан руководствоваться долгом.

Какое-то время Фрэзер молча смотрел на книгу с непроницаемым лицом.

– Хорошо, майор, – наконец произнес он и без колебаний возложил на Священное Писание свою широкую ладонь. – Именем Всемогущего Бога я клянусь на Его Святом Слове, что найденное мною сокровище было именно таково, как я вам о том поведал.

Его глаза светились в отблесках огня, темные и бездонные.

– И я клянусь моей надеждой на вечное спасение, – добавил он тихо, – что оно покоится в море.

Глава 11

Гамбит

Когда вопрос с французским золотом разрешился окончательно, они вернулись к тому, что стало для них обычным времяпрепровождением, – обмену мнениями по текущим вопросам жизни тюрьмы, за которым всегда следовала непринужденная беседа на отвлеченные темы, а время от времени и партия в шахматы. Сегодня вечером они встали из-за обеденного стола, все еще обсуждая длиннющий роман Сэмюэла Ричардсона «Памела».

– Вы считаете, что размер книги оправдан сложностью содержания? – спросил Грей, наклонившись вперед, чтобы прикурить сигару от свечи на боковом столике. – В конце концов, такой толстенный роман требует как значительных затрат от издателя, так и значительных усилий от читателя.

Фрэзер улыбнулся. Сам он не курил, но сегодня вечером решил пить портвейн, заявив, что это единственный напиток, вкус которого не может быть испорчен запахом табака.

– Сколько в нем страниц? Тысяча двести? Да, кажется, так. Видимо, трудно вместить сложные жизненные ситуации в тесное словесное пространство и претендовать на точность изложения.

– Верно. Правда, я уже слышал этот аргумент: дескать, умение романиста заключается в искусном подборе деталей. Но не кажется ли вам, что толщина тома сама по себе указывает на неумение автора осуществлять такую подборку в рамках художественной необходимости, а это, в свою очередь, говорит о нехватке мастерства?

Фрэзер задумался, медленно, мелкими глотками отпивая рубиновую жидкость.

– Да, по правде сказать, мне попадались книги, где дело обстоит именно так. Автор стремится заставить читателей поверить в правдоподобие того, о чем пишет, обилием деталей. Однако в этом случае, я думаю, дело обстоит иначе. Каждый персонаж весьма тщательно рассмотрен, и все описанные события кажутся необходимыми для развития сюжета. Нет, думаю, это правда, что некоторые истории для полноценного и достоверного изложения требуют большего пространства.

Он сделал еще глоток и рассмеялся.

– Конечно, майор, я признаюсь в наличии у меня на сей счет некоего личного предубеждения. Учитывая обстоятельства, в которых я читал «Памелу», я был бы в восторге, если бы книга оказалась вдвое длиннее.

– И что это были за обстоятельства?

Грей поджал губы и выдул аккуратное колечко, которое поплыло к потолку.

– Я семь лет прожил в пещере в горах, майор, – усмехнулся Фрэзер. – У меня редко бывало больше трех книг, и их должно было хватить не на один месяц. Да, я неравнодушен к толстым томам, но должен признаться, что это не главное качество.

– Безусловно, – согласился Грей.

Он прищурился, следя за движением первого колечка дыма, и выдул еще одно. Оно отклонилось от намеченной цели и отлетело в сторону.

– Я помню, – продолжил он, энергично затягиваясь сигарой, отчего слова выходили с перебивками, – как подруга моей матери увидела эту книгу в гостинной у матушки...

Наконец майор выдул новое колечко и удовлетворенно хмыкнул, когда оно точно вписалось в старое и рассеяло его в крохотное облачко.

– Это была леди Хенсли. Она взяла книгу, посмотрела на нее беспомощно, как это свойственно многим женщинам, и сказала: «О, графиня! Как только вам хватает смелости браться за книгу такого большого объема! Боюсь, что я никогда бы не решилась начать столь длинный роман».

После довольно точной имитации звонкого фальцета леди Хенсли Грею пришлось прокашляться.

– На что матушка ответила, – продолжил он своим обычным голосом: – «Не стоит волноваться, дорогая, вы бы все равно его не поняли».

Фрэзер рассмеялся и закашлялся, отгоняя остатки очередного колечка дыма.

Грей быстро затушил сигару и встал.

– Идемте, у нас как раз хватит времени на быструю партию.

Их силы были неравны: Фрэзер играл в шахматы гораздо лучше, но порой Грею удалось спасти своего короля благодаря отчаянно смелой игре.

Сегодня вечером он попытался использовать гамбит Торремолиноса. Это был рискованный дебют, начинавшийся ходом коня на королевском фланге. При удачном начале он прокладывал путь для необычной комбинации ходов ладьи и слона, успех которой зависел от диспозиции на полях между королевским конем и пешкой королевского слона. Грей редко использовал эту комбинацию, ибо она не была рассчитана на посредственного игрока, недостаточно сообразительного, чтобы распознать замаскированную угрозу со стороны коня. Данный гамбит являлся оружием, пригодным против тонкого, проницательного соперника, а после почти трех месяцев еженедельных поединков Грей хорошо усвоил, какого рода ум противостоит ему за уставленной резными фигурами шахматной доской.

Делая предпоследний ход комбинации, он заставил себя не задерживать дыхание, а почувствовав, что на нем ненадолго остановился взгляд Фрэзера, отвел глаза, чтобы не выдать своего волнения. Он потянулся к боковому столику за графином и наполнил оба бокала сладким темным портвейном, внимательно глядя, как поднимается уровень жидкости.

Будет ли это пешка или конь? Фрэзер задумчиво склонился над доской, маленькие рыжеватые искорки подмигивали в его волосах, когда он покачивал головой, выбирая фигуру.

Конь или пешка? Победа или поражение?

Фрэзер поднял руку, и сердце майора замерло. Рука зависла над доской, помедлила – и взялась за фигуру.

За коня.

Грею не хватило самообладания, чтобы сдержать вздох облегчения. Фрэзер резко вскинул глаза, но было уже поздно. Стараясь не слишком выдавать свое ликование, майор сделал рокировку.

Фрэзер нахмурился, глядя на доску, его глаза перебежали с одной шахматной фигуры на другую, оценивая варианты.

Потом до него дошло. Он слегка дернулся, поднял голову и уставился на противника широко раскрытыми глазами.

– Э, да вы, я вижу, коварный махинатор, – уважительно произнес он. – И где вы научились таким чертовским хитростям?

– Меня научил этому старший брат, – ответил Грей, утратив присущую ему осторожность в приливе восторга от своего успеха: обычно он выигрывал у Фрэзера три раза из десяти, поэтому победа была особенно сладка.

Фрэзер хмыкнул и, вытянув длинный указательный палец, аккуратно опрокинул своего коня.

– Ну, от такого человека, как лорд Мелтон, вполне можно ожидать чего-то подобного, – небрежно сказал он.

Грей застыл. Фрэзер заметил это и вопросительно выгнул бровь.

– Ведь вы имели в виду лорда Мелтона? – спросил он. – Или, может быть, у вас есть еще один брат?

– Нет, – ответил Грей. Его губы слегка онемели, возможно из-за крепкой сигары. – Нет, у меня только один брат.

У него снова сжалось сердце, но отнюдь не от восторга. Неужели чертов шотландец все это время знал, с кем имеет дело?

– Наша встреча была в силу обстоятельств довольно краткой, – сухо сказал шотландец. – Но незабываемой. – Он поднял свой бокал и сделал глоток, глядя на Грея. – Может быть, вы не знали, что я встретил лорда Мелтона на Куллоденском поле?

– Знал. Я сам сражался при Куллодене.

Все удовольствие Грея от победы испарилось. Он почувствовал, что его слегка мутит от дыма.

– Правда, я не думал, что вы вспомните Хэла или что вам известно о нашем родстве.

– Поскольку именно этой встрече я обязан жизнью, я вряд ли ее забуду, – сказал Фрэзер.

Грей поднял глаза.

– Если меня правильно информировали, при той встрече вы к нему особой благодарности не испытывали.

Губы Фрэзера сжались, но тут же расслабились.

– Верно, – тихо ответил он и невесело улыбнулся. – Дело в том, что ваш брат упорно не желал меня расстреливать. Вбил себе в голову, что обязан оставить меня в живых, а я в то время не был склонен благодарить кого-либо за подобную услугу.

– Вы хотели, чтобы вас расстреляли?

Грей поднял брови.

Взгляд у шотландца был отсутствующий – он смотрел на шахматную доску, но явно видел нечто иное.

– Наверное, у меня была на то причина, – сказал он тихо. – В то время.

– Какая причина? – спросил Грей и, поймав на себе пристальный взгляд, поспешно пояснил: – Не сочтите этот вопрос за дерзость, просто мне и самому в то время приходилось испытывать схожие чувства. И потом, из того, что вы говорили о Стюартах, у меня не сложилось впечатления, будто поражение их претендента могло ввергнуть вас в безграничное отчаяние.

Фрэзер слабо улыбнулся и кивнул в знак согласия.

– Среди нас было немало сражавшихся из любви к Карлу Стюарту или из чувства верности к нему как к единственно законному королю. Но вы правы, я не принадлежал ни к тем ни к другим.

Больше он ничего пояснять не стал, и Грей со вздохом уставился на шахматную доску.

– Я сказал, что в то время испытывал те же чувства, что и вы. Я потерял одного друга при Куллодене, – сказал он, сам удивляясь, с чего это ему приспичило завести разговор о Гекторе именно с этим человеком, шотландским воином, прорубавшим себе путь через поле смерти. Возможно, тем самым, чей меч...

И вместе с тем он не мог молчать, ведь ему не с кем было поговорить о Гекторе. Самым сокровенным он мог поделиться только с этим узником, который никому не перескажет его слов.

– Он... Хэл, мой брат... заставил меня пойти и посмотреть на тело, – вырвалось у Грея.

Он посмотрел вниз, на свою руку, на которой, выделяясь на фоне кожи, светился темно-голубой сапфир Гектора, похожий на тот, что нехотя отдал ему Фрэзер, только поменьше.

– Он сказал, что я обязательно должен на него посмотреть, что, пока я не увижу его мертвым, я никогда по-настоящему не поверю в это. Если я не пойму, что Гектор, мой друг, действительно ушел, я буду страдать вечно. Когда я увижу его и пойму это, я, конечно, предамся скорби, но она минует – и все забудется.

Он с вымученной улыбкой посмотрел на Фрэзера.

По большому счету, Хэл, конечно, был прав. Но не совсем. Может быть, со временем он и оправился от потери, но забыть все равно не мог. Разве можно забыть Гектора, каким он увидел его в последний раз, неподвижно лежащим в свете раннего утра с восковым лицом – длинные темные ресницы покоились на его щеках так же, как когда он спал? Или зиявшую рану, которая наполовину отделяла его голову от тела, выставляя напоказ дыхательное горло и большие кровеносные сосуды шеи?

Они сидели молча. Фрэзер ничего не сказал, только поднял свой бокал и осушил его залпом. Не спрашивая, Грей наполнил оба бокала в третий раз и удобно устроился в кресле, с любопытством глядя на гостя.

– Вы находите свою жизнь очень обременительной, мистер Фрэзер?

Шотландец поднял глаза, встретил его взгляд, долго молчал, но, видимо, не обнаружив никакого подвоха, а только чистое любопытство, позволил себе расслабиться. Он откинулся назад, медленно раскрыл правую ладонь и стал сжимать и разжимать кулак, разминая мышцы. От Грея не укрылось, что рука была когда-то повреждена – были заметны шрамы, а два пальца не разгибались.

– Пожалуй, что не особенно, – медленно ответил Фрэзер, не отводя бесстрастного взгляда. – По моему разумению, самая большая тягость в жизни заключается в беспокойстве за тех, кому мы не можем помочь.

– А разве не в отсутствии тех, кому мы хотим отдать свою любовь?

Узник ответил не сразу. Может быть, он оценивал положение шахматных фигур на доске?

– Это пустота, – наконец произнес он. – Но не бремя.

Час был поздний, кругом царил тишина.

– Ваша жена... вы говорили, она была целительницей?

– Была. Она... ее звали Клэр.

Фрэзер поднял бокал и отпил, как будто пытаясь убрать что-то, застрявшее в горле.

– Наверное, вы очень любили ее, – тихо сказал Грей.

Он заметил, что у Фрэзера появилось то же желание, что несколькими минутами ранее у него самого, – произнести имя, хранившееся в тайне, вернуть хоть на миг призрак любви.

– Порой мне хотелось когда-нибудь поблагодарить вас, майор, – негромко сказал шотландец.

Грей удивился.

– Поблагодарить меня? За что?

Гость поднял голову, скользнув взглядом по шахматной доске с законченной партией.

– За ту ночь у Кэрриарика, где мы встретились в первый раз. – Он посмотрел на Грея в упор. – За то, что вы сделали ради моей жены.

– Вы не забыли, – хриловато произнес Грей.

– Я не забыл, – откликнулся Фрэзер.

Грей собрался с духом, посмотрел через стол на собеседника, но не обнаружил в раскосых голубых глазах ни намек на насмешку.

Фрэзер кивнул ему очень серьезно.

– Вы были достойным противником, майор. Я бы не забыл вас.

Джон Грей рассмеялся. С горечью, но, как ни странно, без того стыда, который до сих пор испытывал при каждом воспоминании об этом позорном происшествии.

– Если вы сочли достойным противником шестнадцатилетнего юнца, трясущегося от страха, мистер Фрэзер, то ничего удивительного, что армия горцев потерпела поражение!

Фрэзер слегка улыбнулся.

– Человек, который не трясется от страха, когда к его голове приставлен пистолет, майор, либо вовсе бесчувственный, либо тупой.

Грей невольно рассмеялся. Уголки рта Фрэзера слегка дернулись вверх.

– Вы не стали бы говорить для того, чтобы спасти собственную жизнь, но сделали это, чтобы спасти честь дамы. Честь моей супруги, – веско добавил Фрэзер. – На мой взгляд, это не трусость.

Голос шотландца звучал так, что не оставлял места для сомнений в его искренности.

– Я ничего не сделал для вашей жены, – возразил Грей с оттенком печали в голосе. – Ведь на самом деле ей ничто не угрожало.

– Но вы этого не знали, верно? – сказал Фрэзер. – Вы хотели спасти ее честь и жизнь с риском для собственной. И тем самым оказали ей услугу, о которой я вспоминал не раз. Особенно после того, как потерял Клэр.

Лишь очень наблюдательный человек мог бы заметить, что голос Фрэзера слегка дрогнул.

– Понятно.

Грей сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

– Сочувствую вашей утрате.

Они оба помолчали, каждый наедине со своим призраком. Потом узник поднял глаза и глубоко вздохнул.

– Ваш брат был прав, майор, – сказал он. – Я благодарю вас и желаю доброй ночи.

Он встал, поставил свой бокал и вышел из комнаты.

В каком-то смысле это напомнило ему годы, проведенные в пещере, с визитами домой, к оазисам жизни и тепла в пустыне одиночества. Здесь было иначе: уход от тесноты, холода, грязи и убожества камер наверх, в уютные покои майора, где можно было на несколько часов оттаять и умом, и телом, расслабиться в тепле и сытости за разговором.

Правда, это вызывало у него странное чувство пребывания не на своем месте, ощущение того, что он утратил какую-то ценную часть себя, которая не могла вынести возвращения обратно к повседневной жизни. С каждым разом возвращение давалось ему все труднее.

Он стоял в продуваемом сквозняком коридоре, ожидая, когда надзиратель отперет дверь камеры. Его уши уже заполняли храп и сопение спящих людей, а когда дверь отворилась, в ноздри ударил едкий, застоявшийся запах.

Фрэзер быстро набрал воздуха и, пригнув голову, вошел.

Когда его тень упала на лежавшие тесной кучей человеческие тела, а дверь позади него захлопнулась, отрезав свет, сонные узники зашевелились, а некоторые проснулись.

– Что-то ты нынче припозднился, Макдю, – послышался хриловатый спросонья голос Мардо Линдси. – Завтра небось с ног будешь валиться.

– Я справлюсь, Мардо, – прошептал Фрэзер, переступая через спящих.

Он снял плащ, аккуратно положил его на лавку, взял грубое одеяло и нашел свое место на полу. Все это время его высокая фигура маячила на фоне подсвеченного лунной окошка.

Когда Макдю улегся с ним рядом, Ронни Синклер перевернулся, сонно поморгал почти невидимыми в лунном свете песочного цвета ресницами и спросил:

– Ну как, Макдю, хорошо тебя угостили?

– Да, Ронни, спасибо.

Он поворочался на каменном полу, стараясь устроиться поудобнее.

– Завтра расскажешь?

Узники получали странное удовольствие, слушая о том, что подавалось на ужин, воспринимая тот факт, что их предводителя хорошо кормили, как некое отличие или поощрение для всех них.

– Ага, расскажу, Ронни, – пообещал Макдю. – Но сейчас мне нужно поспать, ладно?

– Спокойной ночи, Макдью, – донесся из угла шепот Хейса, лежавшего впритык, как набор серебряных чайных ложек, с Маклеодом, Иннесом и Кейтом: всем хотелось поспать в тепле.

– Приятных снов, Гэвин, – прошептал Макдью, и мало-помалу в камере воцарилась тишина.

В ту ночь ему приснилась Клэр. Она лежала в его объятиях, осязаемая и благоухающая, с ребенком во чреве. Живот ее был круглым и гладким, как дыня, грудь – полной и пышной, с темными, словно налитыми вином, манящими сосками.

Ее рука скользнула ему между ног, он ответил ей тем же, а когда она двинулась, мягкая, округлая выпуклость наполнила его ладонь. Она поднялась над ним с улыбкой, частично скрытой упавшими на лицо волосами, и перекинула через него ногу.

Он тянулся к ее губам, требовал их, и она, откликнувшись, рассмеялась, склонилась, положив руки на его плечи и уронив волосы ему на лицо. Он вдохнул запах мха и солнечного света, ощутил спиной покалывание сухих листьев и понял, что они лежат в узкой горной долине неподалеку от Лаллиброха и все вокруг наполнено цветом ее медных буков. Буковые листья и буковый лес, золотистые глаза и гладкая белая кожа, окаймленные тенями.

Грудь Клэр прижалась к его рту, и он жадно припал к набухшим соскам. Ее молоко было горячим и сладким, с легким привкусом серебра, как кровь оленя.

– Сильнее, – прошептала она и, обхватив ладонью затылок, прижала его лицо. – Сильнее.

Потом она вытянулась поверх него во весь рост, тело к телу, и он ощущал дитя в ее чреве, дитя, находившееся сейчас между ними, но не разделявшее, а сближавшее, заставлявшее их стремиться к еще большему единению, чтобы оградить и сберечь эту крохотную крупицу жизни.

И это единение, единение их троих, было столь полным, что Джейми уже не осознавал, где начинается и где кончается каждый из них по отдельности.

Он проснулся неожиданно, тяжело дыша, весь в поту и обнаружил, что лежит на боку под одной из лавок, свернувшись в клубок. Еще не рассвело, но он уже мог видеть очертания лежавших рядом с ним людей и надеялся лишь на то, что не кричал. Он снова закрыл глаза, но сон пропал. Джейми лежал совершенно неподвижно, чувствуя, как постепенно успокаивается сердце, и ждал рассвета.

18 июня 1755 года

В тот вечер Джон Грей собирался очень тщательно: надел свежую полотняную сорочку и шелковые чулки, заплел волосы и воспользовался духами с запахом лимона и вербены. Над кольцом Гектора он немного замешкался, но в конце концов надел и его.

Ужин удался: фазана, подстреленного им самолично, подали с салатом из зелени – из уважения к странным вкусам гостя и его представлениям о полезности.

Теперь они сидели за шахматной доской, сосредоточившись над миттельшпилем, в связи с чем затрагивавшиеся в ходе непринужденной беседы темы были до поры отложены.

– Хотите хереса?

Он поставил своего слона и потянулся.

Фрэзер, поглощенный изучением новой позиции, кивнул.

– Благодарю вас.

Грей встал и пересек комнату, оставив Фрэзера у огня. Он достал из буфета бутылку и почувствовал, как тонкая струйка пота потекла по боку. Дело было не в том, что от камина тянуло жаром, просто он нервничал.

К столу майор вернулся с бутылкой в одной руке и бокалами из хрустала Уотерфорда, присланными ему матерью, – в другой. Жидкость с журчанием лилась в хрусталь, поблескивая в свете огня янтарем и розой. Глаза Фрэзера были устремлены на бокал, он рассеянно наблюдал за процедурой, но был погружен в свои мысли. Опущенные веки слегка прикрывали темно-голубые глаза. Грей гадал, о чем так задумался шотландец. Не о партии же – ее исход был очевиден.

Майор передвинул слона на ферзевом фланге. Он знал, что этот ход всего лишь оттягивает неминуемое поражение, но все же представляет угрозу для ферзя Фрэзера, вынуждая произвести обмен ладьи.

Сделав ход, хозяин встал, чтобы подложить в камин торфяной кирпичик. Он потянулся и зашел за спину своего противника, чтобы взглянуть на расположение фигур под иным углом.

В это время, изучая позицию сверху, привстал и Джеймс Фрэзер. Он наклонился вперед, и отблески камина заиграли на его рыжей шевелюре, вторя свечению хереса в хрустальном бокале.

Волосы Фрэзера были забраны сзади в хвост и перехвачены черной ленточкой; чтобы распустить их, потребовалось бы лишь легкое касание. Джон Грей представил, как запускает сзади пальцы под эту густую, блестящую шевелюру, пробегает рукой вверх, касается гладкого теплого затылка...

Его рука непроизвольно сжалась в кулак, словно на самом деле почувствовав это прикосновение.

– Ваш ход, майор.

Тихий голос шотландца вернул его к реальности. Майор сел на свое место и устремил невидящий взгляд на шахматную доску.

Впрочем, даже не глядя, он остро ощущал движения гостя. Воздух вокруг Фрэзера казался наэлектризованным, не позволяя не смотреть на него. Чтобы как-то замаскировать свои чувства, Грей взял бокал с хересом и пригубил, почти не ощущая вкуса.

Фрэзер сидел неподвижно, как статуя, и только глаза, изучавшие шахматную доску, жили на его лице. В свете догорающего камина линии мощного тела были подчеркнуты тенью. Рука, окрашенная игрой огня в черный с золотом цвет, покоилась на столе, такая же неподвижная и совершенная, как стоящая рядом пешка, выбывшая из игры.

Грей потянулся к слону на ферзевом фланге, и голубой камень в его перстне предостерегающе вспыхнул.

«Это неправильно, Гектор? – подумал он. – То, что я могу полюбить человека, который, возможно, убил тебя?»

Но может быть, то была попытка исправить прошлое, залечить раны, полученные при Куллодене ими обоими?

Слон с мягким стуком встал на нужную клетку, а рука Грея, словно уже и не принадлежавшая ему и действовавшая по собственной воле, легла сверху на ладонь Фрэзера.

Она была теплой – такой теплой! – но твердой и неподвижной, как мрамор. Ничто не двигалось на столе, только пламя мерцало в глубине хереса. И тогда Грей поднял глаза, и взгляды их встретились.

– Уберите свою руку с моей, – очень тихо произнес Фрэзер. – Или я убью вас.

Рука под ладонью Грея не шелохнулась, как не изменилось и выражение лица шотландца, но майор физически ощутил пронизывавшую его гостя дрожь негодования, спазм ненависти и отвращения.

Совершенно неожиданно он снова вспомнил предупреждение Кворри, прозвучавшее в сознании так же отчетливо, как если бы было произнесено сейчас ему на ухо: «Если будете ужинать с ним наедине, не поворачивайтесь к нему спиной».

Какое уж тут «спиной»! У него не было сил просто отвернуться. Даже отвести взгляд, или моргнуть, или хоть как-то вырваться из-под власти темно-голубых глаз, сковавших его намертво. Замедленным, словно он стоял на неразорвавшейся мине, движением Грей отвел руку назад.

Наступила тишина, нарушаемая лишь стуком дождя да потрескиванием горевшего в камине торфа. Казалось, будто некоторое время ни один из них даже не дышал. Потом Фрэнзер молча поднялся и вышел из комнаты.

Глава 12

Жертвоприношение

Холодный ноябрьский дождь поливал камни внутреннего двора и ряды выстроившихся там, промокших до нитки угрюмых узников. Впрочем, стоявшие в оцеплении красные мундиры промокли не меньше и выглядели так же уныло.

Майор Грей ждал под козырьком крыши. Конечно, погода для проведения общей уборки камер была не лучшей, но ждать в это время года солнечного дня было бесполезно, а при наличии в не столь уж большой тюрьме двух сотен заключенных камеры, во избежание вспышек заразных болезней, необходимо драить не реже чем раз в месяц.

Двери в главную камеру распахнулись, и группа проверенных заключенных, занимавшихся уборкой под бдительным присмотром стражников, вышла наружу. Позади всех вышагивал капрал Данстейбл с охапкой предметов, изъятых, как всегда, при проводившемся одновременно с уборкой обыске.

– Обычный хлам, сэр, – доложил он, складывая свою добычу на стоявшую у локтя майора бочку. – Если что и заслуживает внимания, то вот это.

«Это» представляло собой кусочек ткани шесть дюймов на четыре, лоскут от зеленого в клетку тартана. Данстейбл скользнул взглядом по лицам понурых узников, словно надеясь, что кто-то из них себя выдаст.

Грей вздохнул и расправил плечи.

– Да, пожалуй, да.

Согласно королевскому указу горцам запрещалось носить традиционную одежду, и наличие у кого-либо тартана являлось несомненным нарушением. А всякое нарушение подлежало наказанию.

Майор шагнул вперед, а капрал поднял лоскут и громко, на весь двор, прокричал:

– Чье это? А ну, сознавайтесь!

Грей перевел взгляд с клочка яркой ткани на ряд узников, мысленно перебирая их имена в попытке соотнести их со своими не столь уж обширными познаниями по части пледов. В деталях узоры существенно различались даже в пределах одного клана, однако для каждого было характерно некое определенное сочетание цветов.

Макалестер, Хейс, Иннес, Грэм, Макмартри, Маккензи, Макдональд... Стоп. Маккензи. Вот то, что надо! Ответ офицеру подсказали не столько знания о соответствии тех или иных цветов пледа определенному клану, сколько то, что он уже успел присмотреться к узникам. Маккензи, например, вызывал подозрение хотя бы тем, что его лицо всегда оставалось невозмутимым. Не слишком ли хорошо он владел собой для столь молодого человека?

– Это твой плед, Маккензи, верно?

Грей выхватил клочок ткани у капрала и сунул его под нос юноше. Лицо узника под разводами грязи побледнело. Рот свело судорогой, и он тяжело дышал через нос со слегка свистящим звуком.

Грей сверлил парнишку торжествующим взглядом. Да, конечно, юный шотландец, как и все они, испытывал к врагам непримиримую ненависть, но по молодости лет не сумел спрятаться за стеной стоического безразличия, и теперь майору было ясно, что стоит чуть-чуть дожать – и он сломается.

– Это мой плед.

Спокойный, чуть ли не скучающий голос прозвучал так тихо и равнодушно, что ни Маккензи, ни Грей его не сразу восприняли. Они стояли, глядя друг на друга, пока протянувшаяся из-за плеча Энгюса Маккензи большая рука не забрала клочок ткани из руки офицера.

Джон Грей отступил назад, словно его ударили под дых. Забыв о Маккензи, он поднял взгляд на несколько дюймов, необходимых, чтобы посмотреть на Джеймса Фрэзера.

– Это не цвета Фрэзеров, – еле выговорил он, потому что губы его одеревенели, как и все лицо, чему, впрочем, он мог только радоваться, ибо эта маска не могла выдать смятения чувств, каковое никак нельзя было обнаруживать перед толпой узников.

Рот Фрэзера слегка приоткрылся. Взгляд Грея был прикован к нему, потому что встретиться со взором темно-голубых глаз майор боялся.

– Верно, – подтвердил шотландец. – Это тартан Маккензи. Клана моей матери.

В каком-то дальнем уголке сознания Грея сохранилась, словно в папке с надписью «Джейми» на обложке, подборка сведений о семейных связях шотландца. Он знал, что мать его действительно была из клана Маккензи. Так же точно, как то, что тартан, конечно же, ему не принадлежит.

Майор услышал себя будто со стороны. Голос его звучал спокойно и невозмутимо.

– Владение тартанами клана запрещено законом. Вы, конечно, знаете, какое полагается за это наказание?

Широкий рот искривился в усмешке.

– Знаю.

По рядам узников пробежал ропот. Настоящего движения вроде бы и не было, но Грей почувствовал выравнивание и уплотнение, как будто они подтягивались к Фрэзеру, окружали его, обступали, присоединялись к нему. Кружок распался и сформировался снова, а комендант остался за его пределами.

Джейми Фрэзер вернулся к своим.

Усилием воли Грей заставил себя отвести взгляд от мягких губ, слегка потрескавшихся от солнца и ветра. Выражение глаз шотландца было тем самым, какого он боялся: в них не было ни страха, ни гнева – только безразличие.

Комендант подал знак страже.

– Взять его!

Майор Джон Уильям Грей склонил голову над письменным столом и подписывал бумаги одну за другой, практически не читая. Ему редко случалось засиживаться за работой до столь позднего часа, но нынче днем времени совсем не было, а документов накопилась уйма.

«Две сотни фунтов пшеничной муки», – написал он, стараясь сосредоточиться на том, чтобы выходявшие из-под его пера ряды черных закорючек выглядели аккуратно.

Хуже всего в этой бумажной рутине было то, что время она отнимала, а вот мысли не занимала и не помогала избавиться от неприятных воспоминаний.

«Шесть больших бочек эля для нужд гарнизона».

Он отложил перо и сильно потер руки: утром во внутреннем дворе его пробрало холодом до костей, и это противное зябкое ощущение оставалось с ним по сию пору. Очаг полыхал вовсю, но помогал мало, тем более что Грей не подходил к нему и избегал смотреть на огонь. Хватит уже. Раз попробовал и застыл, как замороженный, увидев в пламени картину произошедшего в этот день. Спихватился майор, лишь когда огонь опалил его мундир.

Вздохнув, Грей снова взялся за перо, стараясь усилием воли отогнать встающее пред внутренним взором зрелище...

С исполнением приговоров такого рода лучше не тянуть: ожидание вызывает среди заключенных нервозность, что чревато непредсказуемыми последствиями, а вот быстрая и неотвратимая кара способна оказать дисциплинирующее воздействие и привить узникам должное почтение к начальству, страже и тюремным порядкам. Правда, надежд, что этот случай добавит уважения к нему лично, Джон Грей не питал.

Несмотря на странное ощущение, будто кровь в его жилах обратилась в ледяную воду, он, не повышая голоса, быстро и четко отдал необходимые приказы, столь же быстро и четко приведенные в исполнение.

Заключенных выстроили рядами вдоль четырех сторон внутреннего двора под присмотром солдат, стоявших с багинетами наготове, чтобы мгновенно пресечь любую попытку воспрепятствовать экзекуции.

Но никаких попыток сопротивления, никаких беспорядков не последовало. Заключенные смиренно ждали в промозглой тишине внутреннего двора, нарушаемой лишь кашлем и тому подобными звуками, обычными для скопища людей, по большей части простуженных. Наступала зима, а в это время года простуда была обычным явлением не только в сырых камерах, но и в казармах.

Заложив руки за спину, Грей наблюдал, как узника повели на помост. Капли дождя затекали коменданту за ворот, заставляя ежиться, в то время как обнаженный по пояс Фрэзер держался так, словно предстоящая процедура была для него привычной и не имела никакого значения.

Когда его по знаку майора взяли за руки и привязали их к перекладинам столба для порки, он не сопротивлялся. Рот заткнули кляпом. Фрэзер стоял прямо, дождь стекал по его поднятым рукам и спине, пропитывая тонкую ткань штанов.

Кивок сержанту, державшему свиток с постановлением об экзекуции, вызвал маленький водопад с полей шляпы коменданта. Грей раздраженно поправил шляпу и намочивший парик и вновь принял официальную позу, успев услышать, как зачитывают обвинение и приговор:

– ...во исполнение закона о запрете килтов и тартанов, принятого парламентом его величества, совершивший указанное преступление приговаривается к наказанию шестьюдесятью ударами плетью.

Грей с привычной отстраненностью бросил взгляд на сержанта-кузнеца, которому было поручено произвести порку; ни для начальника, ни для подчиненного это было не впервой. Поскольку дождь продолжался, майор воздержался от кивка и просто произнес полагающиеся по уставу слова:

– Мистер Фрэзер, примите наказание.

Он стоял, не отводя глаз под слегка опущенными веками, и наблюдал, как обрушиваются глухие удары плетью, и слышал хриплое дыхание узника.

Мускулы наказуемого в инстинктивном сопротивлении боли отчаянно напрягались, буграми выступая под кожей, и собственные мышцы майора заныли так, что по ходу экзекуции ему пришлось переминаясь с ноги на ногу. Спина Фрэзера окрасилась кровью, которая, смешиваясь с дождевой водой, стекала вниз, пачкая его штаны.

Грей ощущал присутствие позади себя и солдат, и заключенных, но все взгляды были прикованы к помосту и фигуре на нем. Даже покашливание прекратилось.

Но поверх всех ощущений, словно липкий слой грязи, накладывалось чувство отвращения к себе, вытекавшее из осознания того прискорбного факта, что его глаза прикованы к этой сцене вовсе не из чувства долга. Истиной причиной была полная неспособность оторвать взгляд от потока крови и дождя, сбегавшего по мускулам, сведенным болью.

Сержант-кузнец наносил удары, делая лишь короткие паузы. Он немного торопился: как и всем, ему хотелось поскорее покончить с этим делом и уйти в тепло. Гриссом громко отсчитывал удары и отмечал каждый в протоколе наказания. Время от времени сержанту приходилось пропускать плетью между пальцами, чтобы очистить от крови и кусочков плоти. Потом он встряхивал ее, раскручивал над головой и вновь обрушивал на спину узника.

– Тридцать! – выкрикнул сержант...

Майор Грей выдвинул нижний ящик письменного стола, и его вырвало прямо на аккуратную стопку документов.

* * *

Его ногти глубоко вонзились в ладони, но дрожь не унималась. Она засела глубоко в костях, как зимний холод.

– Накройте его одеялом; я сейчас им займусь.

Голос врача-англичанина, казалось, доносился издалека, он не ощущал никакой связи между этим голосом и руками, которые решительно обхватили его за плечи.

Он вскрикнул, когда они переместили его, поскольку при этом движении едва подсохшие раны на спине лопнули. Заструившаяся по ребрам кровь усугубила дрожь, несмотря на то что ему на плечи набросили грубое одеяло.

Он вцепился в края лавки, на которой лежал, вжавшись щекой в дерево, закрыв глаза, пытаясь справиться с проклятой трясучкой. Где-то в комнате послышались шорох и шарканье, но ему, мучительно стискивавшему зубы, было не до того.

Дверь закрылась, и наступила тишина. Неужели они оставили его одного?

Нет, рядом с его головой послышались шаги, и одеяло опустили вниз, открыв исполосованную спину.

– Хм. Досталось тебе, да, парень?

Он не отозвался; впрочем, ответа и не ожидали. Врач отвернулся, а потом он почувствовал, как рука под его щекой приподняла голову. Под лицо подсунули полотенце, отделив кожу от грубого дерева.

– Сейчас я очищу раны, – прозвучал бесстрастный голос.

Когда рука коснулась спины, он выдохнул сквозь стиснутые зубы, услышал странный скулящий звук и, поняв, что звук этот вырвался у него, устыдился.

– Сколько тебе лет, парень?

– Девятнадцать, – успел ответить он, прежде чем закусил губу, подавляя очередной стон.

Некоторое время доктор мягко касался его спины тут и там, потом поднялся, и он услышал звук опускающегося засова.

– Теперь никто сюда не войдет, – доброжелательно произнес вернувшийся к нему врач. – Так что можешь кричать.

* * *

– Эй! – упорно взывал чей-то голос – Приди в себя, приятель!

Он медленно пришел в сознание, ощутил под щекой грубое дерево и не сразу сообразил, где находится. Возникшая из темноты рука слегка прикоснулась к его щеке.

– Ты скрипел зубами во сне, приятель, – прошептал голос – Очень больно, да?

– Ничего, терпеть можно, – пробормотал он, но, когда попытался приподняться, боль уже не во сне, а наяву обожгла его спину так, что он невольно издал хриплый стон и рухнул обратно на скамью.

Ему повезло: жребий осуществлять порку выпал Доусу, крепкому, средних лет служаке могучего сложения, но не жестокого нрава, не любившему экзекуций и исполнявшему наказания лишь постольку, поскольку это входило в его обязанности. Однако шестьдесят ударов плетью, даже нанесенные без энтузиазма, не могли остаться без последствий.

– Эй, ты что? Нужно разогреть, но не так. Или ты хочешь его ошпарить? – В голосе Моррисона прозвучал укор.

Ну конечно, Моррисон, как же без него.

«Любопытно, – подумал он смутно. – Всякий раз, когда собирается группа людей, каждый находит себе подходящее занятие, пусть даже они никогда не занимались этим раньше».

Моррисон, как и большинство из них, был работником на ферме. Скорее всего, умел хорошо управляться с живностью, но не особо думал об этом. Теперь же он сделался знахарем и природным целителем, к которому обращались за советом хоть с резами в животе, хоть со сломанным пальцем. Может быть, на деле Моррисон знал и умел лишь чуточку больше остальных, но, захворав, люди обращались к нему, так же как обращались к Макдью за утешением и советом. И за справедливостью.

На спину ему положили горячую, дымящуюся ткань, и раны защищало так, что у него вырвался стон, а сдержать крик удалось, лишь сцепив намертво зубы. И тут же на спину мягко легла маленькая ладонь Моррисона.

– Терпи, приятель, пока боль не пройдет.

Когда кошмар развеялся, он заморгал, пытаясь понять, что ему говорят и кто находится рядом. Оказалось, что он лежит в затененном углу большой камеры, близ очага. От огня поднимался пар, должно быть, в котле кипела вода. Он увидел, как Уолтер Маклеод опустил в кипяток ворох тряпич. Отблески огня придавали темной бороде и бровям Маклеода красноватый оттенок. Когда нагретые тряпки на его спине остыли до успокаивающего тепла, он закрыл глаза и погрузился в полудрему, убаюкиваемый тихим разговором находящихся поблизости людей.

Оно было привычным, это состояние сонной отстраненности. Подобное ощущение он испытывал с тех пор, как протянул руку через плечо молодого Энгюса и зажал в кулаке обрывок ткани тартана. Как будто с того момента, когда он принял это решение, невидимый занавес отделил его от окружающих и он остался один в некоем тихом пространстве, бесконечно отдаленный от всех и вся.

Как во сне, он последовал за стражником, обнажился по пояс, когда ему было велено, взошел на помост, услышал, не вникая, слова приговора, не обратил внимания ни на узлы, стянувшие запястья, ни на хлеставший по спине холодный дождь. Казалось, будто все это уже происходило раньше, ничто ничего не могло изменить; все было предначертано заранее.

Что касается телесного наказания, то он вынес его без размышлений и сожалений, для которых не было места. Все силы ушли на то, чтобы не поддаться боли.

– Тише, тише...

Рука Моррисона остановилась на его шее, чтобы не дать ему шевельнуться, когда остывшие мокрые тряпки сменили на свежую горячую припарку, на миг обострившую все ощущения.

Правда, при его нынешнем странном состоянии ума интенсивность всех чувств казалась равной. Он мог бы, если постараться, ощутить каждый отдельно взятый удар по его спине, увидеть каждый мысленным взором как яркую цветную полосу, рассекающую воображаемый темный фон. Но боль от кровавых рубцов, исполосовавших его от ребер до плеч, ничуть не пересиливала блаженную легкость в ногах, саднящее ощущение в запястьях или даже щекочущее прикосновение волос к щеке.

Его пульс медленно и равномерно отдавался в ушах, а дыхание существовало как бы само по себе, отдельно от вздымающейся и опадающей груди. Он существовал лишь как коллекция фрагментов, набор маленьких элементов со своими собственными ощущениями, и ни один из них не имел особого значения для общего восприятия.

– Давай, Макдью, – прозвучал голос Моррисона рядом с его ухом. – Подними голову и выпей это.

На него резко пахнуло виски, и он попытался отвернуться.

– Мне этого не нужно.

– Нужно, – сказал Моррисон с неколебимой убежденностью в собственной правоте, присущей, похоже, всем знахарям, докторам и целителям, не сомневающимся в том, что все нужды и потребности пациентов известны им куда лучше, чем самим подопечным.

Ни сил, ни желания спорить у него не было, потому он открыл рот и пригубил виски, чувствуя, как шейные мускулы дрожат от напряжения.

Виски добавило свою долю к хору наполнявших его ощущений. Жжение в горле и желудке, резкое пощипывание в задней части носа и некое смятение в голове, которое сказало ему, что он выпил слишком много и слишком быстро.

– Чуть побольше, еще немножко, а? – стал уговаривать его Моррисон. – Славный малый, молодчина. Так-то оно лучше, верно?

Бормоча слова одобрения, плотный Моррисон все время старался держаться так, чтобы загородить от Фрэзера своим телом значительную часть камеры. Из высокого окошка тянуло сквозняком, но он ощущал вокруг больше движения, чем можно было бы объяснить одним лишь ветром.

– Ну как спина? Завтра, когда все затянется, тебе придется держаться прямо, словно аршин проглотил, но это не навсегда, и, вообще, по моему разумению, дело не настолько плохо, как могло бы быть. Но конечно, тебе не повредит еще выпить.

К его губам настойчиво прижался ободок роговой чаши.

Моррисон продолжал говорить, довольно громко и, в общем-то, ни о чем, и это насто- раживало. Ну не любил Моррисон попусту молоть языком, не был он болтуном. Не понимая, в чем тут загвоздка, Фрэзер поднял голову, пытаясь понять, что происходит, но Моррисон снова вдавил ее вниз.

– Не дергайся, Макдью, – шепнул он. – Этого тебе все равно не остановить.

Непонятные звуки, которые пытался скрыть от него Моррисон, исходили из дальнего угла камеры. Какая-то возня, стук, потом равномерные глухие удары, надсадное дыхание и скулящие стоны.

Сокамерники били молодого Энгюса Маккензи. Фрэзер напрягся, но от этого уси- лия его обожгло болью. Голова закружилась, а Моррисон снова надавил на него, вынуждая лежать.

– Не дергайся, Макдью, – произнес он тоном, в котором звучали и властность, и при- мирение с неизбежным.

Голова снова закружилась, и он оставил попытки приподняться, поняв, что Моррисон прав и ему сейчас их не остановить.

Он лежал неподвижно, закрыв глаза, и в ожидании, когда же смолкнут звуки расправы, невольно гадал, кто явился ее инициатором. Скорее всего, по его разумению, Синклер. Но наверняка не обошлось без активного участия Хейса и Линдси.

И похоже, они просто не могли поступить иначе, как не мог он или Моррисон. Люди делают то, для чего рождены. Один лечит, другой калечит – кому что на роду написано.

Звуки прекратились, слышалось лишь приглушенное, всхлипывающее тяжелое дыха- ние. Плечи Джейми расслабились, и он не шевельнулся, когда Моррисон убрал последнюю влажную припарку и бережно промокнул спину, убирая остаток влаги. Правда, сквозняк из окна заставил его поежиться от неожиданного холода, и он плотно сжал губы, чтобы не издать ни звука. Сегодня днем ему заткнули рот кляпом, и правильно сделали, а то много лет назад, при первой порке, он чуть не откусил себе нижнюю губу, только чтобы не кричать.

Кружку с виски прижали к его губам, но на сей раз он отвернулся, и кружку без воз- ражений убрали. В другом месте она найдет более радушный прием. Скорее всего, у Мил- лигана, ирландца.

У одного человека слабость к выпивке, у другого ненависть к ней. Один человек люби- тель женщин, а другой...

Он вздохнул и слегка пошевелился на твердой дощатой койке. Моррисон накрыл его одеялом и ушел. Он чувствовал себя опустошенным и разбитым, но некоторые мысли, приютившиеся где-то в дальнем уголке сознания, в стороне от остальных, уже прояснились.

Моррисон унес с собой и свечу, она горела в дальнем конце камеры, где, сгрудившись, сидели люди, выглядевшие на фоне света черными фигурами, безликими, но обрамленными золотистым свечением, подобно образам святых в старинных трюбниках.

Интересно, откуда они взялись, эти дары, которые формируют природу человека? От Бога?

Похоже ли это на нисхождение Заступника и языки пламени, сошедшие на апостолов? Он вспомнил картину на сюжет из Библии, висевшую в гостиной его матери: апостолы, увенчанные огнем, сами потрясены до испуга случившимся с ними и в своей растерянности похожи на зажженные для пиршества восковые свечи.

Улыбаясь этому воспоминанию, он закрыл глаза, и на его веках заиграли отблески свечей.

Клэр, его Клэр, которая знала, что послало ее к нему, ворвалась в жизнь, для которой явно не была рождена. И все же, несмотря на это, она знала, что делать, что ей суждено делать. А ведь далеко не каждому дано это везение – осознать свой дар.

Рядом послышались осторожные шаги. Он открыл глаза и, хотя увидел только темную фигуру, сразу понял, кто это.

– Как ты, Энгюс? – спросил он тихо на гэльском.

– Я... в порядке. Но вы... сэр, я хочу сказать... я... мне так жаль...

Джейми ободряюще сжал ему руку.

– Я тоже в порядке, – сказал он. – Приляг, Энгюс, и отдохни.

Молодой человек склонился и поцеловал тыльную сторону его ладони.

– Можно мне побыть рядом с вами, сэр?

Его рука весила тонну, но он все равно ее поднял и положил на голову юноши. Потом рука соскользнула, но он почувствовал, что напряжение отпустило Энгюса: его прикосновение сделало свое благотворное дело.

Он был рожден вождем, но вынужден был склонить голову и с достоинством испить эту чашу до дна. Но каково человеку, который не рожден для той роли, которая ему выпала? Джону Грею, например, или Карлу Стюарту.

В первый раз за десять лет он смог найти в себе силы простить того слабого человека, который некогда был его другом. Вынужденный неоднократно платить цену, которую требовал его собственный дар, он смог наконец понять, как тяжела участь того, кто был королем по рождению, но не по предназначению и призванию.

Энгюс Маккензи сидел рядом с ним, прислонившись к стене. Он уронил голову на колени и тихо посапывал, закутавшись в одеяло. Фрэзер почувствовал, как сон подкрадывается к нему, суля воссоединение разрозненных частей его «я», и понял, что проснется поутру, вновь обретя целостность – но, конечно, еще не залечив болячки.

А вместе с этим к нему пришло облегчение, связанное с избавлением от многих тягот, прежде всего от тяжести неразделенной ответственности, необходимости принимать решения. Испытание исчезло вместе с возможностью ему поддаться, но, что более важно, ушло, может быть даже навсегда, и бремя гнева.

«Итак, – подумал он через собирающийся туман, – Джон Грей вернул мне мой удел и уже за одно это заслужил благодарность».

Глава 13

Миттельшпиль

Инвернесс, 2 июня 1968 года

Роджер нашел ее утром, свернувшуюся клубочком на диване в кабинете и укрытую пледом. Бумаги, вывалившиеся из папки, были небрежно разбросаны по полу.

Свет из высоких, от пола до потолка, окон струился внутрь, заливая кабинет, но спинка дивана затеняла лицо Клэр и не давала рассвету разбудить ее. Луч только что перебрался через изгиб пыльного бархата и запутался в прядях ее волос.

«Не лицо, а зеркало, во многих отношениях», – подумал Роджер, глядя на Клэр.

Ее кожа была так нежна, что на висках и горле просвечивали голубые прожилки, а черты лица были будто выточены из слоновой кости.

Плед соскользнул, обнажив плечи. Одна рука расслабленно покоилась на груди, так и не выпустив смятый листок бумаги. Роджер бережно приподнял ее руку, чтобы взять бумагу, не разбудив Клэр. Тяжелая от сна рука была поразительно теплой и гладкой.

Его взгляд сразу остановился на этом имени; он знал, что она должна была найти его.

– Джеймс Маккензи Фрэзер, – прошептал он и перевел взгляд с листка бумаги на спящую женщину.

Луч света коснулся изгиба ее уха; она чуть пошевелилась, повернула голову и снова погрузилась в сон.

– Не знаю, каким ты был, приятель, – обратился Роджер к невидимому шотландцу, – но раз заслужил ее, то наверняка представлял собой что-то стоящее.

Роджер осторожно поправил плед, укутав плечи Клэр, опустил жалюзи на окне и, присев на корточки, стал собирать разбросанные бумаги из папки Ардсмур. Ардсмур. Даже если в этих записях и не отражено, что случилось с Джейми Фрэзером, в тюремных архивах в конце концов обязательно найдутся о нем какие-то сведения. Может потребоваться еще одна вылазка в архивы шотландских горцев или поездка в Лондон, но следующий шаг уже определен, путь ясен.

Брианна спускалась по лестнице, когда он, двигаясь с преувеличенной осторожностью, закрыл за собой дверь кабинета. Она вопросительно посмотрела на него, и он с улыбкой поднял папку.

– Он найден, – прошептал Роджер.

Брианна промолчала, но улыбнулась в ответ, и эта улыбка озарила ее лицо, как ясное восходящее солнце.

Часть четвертая Озерный край

Глава 14 Джинива

Хэлуотер, сентябрь 1756 года

– Мне кажется, – осторожно заметил Грей, – вам стоит подумать о том, чтобы сменить имя.

Он не ожидал ответа: за четыре дня путешествия Фрэзер не сказал ему ни единого слова, ухитряясь избегать непосредственного общения даже в неловких ситуациях, когда приходилось располагаться в одной комнате таверны. Грей пожал плечами и улегся в постель, тогда как Фрэзер, не отреагировав ни жестом, ни взглядом, завернулся в поношенный плащ и устроился перед очагом. Почесываясь от множества укусов блох и клопов, Грей рассудил, что Фрэзер, возможно, выбрал лучший вариант для сна.

На следующий день Грей предпринял очередную попытку разговорить Фрэзера.

– Ваш новый хозяин не очень хорошо настроен по отношению к Карлу Стюарту и его сторонникам, поскольку потерял при Престонпансе единственного сына, – продолжил он, обращаясь к чеканному профилю своего спутника.

Гордон Дансени, молодой капитан из полка Болтона, был всего на несколько лет старше его самого. Они оба могли пасть на том поле, не случись встречи в лесу близ Кэрриарика.

– Вы вряд ли можете надеяться скрыть тот факт, что вы шотландец и к тому же горец. Однако если вы снизойдете до того, чтобы принять добрый совет, то, право же, было бы осмотрительнее не использовать столь известное имя как ваше собственное.

Каменное выражение лица Фрэзера совершенно не изменилось. Он прищпорил лошадь и направил ее в обгон гнедого коня Грея, выискивая следы тропы, которую смыло недавнее наводнение.

Время близилось к вечеру, когда они пересекли арку Эшнесского моста и начали спуск по склону в сторону озера Уотенлеф. Озерный край Англии совсем не похож на Шотландию, подумал Грей, но, по крайней мере, здесь тоже есть горы. С более мягкими очертаниями, пологими склонами, далеко не столь грозные и суровые, как отвесные утесы горной Шотландии, но все-таки горы.

Ветерок ранней осени нагонял рябь на мрачные воды озера Уотенлеф с его болотистыми, густо заросшими осокой и тростником отмелями. В этом году летние дожди были обильнее, чем обычно, озеро вышло из берегов, и верхушки затопленных кустов торчали над лениво колыхавшейся водой.

На вершине следующего холма тропа расходилась в двух направлениях. Фрэзер, ехавший на некотором расстоянии впереди, придержал лошадь в ожидании указаний, и ветер разметал его волосы. В то утро он не заплел их, и огненные пряди вздымались над его головой, как языки пламени.

Хлюпая по грязи вверх по склону, Джон Уильям Грей поднял взгляд на своего спутника, и у него перехватило дыхание: не будь этой развевающейся гривы, Фрэзера можно было бы принять за бронзовую конную статую.

– О Люцифер, сын зари⁶, – прошептал Грей, облизав губы, но воздержался от того, чтобы произнести остаток цитаты.

Для Джейми четырехдневная поездка в Хэлуотер обернулась сплошным мучением. Неожиданная иллюзия свободы в соединении с уверенностью в ее неизбежной утрате внушала ему недобрые предчувствия относительно неизвестного ему места назначения.

К этому чувству добавлялись гнев и печаль, порожденные расставанием с товарищами и с горной Шотландией, усугубленные пониманием того, что расстались они, возможно, навсегда, ну и, наконец, вульгарная боль в седалищных мышцах, вызванная тем, что он отвык от седла. Все это в совокупности причиняло ему страдания, и лишь данное слово удерживало шотландца от того, чтобы, выбрав укромное местечко, стащить майора Джона Уильяма Грея с седла и придушить.

Слова Грея эхом отзывались в ушах, наполовину заглушенные прерывистым ритмом его гневной крови, когда несколькими днями раньше он стоял в кабинете коменданта.

– Поскольку обновление крепости в основном завершено – с помощью вас и ваших людей, – Грей позволил себе нотку иронии в голосе, – заключенных переведут в другое место, а в крепости Ардсмур разместится гарнизон в составе подразделений его величества двенадцатого драгунского полка.

Военнопленных шотландцев переправят в американские колонии, – продолжил он. – Их продадут колонистам на условиях семилетнего рабочего контракта.

Джейми старался держаться бесстрастно, но, услышав эту новость, почувствовал, что лицо и руки онемели от потрясения.

– Рабочий контракт? Это все равно что семилетнее рабство!

Но на самом деле он думал даже не об этом. Одно слово звучало в его сознании: Америка!

Страна первозданных лесов, населенная дикарями и, главное, отделенная от Британии тремя тысячами миль бурной водной пустыни. Семь лет рабства – это одно, но принудительные работы за океаном, в Америке, – это, по существу, пожизненное изгнание из Шотландии!

– Рабочий контракт – это не рабство, – заверил его Грей, но майор не хуже шотландца знал, что помимо формального названия разница заключается только в том, что такого рода работник (если останется в живых) по истечении означенного срока вернет себе свободу.

Во всем же прочем осужденный являлся самым настоящим рабом того человека, которому его продавала казна: хозяин мог подвергать его телесным наказаниям, включая порку и клеймение, и не имел права лишь казнить его. Рабу было запрещено покидать господина без его дозволения.

Как теперь было запрещено и Джеймсу Фрэзеру.

– Вас не отправят с остальными, – продолжил Грей, глядя в сторону. – Вы не просто военнопленный, вы осужденный изменник, приговоренный к тюремному заключению, и ваш приговор может быть пересмотрен лишь лично его величеством. А его величество не считает нужным заменять для вас меру наказания отправкой в колонии.

Эти слова породили у Джейми сложную гамму чувств: помимо гнева и искреннего сочувствия к товарищам он ощутил (и осознал это) искорку постыдного облегчения, связанного с тем, что, какова бы ни была его судьба, ему не придется вверять себя морю. Пристыженный этим пониманием, он обратил холодный взгляд на Грея.

– Золото, – невыразительно произнес он. – В этом все дело, верно?

⁶ Исаия, 14, 12. Полностью в русском переводе строфа звучит так: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы».

Пока оставалась слабая надежда на то, что из него удастся вытянуть сведения о полумифическом сокровище, английская корона не допустит, чтобы он сгинул в морской пучине или стал жертвой дикарей в колониях.

Майор, по-прежнему глядя в сторону, молча пожал плечами, как бы соглашаясь.

– И куда же меня отправят?

Он сам услышал в своем голосе неприятную, тревожную хрипотцу.

Грей принялся убирать свои записи. Было начало сентября, и теплый ветерок дул в приоткрытое окно, вороша бумаги.

– Это место называется Хэлуотер. В Озерном крае Англии. Вас передадут в распоряжение лорда Дансени, которому вы будете служить в том качестве, какое он сочтет нужным.

Грей поднял голову, но прочесть что-либо в его светло-голубых глазах было невозможно.

– Раз в три месяца я буду посещать вас – с проверкой.

И вот теперь, когда они ехали один за другим, Джейми смотрел на затянутую в красный мундир спину майора и, пытаясь хотя бы в мыслях найти освобождение, рисовал воображаемую картину расправы. Он представлял себе, как выкатятся эти голубые глаза, когда его руки сожмут, словно тиски, тонкое горло, и жилистое тело забьется в судорогах, пока не обмякнет, как удушенный кролик.

Его величество? Как же! Нет уж, его не проведешь. Золото здесь всего лишь предлог, а остальное – дело рук Грея. Чертов майор устроил так, чтобы его отдали в услужение туда, где сам майор сможет надзирать над ним и злорадствовать. Такова его месть.

По вечерам, укладываясь перед очагом в таверне, он мучился не столько от боли в каждой мышце, сколько от ярости и негодования и с теми же чувствами встречал рассвет. Дыхание спутника, каждое его шевеление приводили Джейми в бешенство, и он отчаянно мечтал о том, чтобы Грей позволил себе какую-нибудь непристойную выходку, которая смогла бы освободить его от данного слова. Однако Грей лишь посапывал, и жажда убийства оставалась неутоленной.

Они пересекли мост Хэлвеллин и проехали вдоль берега очередного из здешних чудных, заросших травой озер, под кленами и лиственницами, красные и желтые листья которых, кружа и шелестя на ветру, липли к вспотевшему крупу коня и задевали лицо Джейми. И тут Грей, ехавший впереди, придержал лошадь и обернулся в седле.

Значит, они добрались. Склон круто спускался в долину, где, полускрытый осенними деревьями, стоял усадебный дом.

Перед Фрэзером раскинулся Хэлуотер, а с ним перспектива жизни в постыдном рабстве. Он выпрямился в седле и ударил лошадь пятками в бока сильнее, чем того хотел.

Грея приняли в главной гостиной. Лорд Дансени великодушно не обратил внимания на его запыленную одежду и грязные сапоги, а леди Дансени, невысокая полная женщина с выцветшими светлыми волосами, в полной мере проявила гостеприимство.

– Выпить, Джонни, с дороги тебе обязательно нужно выпить. И, Луиза, моя дорогая, может быть, ты приведешь девочек поздороваться с нашим гостем.

Когда леди Дансени повернулась, чтобы отдать распоряжения лакею, его лордство склонился над бокалом и вполголоса спросил:

– Шотландский пленник – ты привез его с собой?

– Да, – ответил Грей.

Леди Дансени, занятая оживленным разговором с дворецким относительно изменений в меню обеда, вряд ли могла услышать, но он счел за благо говорить тихо.

– Я оставил его в передней, поскольку мне неизвестно, что ты собираешься с ним делать.

– Ты говорил, что этот малый умеет управляться с лошадьми? Значит, лучше всего сделать его конюхом, как ты и предлагал.

Лорд Дансени бросил взгляд на жену и предусмотрительно повернулся к ней спиной, чтобы обеспечить полную конфиденциальность разговора.

– Я не говорил Луизе, кто он такой, – продолжил баронет. – Знаешь ведь, какие страшные слухи ходили о горцах во время восстания – страна была просто парализована страхом. И она так и не оправилась после смерти Гордона.

– Я понимаю.

Грей сочувственно погладил руку старика, думая, что и сам Дансени не оправился после смерти сына, хотя и не давал воли скорби ради жены и дочерей.

– Я просто скажу ей, что этот человек слуга, которого ты мне порекомендовал. Э-э... он надежен, конечно? Я имею в виду... в общем, девочки...

Лорд Дансени бросил на жену беспокойный взгляд.

– Совершенно надежен, – заверил его Грей. – Это порядочный человек, и он дал слово. Он не будет ни входить в дом, ни покидать границы ваших владений, не получив на то особого дозволения.

Он знал, что Хэлуотер раскинулся более чем на шестистах акрах. Конечно, это далеко от свободы и от Шотландии, но, может быть, лучше, чем каменные узилища Ардсмур или мытарства в далеких колониях.

Дансени повернулся на звук отворившейся двери, и лицо его при виде двух дочерей осветилось радостью.

– Ты ведь помнишь Джиниву, Джонни? – спросил он, подталкивая гостя вперед. – А Изабель? Когда ты приезжал в последний раз, она была малюткой. Как время-то летит, правда?

Лорд с грустью покачал головой.

Теперь Изабель минуло четырнадцать – она была маленькой и пухленькой, как ее мать. Что же до Джинивы, то на самом деле Грей ее не помнил – точнее, та нескладная девчушка, которую он помнил, ничуть не походила на изящную семнадцатилетнюю девушку, протянувшую ему сейчас руку. Если Изабель была похожа на мать, то Джинива скорее удалась в отца. Она была высокой и стройной. Обильно тронутые сединой волосы лорда Дансени, возможно, прежде имели тот же блестящий каштановый цвет, ну а уж ясные серые глаза девушки точно были глазами отца.

Девушки вежливо поздоровались с гостем, но было видно, что их интересует что-то другое.

– Папа, – сказала Изабель, потянув отца за рукав, – там, в холле, какой-то мужчина. Огромный! Он смотрел на нас все время, пока мы спускались по лестнице! У него пугающий вид!

– Кто это, папа? – спросила Джинива.

Она проявляла бóльшую сдержанность, чем сестра, но заинтересована была явно не меньше.

– Э-э... ну, это, должно быть, новый конюх, которого привез нам Джон, – суетливо объяснил лорд Дансени. – Я велю одному из слуг отвести его...

Баронета прервало неожиданное появление в дверях лакея.

– Сэр, – вымолвил слуга, всем своим видом выражая крайнее потрясение. – В холле шотландец!

И, дабы никто не усомнился в этом невероятном заявлении, он обернулся и сквозь дверной проем широким жестом указал на рослого человека в плаще, молча стоявшего позади него.

Услышав это, незнакомец шагнул вперед и, найдя взглядом лорда Дансени, учтиво склонил голову.

– Меня зовут Алекс Маккензи, – произнес он с мягким горским акцентом и вежливо, без намека на иронию, поклонился лорду Дансени. – Ваш слуга, милорд.

Для того, кто привык к деятельной жизни на горной шотландской ферме, не говоря уж о каторжных работах по заготовке торфа, обязанности конюха в Озерном крае не должны были показаться утомительными. Однако Джейми после отправки его товарищей за море целых два месяца просидел в тесной камере в полном безделье, и в первое время это была для него не работа, а сущие муки ада. Отвыкшие от напряжения мышцы отчаянно болели, а усталость одолевала такая, что в течение первой недели, вернувшись к вечеру на свой сеновал, он валился чуть ли не замертво и даже не видел снов.

В Хэлуотер Джейми прибыл в состоянии крайнего душевного смятения, и поначалу это место казалось ему всего лишь очередной тюрьмой, тем худшей, что он находился далеко от Шотландии, один, среди чужих людей. Но время шло, и, хотя данное слово удерживало его в заточении надежнее, чем стальные решетки, он начинал оттаивать. По мере того как крепло тело, легче становилось и на душе, благо в нынешней ситуации компания лошадей его вполне устраивала. К нему возвращалась способность трезво оценивать положение, и он начинал осознавать, что пусть у него и нет настоящей свободы, но свежий воздух, свет, возможность размять затекшие члены, вид гор и чудесные кони, которых выращивал лорд Дансени, – это не так уж мало. Остальные конюхи и прислуга, понятное дело, относились к нему настороженно, но проявлять открытую неприязнь ввиду его внушительного сложения и грозной физиономии никто не решался. Что же до одиночества, то Джейми свыкся с той мыслью, что жизнь его вряд ли изменится.

Мягкий снег накрыл Хэлуотер, и даже официальные визиты майора Грея – при всей их напряженной неловкости – не могли потревожить спокойствия, крепнущего в душе Джейми.

Мало-помалу ему удалось наладить связь с Дженни и Айеном, так что теперь с редкой оказией он получал из Шотландии письма, которые по прочтении безопасности ради уничтожал. Помимо этих нечастых посланий единственным напоминанием о доме были четки из бука, которые он носил на шее, пряча под рубашкой.

Дюжину раз на дню Джейми касался маленького крестика, который лежал у него на сердце, всякий раз представляя себе лицо любимой, с кратким словом молитвы – за сестру, Дженни, Айена и детей – его тезку, юного Джеймса, Мэгги и Кэтрин Мэри, за близнецов Майкла и Джанет и за малыша Айена. За арендаторов Лаллиброха, за товарищей по заточению из Ардсмур. И неизменно первой его молитвой поутру и на ночь, а часто и между ними, была молитва о Клэр. Господи, да пребудет она в безопасности. Она и дитя!

К тому времени, когда сошел снег и повеяло весной, спокойное существование Джейми Фрэзера нарушалось лишь одним фактором – присутствием леди Джинивы Дансени.

Хорошенькая, но избалованная и взбалмошная, леди Джинива привыкла получать все, что захочет и когда захочет, совершенно не считаясь с теми, кто оказывался на ее пути. Наездницей она была превосходной (этого Джейми не мог не признать), но ее острый язычок и капризный характер были причиной того, что конюхи тянули соломинку, которому из них выпадет на сей раз нелегкая доля сопровождать молодую госпожу.

Однако в последнее время леди Джинива упорно выбирала себе в спутники Алекса Маккензи.

– Чепуха! Вздор! – таков был единственный ответ на все его попытки уговорить ее проявить благоразумие и не стремиться к окутаным вечной пеленой предгорьям над Хэлуотером, куда отец категорически запретил ей ездить из-за опасного рельефа и коварных туманов. – Не говори глупостей. Никто нас не увидит. Поехали!

И, крепко ударив кобылку каблуками под ребра, она срывалась с места раньше, чем он успевал остановить ее, со смехом оглядываясь на него через плечо.

Ее неравнодушие к нему настолько бросалось в глаза, что другие конюхи всякий раз, когда она навевалась на конюшню, ухмылялись, переглядывались и, разумеется исподтишка, отпускали ехидные шуточки. Джейми порой так и подмывало наподдать как следует вздорной девчонке по мягкому месту, но до сих пор он ограничивался тем, что, находясь в ее обществе, отмалчивался, а в ответ на все ее выходки лишь угрюмо бурчал.

Он надеялся, что рано или поздно ей надоеет столь сдержанное отношение и она перенесет свое раздражающее внимание на кого-нибудь другого. Или – дай-то бог! – скоро выйдет замуж и покинет Хэлуотер, а стало быть, и его.

То был солнечный день, редкий для Озерного края, столь сырого и туманного, что зачастую не разберешь, где кончается земля и начинаются облака. Но в этот майский денек было тепло, так тепло, что Джейми счел удобным снять рубашку. А почему бы и нет? Он обрабатывал поле высоко в холмах, вдалеке от всех, в компании Бесс и Блоссом, двух крепких упряжных лошадок, тянувших навозный каток.

Поле было большим, а старушки лошадки – привычными к такому труду, и от него требовалось лишь время от времени тронуть вожжи, чтобы они не отклонялись в сторону. Роллер в отличие от старинных аналогов был не металлическим или каменным, а деревянным. Изнутри он наполнялся жидким перегнившим навозом, просачивавшимся в узкие щели между плашками, удобряя поле. Емкость постепенно опустошалась, и чем дальше двигались лошади, тем легче им становилось.

Джейми находил это новшество весьма полезным, он даже собирался сделать чертеж и переслать с оказией Айену. Все кухарки и конюхи только и судачили, что о скором приходе цыган, значит, надо поторопиться, чтобы приложить чертеж к письму. Всякий раз, когда усадьбу посещали цыгане, лудильщики или бродячие торговцы, он отправлял с ними домой очередную весточку. Доставка могла занимать и месяц, и три, и полгода – порой письмо передавалось из рук в руки, но рано или поздно оно попадало в горную Шотландию, а там и в Лаллиброх, к его сестре, всегда щедро платившей за доставку.

Ответы из Лаллиброха приходили тем же самым «контрабандным» путем, ибо официально как узник короны он состоял под гласным надзором и все, что он получал или отправлял, подлежало досмотру лордом Дансени.

При мысли о возможном получении письма из дома Джейми ощутил радостное волнение, но тут же подавил в себе это чувство – возможно, цыгане ничего и не привезут.

– Но! – прикрикнул он, исключительно ради порядка, поскольку Бесс и Блоссом видели приближающийся каменный забор не хуже его и прекрасно знали, что оттуда придется начинать медленный разворот.

Бесс прынула ухом и фыркнула. Джейми ухмыльнулся.

– Понимаю, старушка, ты и без меня все знаешь, – сказал он лошадке, слегка встряхнув поводья. – Но я ведь приставлен править лошаадьми, а?

Потом они направились вдоль новой борозды, и ничто не нарушало однообразия этого движения, пока упряжка не добралась до стоявшей у нижнего края поля подводы, нагруженной навозом для пополнения емкости. Солнце светило ему в лицо, и он закрыл глаза, наслаждаясь ощущением тепла на голой груди и плечах.

Спустя четверть часа его дремота была прервана звонким ржанием лошади. Открыв глаза, прямо между ушами Блоссом Джейми увидел всадницу, поднимающуюся по тропе со стороны нижнего луга. Он поспешно сел и натянул рубашку через голову.

– Ты мог бы и не скромничать из-за меня, Маккензи, – прозвучал высокий, чуть запыхавшийся голос Джинивы Дансени.

Поравнявшись с упряжкой, она перевела свою кобылку на шаг.

– Мм...

От Джейми не укрылось, что девушка одета в свой лучший наряд с брошкой из дымчатого топаза на шее, а яркий румянец на ее щеках явно объясняется не только теплой погодой.

– Чем ты тут занимаешься? – спросила Джинива, проехав некоторое время в молчании.

– Разбрасываю навоз, миледи, – коротко ответил он, не глядя на нее.

– О!

Она проехала еще какое-то расстояние, прежде чем решила продолжить разговор.

– Ты слышал, что я выхожу замуж?

Он знал; вся прислуга знала об этом уже с месяц. Ричардс, дворецкий, находился в библиотеке, прислуживал лорду, когда из Дервентуотера приехал для подписания брачного контракта стряпчий. Леди Джиниве сообщили об этом два дня назад, и, по словам ее горничной Бетти, эта новость девушку не обрадовала.

Он ограничился тем, что хмыкнул, демонстрируя, что не расположен к беседе.

– За Элсмистра, – сказала Джинива.

Щеки ее покраснели сильнее, она поджала губы.

– Я желаю вам счастья, миледи.

Как только они добрались до края поля, Джейми слегка натянул вожжи и отвернулся. Настроение леди Джинивы казалось ему весьма опасным, и у него не было ни малейшего желания продолжать разговор.

– Счастья?! – воскликнула девушка.

Ее большие серые глаза сверкнули, и она хлопнула себя по бедру.

– Ты думаешь, это счастье – выйти замуж за человека, который мне в дедушки годится?

Джейми воздержался от замечания насчет того, что для графа Элсмистра надежды на счастье в браке, пожалуй, даже несколько скромнее ее собственных. Он лишь буркнул:

«Прошу прощения, миледи», – и отправился отцеплять емкость для навоза.

Она спешила и пошла за ним.

– Это грязная сделка между моим отцом и Элсмиром! Он хочет продать меня, в этом все дело. Моему отцу наплевать на меня, иначе он никогда не пошел бы на такой сговор. Разве ты не видишь, что моя молодость пропадает ни за что?

Джейми, напротив, считал, что лорд Дансени весьма заботливый отец и, вероятно, нашел для своей избалованной дочери самую лучшую партию. Спору нет, граф Элсмир действительно был далеко не молод, а потому имелись все основания полагать, что через несколько лет Джинива останется очень богатой молодой вдовой и к тому же графиней. Впрочем, подобные соображения вряд ли могли иметь вес в глазах упрямой, дерзкой и избалованной семнадцатилетней стервочки.

– Я уверен, что ваш отец всегда действует исходя из ваших же интересов, миледи, – ответил он без всякого выражения.

Неужели эта маленькая чертовка не уйдет?

Как бы не так! Уходить она определенно не собиралась. Изобразив самую обаятельную улыбку, она подошла и остановилась рядом с ним, мешая ему открыть загрузочную крышку емкости.

– Из каких бы побуждений он ни действовал, со стороны отца просто бессердечно отдавать меня за иссохшее старое чучело.

Она поднялась на цыпочки, всматриваясь в лицо Джейми.

– Сколько тебе лет, Маккензи?

Его сердце на мгновение перестало биться.

– Я намного старше вас, миледи, – отрезал он. – Прошу прощения, миледи.

Ему удалось проскользнуть бочком мимо, не коснувшись ее, и вспрыгнуть на повозку с навозом, куда она, конечно же, за ним не последует.

– Но тебе еще рано на кладбище, а, Маккензи?

Она стояла прямо перед ним, прикрывая глаза рукой, всматриваясь вверх. Налетел ветерок, и ее каштановые локоны разметались вокруг лица.

– Ты когда-нибудь был женат, Маккензи?

Он стиснул зубы, одолеваемый желанием опрокинуть на ее каштановую головку полную лопату навоза, но подавил этот порыв и, воткнув лопату в кучу, буркнул: «Был» – тоном, который не располагал к дальнейшим расспросам.

Однако леди Джиниву чувства других людей не интересовали.

– Хорошо, – проговорила она с удовлетворенным видом. – Значит, ты знаешь, как это делается?

– Что?

Его лопата замерла в куче навоза, нога застыла на лопате.

– То, что делается в постели, – невозмутимо ответила девушка. – Я хочу, чтобы ты лег со мной в постель.

Воображению Джейми представилась немыслимая сцена: элегантная леди Джинива, задрав юбки, распростерлась в повозке прямо на куче навоза.

– Здесь? – прохрипел он, выронив лопату.

– Нет, дурачок! – раздраженно произнесла она. – В постели, настоящей постели. В моей спальне.

– Вы сошли с ума, – холодно сказал Джейми, слегка оправившись от потрясения. – Если вообще было с чего сходить.

Лицо ее вспыхнуло, глаза сузились.

– Как ты смеешь так говорить со мной!

– А как вы смеееете так говорить со мной? – пылко ответил Джейми. – Девушка хорошего происхождения делает непристойное предложение мужчине вдвое старше ее! И к тому же конюху в поместье ее отца, – добавил он, вспомнив о своем положении, и от дальнейших замечаний воздержался.

В конце концов, не конюху же учить эту вздорную девчонку уму-разуму.

– Прошу прощения, миледи, – сказал он, не без усилия взяв себя в руки. – Солнышко сегодня жаркое: вам, наверное, слегка припекло головку, вот в нее и полезли всякие глупости. Вам стоит немедленно вернуться домой и попросить горничную приложить к голове что-нибудь холодное.

Леди Джинива топнула ножкой, обувой в сафьяновый сапожок.

– С головой у меня все в порядке!

Она смотрела на него, сердито выставив подбородок, а поскольку он был маленьким и заостренным, как и зубы, это делало ее похожей на злобно оскалившуюся лисицу.

– Послушай меня, – сказала она – Я не могу помешать этому отвратительному браку. Но... – Она помедлила, потом решительно продолжила: – Я ни за что не отдам свою девственность этому мерзкому старому чудовищу Эллсмиру!

Джейми потер рукой рот. В известном смысле он даже испытывал к ней сочувствие. Но будь он проклят, если позволит этой маньячке в юбке вовлечь его в свои проблемы.

– Я ценю оказанную мне честь, миледи, – произнес он с иронией, – но я действительно не могу...

– Можешь. – Она откровенно таранилась на гульфик его грязных штанов. – Так говорит Бетти.

Это поразило Джейми настолько, что некоторое время ему не удавалось издать ни единого членораздельного звука. Наконец он набрал побольше воздуха в грудь и со всей решительностью, на какую был способен, заявил:

– Бетти не имеет ни малейшего основания делать выводы относительно моих способностей. Я к ней пальцем не прикасался.

Джинива радостно засмеялась.

– Ага, значит, не прикасался. Она тоже так говорила, но я подумала, что, может быть, она просто хочет избежать порки. Это хорошо. Я бы не смогла делить мужчину с моей служанкой.

Он тяжело задышал. Лучше всего было бы треснуть ее по голове лопатой или придушить, но, поскольку такой вариант исключался, Джейми постарался взять себя в руки. В конце-то концов, при всем ее бесстыдстве, она вряд ли сможет и вправду затащить его в постель.

– Всего доброго, миледи, – сказал он как можно вежливее, после чего повернулся к ней спиной и начал забрасывать навоз в опустевшую емкость.

– Если ты этого не сделаешь, – нежно проворковала она, – я скажу отцу, что ты ко мне приставал. И он велит содрать кожу с твоей спины.

Джейми невольно опустил плечи. Но нет – она не могла знать. Он был осторожен и никогда не снимал рубашку в чьем-либо присутствии.

Он медленно повернулся и посмотрел на нее сверху вниз. Ее глаза светились торжеством.

– Может быть, ваш отец и не так хорошо знаком со мной, – спокойно произнес Джейми, – но вас-то он знает с рождения. Расскажите ему, и будь я проклят, если он вам поверит!

Джинива нахохлилась, как бойцовый петушок, ее лицо становилось все краснее.

– Вот как? – воскликнула она. – Что ж, тогда посмотри на это и будь ты и вправду проклят!

Джинива полезла за пазуху и вытащила толстое письмо, которым помахала перед носом у Джейми. Ему хватило одного беглого взгляда, чтобы узнать четкий почерк сестры.

– Отдайте!

Он спрыгнул с повозки и кинулся к ней, но она была слишком быстрой. Она вскочила в седло раньше, чем он успел схватить ее, и подала лошадь назад, правя поводьями одной рукой и издевательски помахивая письмом.

– Хочешь получить письмо, да?

– Да, хочу! Отдай его мне!

Он так расвирепел, что готов был применить силу и применил бы, если бы ему удалось до нее добраться. Но ее гнедая кобылка уловила его настроение и попятилась, фыркая и встряхивая гривой.

– А мне кажется, я не должна это делать.

С лица ее сошел багровый румянец злости, и теперь на нем играла насмешливая и одновременно кокетливая улыбка.

– В конце концов, дочерний долг обязывает меня отдать его отцу. Он ведь должен знать о том, что его слуги ведут тайную переписку. А я послушная долгу дочь, раз покорно соглашаюсь на этот брак.

Она наклонилась над передней лукой седла, и Джейми, охваченный новым приливом ярости, понял, что она наслаждается его бессилием.

– Я думаю, что папе будет интересно его почитать, – продолжила Джинива. – Особенно о золоте, которое будет переправлено в Лошель во Франции. Разве оказание помощи врагам

короля не является государственной изменой? – Она проказливо поцокала языком и покачала головой. – Измена – как это нехорошо!

Джейми остолбенел от ужаса. Имеет ли эта дрянь хоть какое-то представление о том, сколько жизней зажато в ее белой с маникюром ручке? Его сестры, Айена, шестерых их детей, всех арендаторов Лаллиброха с их семьями и, может быть, даже жизни тех агентов, которые осуществляли перевозку денег и посланий между Шотландией и Францией, поддерживая скудное существование изгнанников-якобитов.

Прежде чем заговорить, ему пришлось сглотнуть, и не раз.

– Ладно, – сказал он.

На лице Джинивы появилась иная, более естественная улыбка, и Джейми вдруг понял, как она молода. Впрочем, укус молодой гадюки не менее ядовит, чем укус старой.

– Я не расскажу, – заверила она его с серьезным видом. – Я отдам тебе это письмо сразу после того, как у нас все будет. И никому не скажу, что в нем было. Обещаю.

– Спасибо.

Он призвал на помощь весь свой разум, чтобы придумать приемлемый план. Впрочем, о каком разуме может идти речь, если он собирается явиться в дом своего хозяина и лишить его дочь девственности, пусть и по ее настоятельной просьбе? Это чистой воды безумие!

– Ладно, – повторил он. – Но нам нужно быть осторожными.

С ощущением тупого ужаса он осознал, что она вовлекает его в опасный заговор.

– Да. Не беспокойся. Я могу устроить так, что мою горничную отошлют, а лакей пьет, он всегда засыпает еще до десяти часов.

– Вот и устрой, – сказал он, чувствуя, что его мутит. – Только выбери безопасный день.

– Безопасный день? – не поняла она.

– Не позже чем через неделю после месячных, – с грубой прямоотой сказал Джейми. – Чем ближе к ним, тем меньше вероятность понести.

– О!

Она порозовела, но посмотрела на него с новым, особым интересом.

Они долго смотрели друг на друга и молчали, неожиданно объединенные тем, что их ожидало.

– Я дам тебе знать, – сказала Джинива и, развернув лошадь, поскакала галопом через поле.

Из-под копыт кобылы взметались комья недавно разбросанного навоза.

Чертыхаясь про себя и радуясь тому, что луна еле светит, Джейми проскользнул под листовницами, пересек открытую лужайку, утопая по колена в водосборе и дубровнике, и оказался прямо под мрачно нависавшей над ним стеной.

Да, вот и свеча в окне – как она и говорила.

Свеча свечой, но Джейми снова пересчитал окна, чтобы не ошибиться.

«Господи, помоги, если я влезу не в то», – мрачно подумал он и, ухватившись за стебель сплошь покрывавшего стену серого плюща, начал подъем.

Шорох листьев звучал в его ушах ураганом, а стебли, хоть и крепкие, поскрипывали и угрожающе провисали под его весом. Ему ничего не оставалось, кроме как карабкаться возможно быстрее, будучи готовым, если какое-то другое окно вдруг откроется, соскочить и скрыться в ночи.

Когда Джейми забрался на балкон, сердце его бешено колотилось и он весь вспотел, несмотря на прохладу ночи. Немного постояв, чтобы отдышаться, под бледными весенними звездами, он уже в который раз мысленно проклял Джиниву Дансени, а потом распахнул балконную дверь.

Видимо, она слышала, как он поднимается по плющу, и ждала его, потому что сразу же встала и двинулась навстречу. Подбородок ее был вздернут, волосы распущены по плечам.

Ее ночная рубашка из тонкой, полупрозрачной ткани с шелковым бантом у горла мало походила на обычный девичий спальный наряд, и Джейми с изумлением понял, что она надела сорочку, предназначенную для первой брачной ночи.

– И все-таки ты пришел.

В ее голосе он уловил нотку торжества, но и легкую дрожь. Значит, до последнего момента она не была в этом уверена.

– У меня не было особого выбора, – отозвался он и повернулся, чтобы закрыть за собой дверь.

– Хочешь вина?

Желая выказать любезность, она подошла к столу, на котором стоял графин с двумя бокалами. Ему оставалось лишь подивиться, как она все это устроила. Впрочем, от вина в данной ситуации отказываться явно не стоило.

Он кивнул и принял из ее рук полный бокал.

Потягивая вино, Джейми искоса поглядывал на Джиниву. Ночная рубашка почти не скрывала ее тела, и теперь, когда он пришел в себя после подъема, его первоначальные опасения насчет того, удастся ли ему исполнить свою часть уговора, полностью исчезли. Даже несмотря на некоторую угловатость, узкие бедра и маленькую грудь, ее сложение было достаточно женственным.

Выпив, он поставил бокал и, решив, что тянуть нет никакого смысла, резко бросил:

– Письмо!

– Потом, – сказала она, поджав губы.

– Сейчас, или я уйду.

И он повернулся к окну, как будто собираясь исполнить свою угрозу.

– Постой!

Джейми обернулся и взглянул на нее с плохо скрываемым раздражением.

– Ты мне не доверяешь? – спросила Джинива, изобразив очаровательную улыбку.

– Нет, – откровенно ответил он.

Она рассердилась и обиженно выпятила нижнюю губку, но Джейми смотрел на нее через плечо, всем своим видом выражая готовность выйти в окно и покинуть спальню.

– Ну ладно, – промолвила Джинива, пожав плечами.

Порывшись в шкатулке с принадлежностями для шитья, она нашла письмо и бросила его на умывальник, стоящий рядом с Джейми.

Он схватил письмо, развернул и, убедившись, что это именно то послание, узнав аккуратный, ровный почерк Дженни, испытал одновременно и злость – оттого, что оно было вскрыто чужой рукой, – и огромное облечение.

– Ну? – нетерпеливо сказала Джинива. – Положи его и подойди сюда, Джейми. Я готова.

Она села на постель, обняв руками колени.

Он застыл, а когда повернулся к ней, устремленный поверх листов взгляд его голубых глаз был холоден как лед.

– Не называй меня так, – сурово произнес он.

Она задрала голову чуть повыше и подняла выщипанные брови.

– Почему? Это же твое имя. Так называет тебя сестра.

Помедлив, он демонстративно отложил письмо в сторону и наклонился, чтобы расшнуровать штаны.

– Я обслужу тебя должным образом, – сказал Джейми, глядя на свои деловито работающие пальцы, – ради моей собственной мужской чести и твоей чести женщины. Но, – он

поднял голову и, прищурился глазами, впился в нее взглядом, – но поскольку ты затащила меня в постель, угрожая моей семье, я не позволю тебе называть меня тем именем, которое они мне дали.

Он стоял неподвижно, не спуская с нее глаз. В конце концов Джинива слегка кивнула, виновато опустила глаза и начала чертить пальцем на простыне невидимый узор.

– Как же мне тебя называть? – наконец тихо спросила она.

– Называй меня Алексом. Это тоже мое имя.

Она вновь кивнула. Ее волосы свесились вниз, закрывая лицо, но он заметил, как блеснули ее глаза, когда она бросила взгляд исподлобья.

– Все в порядке, – грубовато бросил он. – Можешь на меня смотреть.

Джейми спустил штаны, скатав вместе с ними и чулки, повесил, аккуратно сложив, на кресло и, чувствуя на себе ее хоть и робкий, но прямой взгляд, начал расстегивать рубашку, а перед тем, как снять ее, повернулся к Джиниве лицом, не желая показывать изуродованную спину.

Девушка тихо ойкнула.

– Что-то не так? – спросил он.

– Нет... просто, я хотела сказать, что не ожидала...

Волосы снова упали ей на лицо, но он успел заметить, как покраснели ее щеки.

– Ты, наверное, раньше не видела обнаженного мужчину? – высказал догадку Джейми.

Блестящая каштановая головка качнулась назад и вперед.

– Ну, – неуверенно пролепетала она, – я видела, только... это не было...

– Что ж, обычно он выглядит немного не так, – будничным голосом произнес Джейми, усаживаясь рядом с ней на кровать, – но если мы с тобой собираемся заняться любовью, он должен быть именно таким.

– Понимаю, – сказала Джинива с сомнением в голосе.

Джейми попытался улыбнуться, чтобы приободрить ее.

– Не бойся. Больше он не станет. И если захочешь дотронуться до него, худого не случится.

По крайней мере, он надеялся на это. Находясь обнаженным так близко от полуодетой девушки, он с трудом сдерживался. Его изголодавшемуся естеству было безразлично, что эта девушка всего лишь эгоистичная сучка и к тому же шантажистка. К счастью, его предложение было отвергнуто, и Джинива чуть отодвинулась к стене, но продолжала глазеть на него. Джейми задумчиво потер подбородок.

– Что тебе известно об... Я хотел спросить, ты хоть знаешь, как это происходит?

Девушка покраснела, но ее взгляд оставался прямым и простодушным.

– Я думаю, так же, как у лошадей.

Джейми кивнул и с внезапной болью вспомнил свою первую брачную ночь. Тогда он тоже считал, что это должно быть как у лошадей. Он прокашлялся.

– Ну, примерно так. Хотя медленнее. И гораздо нежнее, – добавил он, заметив испуг в ее глазах.

– О-о. Это хорошо. Кормилицы и горничные любят рассказывать разные истории о... о том, что бывает, когда люди женятся... и это звучит довольно страшно. – Джинива судорожно сглотнула. – Будет очень больно?

Она внезапно подняла голову и взглянула ему в глаза.

– Мне вообще-то все равно, – храбро продолжила она, – я только хочу знать, чего ожидать.

Неожиданно для себя Джейми почувствовал к ней симпатию. Да, она испорченная, себялюбивая и безрассудная, но у нее есть характер. Для него смелость была не последней добродетелью.

– Надеюсь, будет не очень больно, – ответил он, – если у меня хватит времени подготовить тебя.

«Если я не сорвусь», – подумал он.

– Наверное, это немного похоже на шипок.

С этими словами он ущипнул Джиниву за руку. Она вздрогнула, потерла больное место и улыбнулась:

– Это-то я выдержу.

– Неприятно только в первый раз, – заверил ее Джейми. – Потом будет гораздо лучше. Чуть поколебавшись, она кивнула, придвинулась к нему и робко протянула руку.

– Можно дотронуться до тебя?

Он подавил готовый вырваться смех.

– По-моему, дорогая, ты должна это сделать, раз мы собираемся заняться тем, о чем ты меня попросила.

Она медленно провела ладонью по его руке, так нежно, что прикосновение щекотало и его кожа покрылась мурашками. Набравшись смелости, она обхватила рукой его предплечье.

– Ты такой... мощный.

Он улыбнулся, но остался неподвижным, предоставив ей возможность исследовать его тело столько, сколько она пожелает. Он почувствовал, как мускулы живота напряглись, когда она погладила его по бедру и робко обрисовала изгиб ягодицы. Ее пальцы приблизились к извилистой, узловатой линии шрама, который проходил по всему его левому бедру, и здесь замерли.

– Все в порядке, – заверил он ее. – Это больше не болит.

Джинива промолчала и легко, без нажима, провела двумя пальцами по всей длине шрама.

Пытливые руки, становясь смелее, скользнули по изгибам его плеч, по спине – и снова замерли. Джейми закрыл глаза и ждал, ощущая ее движения по перемещению ее веса на матрасе. Она передвинулась ему за спину и замерла. Послышался прерывистый вздох, и руки снова с трепетной нежностью коснулись его исполосованной рубцами спины.

– И ты не испугался, когда я сказала, что тебя высекут?

Ее голос прозвучал странно хрипло, но он не шелохнулся и не открыл глаз.

– Нет, – ответил он. – Я теперь вообще мало чего боюсь.

На самом деле Джейми боялся, что не сможет, когда придет время, проявить надлежащую деликатность – его пах уже распирала боль вожделения, и он ощущал отдающееся в висках биение своего сердца.

Она встала с постели и остановилась перед ним. Джейми внезапно поднялся, и она испуганно отступила на шаг, но он удержал ее за плечи.

– Можно теперь мне дотронуться до вас, миледи?

Слова были произнесены шутливым тоном, но прикосновение таковым не было.

Не в силах говорить, Джинива ограничилась кивком.

Джейми обнял ее, прижал к груди и не двигался до тех пор, пока ее прерывистое дыхание не стало ровным. Чувства его были противоречивы. До сих пор он никогда не обнимал женщину, не испытывая любви, хотя бы влюбленности, но здесь ни о чем подобном не могло быть и речи. Если что и имело место, то нежность к ее юности и сочувствие к ее ситуации, сочетавшиеся со злостью из-за того, что она им манипулировала, и страхом перед величиной преступления, которое он намеревался совершить. И над всем господствовало неумолимо нарастающее вожделение, которого он стыдился, но которому не мог противиться. Ненавидя себя, он опустил голову и взял ее лицо в ладони.

Первый поцелуй был коротким и нежным, второй – более настойчивым. Она затрепетала. Джейми неторопливо развязал шнурки ее одеяния, спустил его с ее плеч, а потом поднял ее и положил на постель.

Лежа рядом с ней и обнимая ее одной рукой, другой он ласкал ее груди, давая ей возможность насладиться этими прикосновениями.

– Мужчина должен воздать должное твоему телу, – тихо сказал Джейми, возбуждая по очереди соски легкими круговыми касаниями. – Ибо ты прекрасна.

У нее перехватило дыхание, но потом девушка расслабилась. Он не торопился, двигался как можно медленнее, то поглаживая, то целуя, легко касаясь всего ее тела. Ему не нравилась эта девушка, он не хотел быть здесь, не хотел это делать, но прошло более трех лет с тех пор, как он касался женского тела.

Джейми попытался прикинуть, когда она будет готова, но как, черт возьми, можно это определить? Она покраснела и тяжело дышала, но просто лежала рядом, как фарфоровая статуэтка. Чертова девица, неужели она не может дать ему подсказку?

Он взъерошил волосы дрожащей рукой, стараясь справиться со смешанными чувствами, которые охватывали его все сильнее с каждым ударом сердца. Он был зол, испуган и сильно возбужден – все это ему сейчас только мешало. Джейми закрыл глаза и глубоко задышал, пытаясь успокоиться. Нет, конечно, она не могла дать ему понять, ведь ей никогда еще не доводилось иметь дело с мужчиной. Ее хватило на то, чтобы устроить это тайное свидание, вынудить его прийти сюда, но все дальнейшие действия ему следовало предпринимать самому, исходя из собственного опыта.

Он коснулся живота девушки и нежно погладил ее между бедер. Она не раздвинула их для него, но и не сопротивлялась. Промежность ее уже увлажнилась. Может быть, пора?

– Хорошо, – шепнул он ей, – не тревожься, mo chridhe.

Бормоча ей что-то, что могло сойти за успокаивающие слова, он взобрался на нее и коленом раздвинул ей ноги. Он почувствовал, что она вздрогнула, когда жар его тела накрыл ее, и запустил руки в ее волосы, чтобы успокоить, продолжая тихо приговаривать по-гэльски.

«Хорошо, что по-гэльски», – промелькнула отстраненная мысль, ибо он уже сам плохо осознавал, что именно говорит.

Ее маленькие крепкие груди терлись о его грудь.

– Mo nighean, – пробормотал он.

– Подожди минутку, – сказала Джинива. – По-моему... может быть...

От усилия держать себя в руках у него закружилась голова, но он продвигался внутрь медленно, чуть ли не по дюйму.

– Ой! – сказала Джинива, глаза ее расширились.

Джейми охнул и продвинулся чуть глубже.

– Прекрати это! Он слишком большой! Вынь его!

Испуганная Джинива забилась под ним. Ее груди терлись о его грудь, и его собственные соски напряглись.

Она пыталась сопротивляться, Джейми не отпускал ее, хотя и старался делать это деликатно, судорожно подыскивая слова, которые могли бы ее успокоить.

– Прекрати это! – выдохнула Джинива.

– Я...

– Вынь его! – завизжала она.

Он закрыл ей рот рукой и произнес единственное, что смог придумать:

– Нет.

И решительно вошел еще глубже.

Глаза Джинивы округлились, у нее вырвался крик, но он был заглушен его ладонью.

«Семь бед – один ответ!» – вспомнилось ему присловье, как нельзя лучше соответствовавшее ситуации. Пути назад все равно не было, и он сделал то единственное, что мог, – отдался безжалостному ритму собственного тела, вожделеющего невыразимого блаженства.

Джейми потерял представление о действительности и пришел в себя, лишь когда, уже опустошенный, лежал на боку рядом с Джинивой, слыша бешеный стук своего сердца.

С трудом подняв веки и увидев в свете лампы мерцание розовой кожи, Джейми подумал, что нужно посмотреть, не причинил ли он ей слишком много боли. Но, господи, не сейчас. Он снова закрыл глаза, позволив себе просто лежать и дышать.

– О чем... о чем ты думаешь? – нерешительно спросила Джинива.

Ее голос слегка дрожал от потрясения, но в нем не было истеричных ноток. Будучи слишком потрясен и сам, Джейми не заметил нелепости вопроса и в ответ сказал чистую правду:

– Я думал: и чего ради, во имя Господа, мужчины стремятся заполучить в постель девиц?

Последовало долгое молчание, потом Джинива прерывисто задышала и прошептала:

– Прости. Я не знала, что это причинит боль и тебе.

Он в изумлении открыл глаза и, приподнявшись на локте, уставился на Джиниву, которая смотрела на него, как испуганная молодая лань. Она была бледна и облизывала пересохшие губы.

– Причинит боль мне? – переспросил он, не понимая, в чем дело. – Мне вовсе не было больно.

– Но... – Она наморщила лоб, медленно обводя взглядом его тело. – Мне так показалось. У тебя было зверское лицо, как будто тебе было страшно больно, и ты... ты стонал, как...

– Ах это, – торопливо перебил он ее, прежде чем она успела сообщить о других нелестных наблюдениях за его поведением. – Я не собирался... я хочу сказать, что это обычная манера мужчин, они ведут себя так, когда... делают это, – неловко закончил он.

Ее удивление сменилось любопытством.

– Неужели все мужчины ведут себя так, когда... занимаются этим?

– Да откуда мне... – раздраженно начал Джейми и остановился, внезапно поняв, что на самом деле знает ответ на этот вопрос. – Ну да, – буркнул он, рывком сел и отбросил волосы со лба. – Мужчины – отвратительные животные. Няня наверняка тебе об этом рассказывала. А тебе очень больно?

– Ничего страшного, – ответила Джинива, для пробы подвигав ногами. – Сначала да, было больно, но, как ты и предупредил, недолго. А сейчас уже почти прошло.

Он вздохнул с облегчением, увидев, что пятно крови на простыне было небольшим, да и боли девушка, похоже, действительно уже не испытывала. Она тем временем опустила руку к промежности и скорчила гримасу отвращения.

– Фу! Липко и гадко!

Джейми бросило в жар от возмущения и неловкости.

– На, возьми, – пробормотал он и потянулся за полотенцем с умывальника.

Джинива, однако, не взяла его, а раздвинула ноги и слегка выгнула спину, очевидно ожидая, что устранением последствий займется он. У него возникло сильное желание засунуть полотенце прямо ей в глотку, но он подавил его, взглянув на письмо. В конце концов, они заключили сделку и свое слово она сдержала.

Джейми намочил салфетку и начал протирать ей промежность с весьма угрюмым видом, но потом доверие, с которым она предоставила себя в его распоряжение, показалось ему даже трогательным, и, деликатно завершив процедуру, он неожиданно для себя коснулся ее лобка легким поцелуем.

– Ну вот и все.

– Спасибо, – сказала Джинива.

Она слегка подвигала бедрами, а потом протянула руку и коснулась его. Джейми лежал неподвижно, ощущая, как ее пальцы скользнули по его груди, задержались у глубокой впадины пупка, а потом нерешительно стали спускаться ниже.

– Ты сказал, что... в следующий раз будет лучше, – прошептала она.

Джейми закрыл глаза и глубоко вдохнул. До рассвета было далеко.

– Думаю, что да, – сказал он и снова растянулся рядом с ней.

– Алекс?

Имя буквально вытянуло его из сна, и ему потребовалось усилие, чтобы ответить.

– Миледи?

Она обняла его за шею и пристроила головку в изгибе его плеча, обдавая грудь теплом своего дыхания.

– Я люблю тебя, Алекс.

Он с трудом пробудился достаточно, чтобы отстранить ее от себя, взял за плечи и поглядел прямо в серые глаза, нежные, как у лани.

– Нет, – сказал он, мягко покачав головой. – Это третье правило. Мы договаривались только на одну ночь, не больше. И ты не должна называть меня по имени. И ты не должна любить меня.

На серые глаза навернулись слезы.

– Но если я ничего не могу с собой поделать?

– То, что ты сейчас чувствуешь, не любовь.

Джейми надеялся, что прав, и ради себя, и ради нее.

– Это всего лишь чувство, которое я пробудил в твоём теле. Чувство сильное и хорошее, но это не то же самое, что любовь.

– А в чем разница?

Он сильно потер лицо руками. Надо же, она еще и философ! Прежде чем ответить, Джейми сделал глубокий вдох.

– Ну, в общем, любовь – это чувство, которое испытываешь только к одному человеку. А то, что ты испытала со мной, ты можешь испытывать с любым мужчиной.

Только к одному человеку. Он решительно отмахнулся в сторону мыслью о Клэр и устало наклонился, чтобы продолжить свою работу.

Тяжело приземлившись на клумбу и основательно помяв при этом несколько нежных побегов, Джейми поежился. Этот предрассветный час был не только самым темным, но и самым холодным, и его тело решительно возражало против того, чтобы покидать теплое, уютное гнездышко и отправляться на холод в темноту, будучи защищено от ледяного ветра лишь тонкой рубашкой и штанами.

Он вспомнил теплую розовую щеку, которую, наклонившись, поцеловал перед уходом. Его пальцы еще помнили очертания нежной плоти даже в то время, когда он нащупывал в темноте каменную стену конюшни. Джейми вымотался до крайности, так что подтянуться и перелезть через стену стоило ему немалых усилий, однако о том, чтобы войти через ворота, не могло быть и речи. Ведь их скрип может разбудить Хью, главного конюха.

Прокравшись через внутренний двор, заставленный повозками с сундуками и тюками, уже подготовленными к предстоящему после намеченного на четверг бракосочетания переезду леди Джинивы в дом ее нового господина, Джейми распахнул дверь конюшни и взобрался по лестнице на сеновал. Он улегся на ледяную солому и накрылся одеялом, чувствуя себя совершенно опустошенным.

Глава 15

Несчастный случай

Хэлуотер, январь 1758 года

Как нарочно, в тот день, когда эта новость добралась до Хэлуотера, погода стояла скверная. Штормило. Из-за сильного ливня послеобеденные занятия пришлось отменить, и довольные лошадки стояли внизу в своих стойлах. Они жевали корм, пофыркивали, переступали копытами, и эти мирные, домашние звуки поднимались к сеновалу, где в гнездышке из сена с книгой в руках удобно устроился Джейми Фрэзер.

То была одна из нескольких книг, которые он взял почитать у управляющего имением мистера Гривса, и хотя читать при скудном свете, проникавшем сквозь щели под скатами крыши, было трудно, чтение его захватило.

«Мои губы, которые я подставила ему так, чтобы он не мог уклониться и не поцеловать их, воодушевили его. Теперь, глядя на ту часть его одежды, которая прикрывала главный объект наслаждения, я обнаружила там взбухание и напряжение. Поскольку я зашла уже слишком далеко, чтобы остановиться на пути наслаждения, да, по правде, уже не могла ни сдерживать себя, ни ждать, пока он преодолет свою стыдливость, то сама украдкой скользнула рукой по его бедру и ощутила возбужденную, затвердевшую плоть».

– Ну и ну! – скептически заметил Джейми, подняв брови и с шуршанием переместившись на сене.

Он, конечно, знал о существовании таких произведений, но, поскольку все книги для Лаллиброха заказывала Дженни, до сих пор ему не доводилось читать что-то подобное. Эти книги вызывали совсем иные чувства, нежели сочинения месье Дефо и Филдинга, но он был не против разнообразия.

«Невероятный размер этого стержня живой плоти, твердой, как слоновая кость, и вместе с тем нежной и бархатистой, в чем она могла соперничать с деликатнейшими местами женского тела, поверг меня в восторженное содрогание. Изысканную, подернутую прожилками белизну этого отростка ничуть не портила поросль курчавых черных волос у основания – напротив, все это вместе составляло самое волнующее и вдохновляющее сочетание. Воистину, то был предмет ужаса и восторга!»

Джейми взглянул на свой пах и хмыкнул, но перевернул страницу. Он был настолько поглощен чтением, что ни раскат грома, ни раздавшийся через некоторое время внизу шум не привлекли его внимания, тем более что звуки голосов приглушались дождем, барабанившим по планкам в нескольких футах над его головой.

– Маккензи!

Зычный оклик снизу наконец дошел до него. Он поспешно поднялся на ноги и, поправляя одежду, направился к лестнице.

– Да?

Свесив голову через край сеновала, Джейми увидел Хью, который как раз собирался окликнуть его снова.

– А, вот ты где.

Хью, морщась, поманил его узловатой рукой. В сырую погоду Хью сильно страдал от ревматизма, а потому всю эту бурю просидел, не высываясь, в своей каморке рядом с кладовой, где у него была койка. Это время он провел в компании с кувшином такого забористого пойла, что духом его шибало до самого сеновала, а по мере того, как Джейми спускался по лестнице, запах становился еще сильнее.

– Подготовь карету, нужно отвезти лорда и леди Дансени в Эллсмир, – сказал ему Хью, как только его нога ступила на каменные плиты конюшни.

Главный конюх рискованно шатался, тихо икая.

– Прямо сейчас? Ты что, рехнулся, старик? Или просто пьян?

Джейми выглянул в дверь, оставшуюся полуоткрытой позади Хью, и увидел сплошную стену дождя. Как раз в этот миг вспышка молнии высветила четкий рельеф горы, оставив после исчезновения отпечаток на сетчатке. Джейми потряс головой, чтобы прояснить зрение, и тут увидел идущего, пригнувшись под ветром и дождем, через двор кучера Джеффриса. Намокший плащ облепил его со всех сторон.

Да, похоже, поездка – это не пьяная фантазия Хью.

– Джеффрису нужно помочь с лошадьми!

Хью пришлось придвинуться ближе и кричать, чтобы его было слышно в шуме бури. На таком близком расстоянии запах грубого поила был просто головокружительным.

– Но зачем? Зачем лорду Дансени... вот дерьмо!

Глаза главного конюха были красными и слезились – ждать от него толковых разъяснений явно не стоило. Раздраженно махнув рукой, Джейми протиснулся мимо него и, перемахивая через две ступеньки зараз, снова взбежал по лестнице.

Чтобы накинуть плащ и спрятать в сено книгу (работники конюшни не чтили чужую собственность), ему потребовалось не больше пары минут, после чего он вновь спустился и вышел в ревущую бурю.

Поездка оказалась сущим кошмаром. Порывы ветра достигали порой такой силы, что грозили опрокинуть громоздкий экипаж. Джейми сидел на козлах рядом с Джеффрисом, промокший и продрогший, ибо против такого дождя его плащ был никудышной защитой. К тому же каждые несколько минут ему приходилось спускаться, чтобы вытолкнуть колесо из очередной грязной колдобины.

Впрочем, Джейми почти не замечал физических неудобств путешествия, ломая голову над возможными его причинами. Ясно, что лорд Дансени не отправился бы в такую непогоду по разбитой, раскисшей дороге в Эллсмир без острой необходимости. По всему выходило, что побудить его к этому могло лишь беспокойство о леди Джиниве или ее ребенке.

Узнав из болтовни прислуги, что леди Джинива должна родить в январе, он быстренько отсчитал назад, в очередной раз мысленно обругав Джиниву, и тут же торопливо прочел молитву о ее благополучном разрешении. А потом постарался выбросить это из головы. В конце концов, он был близок с ней всего три раза до ее свадьбы и никакой уверенности тут быть не могло.

Неделю назад леди Дансени уехала в Эллсмир, чтобы быть с дочерью. С той поры она каждый день отправляла домой посланцев за дюжиной вещей, которые она забыла взять с собой и которые ей срочно потребовались, и каждый из них по приезде в Хэлуотер докладывал, что «новостей пока нет». Теперь новости появились, и, очевидно, плохие.

Возвращаясь к передку кареты после последнего сражения с грязью, он увидел испуганное и озабоченное лицо леди Изабель, которая выглядывала из-под слюдяной шторки, прикрывавшей окошко.

– Ой, Маккензи! – пролепетала она. – Скажи, пожалуйста, еще долго?

Чтобы перекрыть шум ветра, дождя и бурлящей воды в сточных канавах по обе стороны, ему пришлось прикинуть к самому окошку.

– Джеффрис говорит, что еще четыре мили, миледи! Часа два, может быть.

«Если эта чертова раздолбанная карета с ее злополучными пассажирами не свалится с Эшнесского моста в озеро Уотенлеф», – добавил он про себя.

Изабель кивнула в знак благодарности и опустила шторку, но он успел заметить, что щеки ее мокрые не столько от дождя, сколько от слез. Змейка тревоги, обвинившаяся вокруг сердца, заскользила ниже, скручивая в узел желудок.

Лишь по прошествии трех часов карета въехала во двор Эллсмира. Лорд Дансени выскочил из кареты и, задержавшись на миг, чтобы предложить руку своей младшей дочери, поспешил в дом.

Потребовался еще почти час, чтобы распрячь и протереть лошадей, смыть налипшую грязь с колес кареты, закатить экипаж в каретный сарай и разместить коней в стойлах. Только после этого Джеффрис и Джейми, очоленные, усталые и голодные, позволили себе отправиться на кухню Эллсмира отогреться и подкрепиться.

– Бедолаги, вы же совсем посинели от холода! – воскликнула кухарка. – Садитесь сюда, я живо сготовлю горяченького.

Ее нетипичная для поварихи внешность – она была худощавой, с резкими чертами лица – никак не сказалась ни на радушии, ни на кулинарных способностях, ибо в считанные минуты она приготовила и поставила перед ними ароматный омлет с щедрыми порциями хлеба и масла, а заодно и маленький горшочек с джемом.

– Славно, очень даже славно! – заявил Джеффрис, бросив одобрительный взгляд на накрытый стол, после чего подмигнул кухарке и добавил: – Все чудесно, но мне кажется, тут не помешала бы еще капелька чего-нибудь согревающего. Ты ведь сжалишься над продрогшими бедными парнями, дорогая?

То ли ее убедила его ирландская обходительность, то ли вид их насквозь промокшей одежды, с которой капала вода и струился пар, но рядом с мельницей для перца появилась бутылочка домашнего бренди. Джеффрис налил себе большую рюмку и без колебаний выпил ее залпом, причмокнув губами.

– Вот так-то лучше! Давай и ты, парень.

Он передал бутылку Джейми, а сам с удовольствием занялся омлетом и болтовней с женской прислугой.

– Ну и как тут дела? Ребенок-то родился или нет?

– Родился, прошлой ночью, – живо отозвалась помощница кухарки. – Мы всю ночь провели на ногах. Как приехал доктор, велено было греть воду да таскать чистые простыни и полотенца. Забегались все, весь дом вверх тормашками. Но младенец – это еще не все!

– Ладно тебе, – буркнула кухарка, неожиданно помрачнев. – У нас работы невпроворот, а некоторым лишь бы лясы точить. Давай-ка за дело, Мэри Энн: сбегай в кабинет, узнай, может, его милость хочет, чтобы подали что-нибудь еще.

Джейми, вытирая тарелку ломтиком хлеба, заметил, что служанка, ничуть не смутившись упреком, резво удалилась, из чего он сделал вывод, что в кабинете происходило нечто любопытное.

Зато повариха, получив гостей в свое безраздельное распоряжение, тут же и с немалым удовольствием принялась сплетничать.

– Так вот, началось все несколько месяцев назад, когда у леди Джинивы, бедняжки, появились первые признаки. Надо сказать, его милость, как они поженились, души в ней не чаял, пылинки, можно сказать, сдувал. Все для нее делал, что она ни захочет, заказывал из Лондона всякие разности, все время спрашивал, тепло ли ей. Ела все, что душе угодно. Ну просто сам был не свой, его, стало быть, милость. Но потом, когда он узнал, что она ждет ребенка...

Повариха выдержала паузу, и на ее лице появилось загадочное выражение.

Джейми отчаянно хотелось узнать про ребенка: какой он, как себя чувствует. Но потопить женщину не было никакой возможности, и он подался вперед, всячески выказывая заинтересованность.

– Такое началось! Крики, ругань! Она плачет, а его милость бранит ее такими словами, какие и на конюшне-то говорить стыдно. Вот я и сказала Мэри Энн, когда она сказала мне...

– Выходит, его милость не был рад ребеночку? – нетерпеливо перебил ее Джейми.

К тому времени омлет комом застрял у него где-то за грудиной, и он сделал большой поток бренди в надежде протолкнуть этот ком в желудок.

Повариха скосила на него блестящий птичий глаз, выгнула бровь, как бы оценивая его смекалку, и хмыкнула.

– Да, парень, ты прав. Вроде бы ему надо радоваться. Да только не тут-то было. Не тут-то было! – многозначительно повторила женщина.

– А почему? – спросил Джеффрис без особого интереса.

– Он сказал, – повариха понизила голос в восторге от скандальности информации, – что ребенок не его!

Джеффрис, опрокинув вторую стопку, презрительно хмыкнул.

– Старый козел с молоденькой козочкой? Оно, конечно, тут всякое может случиться, но откуда его милости знать, чей это ребенок? Он с таким же успехом может быть и от него, и как ни крути, а главное всего тут слово его леди!

Тонкие губы поварихи растянулись в широкой злорадной улыбке.

– Ну я же не говорю, будто он знал, чей это ребенок, но ведь есть один верный способ узнать, что он не его!

Джеффрис уставился на повариху, откинувшись на спинку стула:

– Что? Ты хочешь сказать, что его милость не способен?

При этой мысли его обветренное лицо расплылось в широкой ухмылке. Джейми почувствовал, как омлет снова поднимается к горлу, и торопливо хлебнул бренди.

– Ну, точно я сказать не могу... – Повариха чопорно поджала губы, но потом добавила:

– Но вот горничная мне рассказывала, что простыни с их брачной постели после первой ночи остались такими же белыми, какими их постелили.

Это было уже слишком. Перебив довольный смешок Джеффриса, Джейми с глухим стуком поставил свой стакан и спросил напрямик:

– Ребенок жив?

Кухарка и Джеффрис уставились на него с удивлением, но женщина после короткого замешательства кивнула.

– Ну да, конечно. И к тому же славный здоровый малыш, как я слышала. Я думала, ты уже знаешь об этом. Вот мать его, та, бедняжка, померла.

После этого заявления на кухне воцарилось молчание – известие о смерти отрезвило даже Джеффриса. Он помолчал, торопливо перекрестился, пробормотал: «Господи, упокой ее душу» – и залпом допил свой бренди.

Джейми почувствовал жжение в горле то ли от бренди, то ли от слез. Потрясение и печаль душили его, как будто в глотке застрял моток пряжи, и ему едва удалось прохрипеть:

– Когда?

– Сегодня утром, – ответила кухарка, скорбно качая головой. – Как раз перед полуднем. Бедняжка. Некоторое время думали, что она оправится. После родов, стало быть. Мэри Энн сказала, что она сидит, держит малютку и смеется.

Женщина тяжело вздохнула.

– Но недолго она смеялась, да. Перед рассветом у нее опять открылось кровотечение. Снова вызвали доктора, и он приехал так быстро, как мог, но...

Распахнувшаяся дверь прервала ее. Это была Мэри Энн с широко раскрытыми глазами под чепчиком, она задыхалась от волнения и напряжения.

– Ваш хозяин требует вас! – выпалила она. Взгляд ее метался между Джейми и кучером. – Вас обоих – и немедленно, и, о сэр, – она кивнула на Джеффриса, – он сказал, чтобы вы захватили пистолеты!

Кучер испуганно переглянулся с Джейми, вскочил на ноги и помчался к конюшне. Как всегда, под сиденьем возницы на случай нападения разбойников хранилась пара заряженных пистолетов.

Джеффрису потребовалось всего несколько минут, чтобы найти оружие, и чуть больше времени, чтобы проверить, что затравка не пострадала от сырости. Джейми тем временем схватил за руку переполошившуюся служанку и потребовал, чтобы она немедленно отвела его в кабинет.

Впрочем, поднявшись по лестнице, он уже и сам смог определить нужное место, ибо оттуда доносился разговор на повышенных тонах. Бесцеремонно отстранив Мэри Энн, шотландец замешкался у двери, размышляя, входить ему или подождать Джеффриса.

– Вы имели наглость выдвинуть столь бесстыдные и бессердечные обвинения! – Старческий голос дрожал от гнева и горя. – А ведь моя бедная овечка еще не остыла! Вы подлец, вы трус! Я не допущу, чтобы ее ребенок остался под вашей крышей даже на одну ночь!

– Маленький бастард останется здесь! – хрипло рявкнул Эллсмир, и по его голосу даже неискушенный человек понял бы, что его милость вдребезги пьян. – Хоть он и бастард, по закону он мой наследник и останется со мной! Он куплен, и за него заплачено, и пусть его мать была шлюхой, она, по крайней мере, подарила мне мальчишку.

– Будьте вы прокляты! – Голос Дансени сорвался на яростный визг. – Куплен? Вы... вы... вы смеете намекать...

– Я не намекаю. – Эллсмир, хоть и пьяный, лучше владел собой. – Вы продали мне свою дочь – и могу добавить, надули, – с сарказмом произнес он. – Я заплатил тридцать тысяч фунтов за девственницу с хорошим именем. Первое условие было нарушено, и теперь я смею усомниться и в соблюдении второго.

Через дверь донесся звук наливаемой жидкости, а вслед за этим стук кубка о деревянную столешницу.

– Я бы сказал, что вы изрядно перебрали спиртного, сэр, – сказал Дансени. Голос его дрожал от усилий справиться со своими эмоциями. – Только этому я могу приписать возмутительные, гнусные и нелепые обвинения в адрес моей невинной дочери. А поскольку это так, я забираю своего внука и уезжаю.

– Вот оно как, значит? Вашего внука? – В пьяном голосе Эллсмira прозвучало глумление. – Вы, похоже, чертовски уверены в невинности своей дочери. Нет уж, это отродье не про вашу честь. Она говорила...

Спор оборвался восклицанием и звуком тяжелого падения. Решив больше не ждать, Джейми ринулся в дверь и увидел, что Эллсмир и лорд Дансени сцепились и перекатываются по каминному коврику. Они находились в опасной близости от огня, но в своей слепой ярости ни тот ни другой этого не замечали.

Джейми помедлил, оценивая ситуацию, а потом, уловив подходящий момент, подскочил и рывком поднял своего хозяина на ноги.

– Успокойтесь, милорд, – прошептал он на ухо Дансени, отгаскивая его от пыхтевшего Эллсмira.

Дансени, однако, вновь порывался схватиться с противником.

– Да уймись же ты, старый дурень! – вырвалось сгоряча у Джейми.

Эллсмир был почти таким же старым, как Дансени, но более крепкого сложения и, очевидно, более хорошего здоровья, судя по тому, как он дрался, несмотря на то что был пьян.

Граф, растрепанный и взлохмаченный, шатаясь, поднялся на ноги, не сводя налитых кровью глаз с Дансени. Он вытер слюнявый рот тыльной стороной ладони, жирные плечи дрожали.

– Дерьмо, – процедил он почти обыденным тоном. – Поднять руку... на меня, каково?

Все еще с трудом лоя ртом воздух, он потянулся к веревке колокольчика. В данной ситуации Джейми было уже не до того, останется ли лорд Дансени на ногах. Оставив хозяина, он метнулся вперед и перехватил руку Эллсмира.

– Нет, милорд, – сказал он как можно почтительнее, в то же время удерживая дородного графа медвежьей хваткой и тесня его в другой угол. – Я думаю, было бы... неразумно... вмешивать ваших... слуг.

Поднатужившись, он пихнул Эллсмира в кресло.

– Лучше оставайтесь здесь, милорд.

В комнату с опаской вошел Джеффрис. В каждой руке он держал по пистолету со взведенными курками, а его растерянный взгляд метался между хозяином дома, пытавшимся выбраться из глубин кресла, и собственным хозяином, белым как полотно, с трудом державшимся на ногах.

Джеффрис посмотрел на Дансени в ожидании указаний и, не дождавшись оных, инстинктивно взглянул на Джейми. Тот ощущал страшное раздражение: ему-то с какой стати разбираться в этом? Гостям из Хэлуотера явно следовало уносить ноги, да побыстрее, поэтому пришлось брать инициативу в свои руки.

– Давайте уйдем, милорд.

Он шагнул вперед и оторвал поникшего Дансени от стола, за который тот цеплялся. Но когда Джейми повел высокого худощавого старика к двери, в проеме возникла еще одна фигура.

– Уильям?

При виде сцены в кабинете на круглом, омраченном пережитым горем лице леди Дансени отразилось недоумение. В руках она держала что-то похожее на большой неаккуратный сверток белья.

– Горничная сказала, ты хотел, чтобы я принесла ребенка. Что...

Ее прервал рев Эллсмира. Не обращая внимания на наставленные пистолеты, граф вскочил с кресла и оттолкнул ошеломленного Джеффриса.

– Он мой!

Грубо пихнув леди Дансени к стене, Эллсмир выхватил сверток из ее рук и, крепко прижимая его к груди, отступил к окну. Уже оттуда, дыша тяжело, как загнанный зверь, он бросил на Дансени злобный взгляд и повторил:

– Он мой, слышите!

Сверток громко завершал, словно протестуя против этого утверждения, и Дансени, увидев своего внука в руках Эллсмира, рванулся вперед с искаженным яростью лицом.

– Отдайте мне его!

– Убирайся к черту, скотина!

С неожиданной прытью Эллсмир увернулся от Дансени, отдернул занавески и одной рукой растворил окно, крепко держа другой плачущего младенца.

– Прочь из моего дома! – задыхаясь, выкрикнул он, открывая окно еще шире. – Прочь! Немедленно! Или я выброшу этого маленького бастарда, клянусь, я сделаю это!

Чтобы подчеркнуть свою угрозу, он вытянул руку с орущим свертком в сторону подоконника и пустой темноты, где в тридцати футах внизу поблескивали мокрые камни внутреннего двора.

Джейми Фрээр действовал бессознательно, не думая о последствиях, повинуюсь лишь инстинкту, который не раз выручал его в сражениях. Он выхватил у остолбеневшего Джеффриса пистолет, развернулся на каблуках и, не прицеливаясь, выстрелил.

За грохотом выстрела последовала гробовая тишина, даже младенец перестал вопить. На лице Эллсмита появилось удивленное выражение, густые брови вопросительно поднялись. Потом он пошатнулся, и Джейми рванулся вперед, заметив с какой-то отстраненной ясностью маленькое круглое отверстие в размотавшейся пленке – там, где прошла пуля.

Он замер как вкопанный на каминном коврике, не обращая внимания на огонь, опалявший задники его сапог, на еще содрогавшееся тело Эллсмита у его ног, на повторяющиеся визгливые вопли леди Дансени. Он стоял, закрыв глаза, дрожа как осиновый лист, не в состоянии ни двинуться, ни даже думать. Стоял, крепко сжимая в объятиях бесформенный, барахтающийся, пищащий сверток, в котором находился его сын.

– Я хочу поговорить с Маккензи. С глазу на глаз.

Леди Дансени смотрелась на конюшне явно неуместно.

Маленькая, пухленькая, в безупречном черном одеянии она выглядела как фарфоровая статуэтка, снятая с надежного, безопасного места на каминной доске, где ей и надлежало красоваться, и невеста как оказавшаяся среди животных и небритых мужчин, где запросто можно разбиться.

Хью, бросив на свою госпожу удивленный взгляд, поклонился, растерянно дернул себя за чуб и убрался в свою каморку рядом с кладовой, оставив Маккензи наедине с леди.

Вблизи впечатление фарфоровой хрупкости усиливалось бледностью ее лица, слегка розоватого лишь у уголков носа и глаз. Она была похожа на очень маленького, но исполненного достоинства кролика, облаченного в траур. Джейми понимал, что следовало бы предложить ей сесть, но сесть здесь было некуда – разве что на кучу сена или перевернутую тачку.

– Сегодня утром состоялся коронерский суд, Маккензи, – сказала она.

– Да, миледи.

Он знал об этом. Об этом знали все, и остальные конюхи все утро держались от него на расстоянии. Не из уважения, а из страха, как держатся подальше от зачумленного. Джеффрис знал, что произошло в гостиной в Эллсмита, а это значило, что знали и все остальные слуги. Но язык никто не распускал.

– Суд постановил, что смерть графа Эллсмита наступила вследствие несчастного случая, явившегося последствием расстройства, – тут она слегка скривилась, – его милости в связи со смертью моей дочери.

В конце фразы ее голос задрожал, но не сорвался. Хрупкая леди Дансени перенесла эту трагедию куда более стойко, чем ее муж; слуги поговаривали, что его милость не встает с постели со времени возвращения из Эллсмита.

– Да, миледи?

Джеффриса вызывали для дачи показаний. Маккензи – нет. Коронерскому суду вообще не был известен факт появления в Эллсмита конюха по имени Маккензи.

Леди Дансени встретила с ним взглядом. Глаза у нее были светло-голубовато-зелеными, как у ее дочери Изабель, но если у той русые волосы отливали шелковистым блеском, то у матери они потускнели, выцвели, и лишь седые пряди поблескивали серебром под проникавшими сквозь открытую дверь конюшни солнечными лучами.

– Мы признательны тебе, Маккензи, – тихо промолвила она.

– Благодарю вас, миледи.

– Очень признательны, – повторила она, не сводя с него пристального взгляда. – Маккензи ведь не настоящее твое имя, правда? – вдруг спросила она.

– Да, миледи.

Несмотря на полуденное тепло, по спине пробежал холодок. Что могла рассказать леди Джинива своей матери перед смертью?

По-видимому, она почувствовала его напряжение, потому что уголки ее губ приподнялись в ободряющей, как ему показалось, улыбке.

– Полагаю, выяснять твоё истинное имя мне пока ни к чему. Но один вопрос я все-таки тебе задам, Маккензи: ты хочешь вернуться домой?

– Домой? – с недоумением переспросил он.

– В Шотландию. Я знаю, кто ты, – сказала она, по-прежнему не сводя с него глаз. – То есть как тебя зовут, мне неизвестно, но я знаю, что ты один из осужденных якобитов, состоящих под надзором Джона. Муж рассказал мне.

Джейми взглянул на нее с опаской, но она не казалась особо расстроенной, во всяком случае не более, чем подобало женщине, только что потерявшей дочь, но все-таки получившей взамен внука.

– Я надеюсь, что вы простите мне этот обман, миледи, – сказал он. – Его милость...

– Хотел ограбить меня, – закончила за него леди Дансени. – Да, я знаю. Но Уильям зря беспокоился.

Так оно было или нет, однако при мысли о том, что муж переживает за нее, морщинка между бровями леди слегка разгладилась. Джейми этот неявный признак супружеской привязанности тронул – и уколол неожиданной болью.

– Мы небогаты. Ты понял это из слов Эллсмира, – продолжила леди Дансени. – Хэлу-отер погряз в долгах. Впрочем, теперь мой внук – обладатель одного из самых больших состояний в графстве.

Ему нечего было на это сказать, кроме банального «да, миледи», хотя из-за этого он и чувствовал себя сродни попугаю, живущему в большой гостинной. Он видел этого попугая накануне, когда украдкой пробирался на закате через газоны и клумбы к дому, чтобы, когда вся семья соберется к ужину, хоть краешком глаза увидеть нового графа Эллсмира.

– Мы здесь живем очень уединенно, – продолжила она. – Мы редко выбираемся в Лондон, и у моего мужа мало влияния в высших кругах. Но...

– Да, миледи?

До него стало доходить, к чему клонит ее милость, и от волнения сердце ухнуло куда-то в пустоту между ребрами.

– Джон, то есть лорд Джон Грей, происходит из весьма влиятельной семьи. Его приемный отец... впрочем, это не важно.

Она пожалала обтянутыми черным крепком плечами, отмечая несущественные детали.

– Суть в том, что можно будет воспользоваться значительным влиянием, чтобы освободить тебя от данного тобой слова и ты мог вернуться в Шотландию. Поэтому я и пришла спросить тебя: ты хочешь вернуться домой, Маккензи?

У него перехватило дыхание, как будто кто-то нанес ему сильный удар в солнечное сплетение.

Шотландия! Покинуть этот сырой, болотистый край, вновь ступить на запретную дорогу, но шагать по ней легко и свободно, взбираться оленьими тропами на скалы, вдыхать свежий воздух, сдобренный ароматами утесника и вереска. Вернуться домой!

Перестать быть чужим. Уйти от враждебности и одиночества, приехать в Лаллиброх, увидеть просиявшее от радости лицо сестры, которая бросится ему на шею, ощутить крепкие дружеские объятия Айена, услышать веселые голоса детей, заседающих со всех сторон и тянущих его за одежду.

Уехать – и больше никогда не увидеть и не услышать собственного ребенка.

Он смотрел на леди Дансени с совершенно непроницаемым выражением лица, чтобы она не могла догадаться, какое смятение вызвало у него ее предложение.

Вчера ему удалось-таки полюбоваться спящим в корзинке малышом. Чтобы заглянуть в окно детской на втором этаже, он рискованно пристроился на ветке огромной норвежской ели и напряженно вглядывался сквозь завесу иголок.

Личико ребенка было видно только в профиль, одна пухленькая щечка покоилась на кружевной подушечке. Шапочка во сне слегка сбилась, и он увидел гладкий изгиб крохотной головки, слегка припорошенной бледно-золотистым пушком.

«Слава богу, что не рыжий», – была его первая мысль, и он перекрестился в порыве произвольной благодарности.

«Господи, какой же он маленький!»

То была вторая мысль, за которой последовало почти неудержимое желание перебраться с ветки в окно, взять малыша на руки. Эта гладкая, красивой формы головка как раз уместится на его ладони, и в памяти у него останется ощущение крохотного живого тельца, которое он, пусть на миг, прижмет к сердцу.

– Ты крепкий малыш, – прошептал он. – Крепкий, смелый и хорошенький. Но, боже мой, какой же ты крохотный!

Леди Дансени терпеливо ждала. Он почтительно склонил перед ней голову, чувствуя, что, возможно, совершает ужасную ошибку. Но иначе поступить он не мог.

– Я благодарю вас, миледи, но... думаю, я не поеду... пока.

Леди Дансени кивнула. Ничто в ее облике не выдало удивления, лишь одна светлая бровь слегка дрогнула.

– Как пожелаешь, Маккензи. Тебе нужно только попросить.

Она повернулась, словно крохотная фигурка из механических часов, и ушла. Вернулась в мир Хэлуотера, который теперь стал для Джейми в тысячу раз более крепкой тюрьмой, чем когда-либо.

Глава 16

Уилли

К огромному удивлению Джейми Фрэзера, следующие несколько лет оказались для него во многих отношениях едва ли не самыми счастливыми, не считая лет его брака.

Избавленный от ответственности за арендаторов и кого бы то ни было, он отвечал лишь за себя и находившихся на его попечении лошадей, что весьма упрощало жизнь. Кроме того, хотя коронерский суд никаких претензий к нему не имел, Джеффрис проговорился насчет обстоятельств смерти Эллсмира, так что остальные слуги прониклись к Джейми почтением, но держались на расстоянии и в приятели не набивались.

Еды было вдоволь, имеющаяся одежда позволяла ему не мерзнуть и выглядеть прилично, а приходившие с оказией письма из дома заверяли его, что и там дела обстоят хорошо.

Среди преимуществ тихой жизни в Хэлуотере было и то, что неожиданно для него, как-то само по себе восстановилось их приятельство с лордом Джоном Греем. Майор, как и обещал, каждые три месяца навещался во владения Дансени, но по отношению к Фрэзеру проявлял учтивую сдержанность и поначалу ограничивался лишь официальными вопросами, диктовавшимися правилами надзора.

Мало-помалу Джейми понял, что имела в виду леди Дансени, предлагая отпустить его.

«Джон, то есть лорд Джон Грей, происходит из весьма влиятельной семьи. Его приемный отец... в общем, это не важно», – сказала тогда она.

Однако на самом деле это имело огромное значение: Джейми не отправился за океан на почти рабскую каторгу в Америке не по милости его величества, а благодаря влиянию Джона Грея.

И поступил майор так не из желания унижить Джейми положением слуги, наоборот, будучи совершенно чужд злорадству и мстительности, сделал для шотландца самое лучшее, что было возможно на тот момент. Освободить государственного преступника он, естественно, не мог, но максимально облегчил условия его несвободы, предоставив бывшему узнику воздух, свет и лошадей. Это потребовало от него усилия, но он сделал это.

Во время очередного визита майора Джейми дождался, когда Грей останется один. Джон стоял, любуясь статью крупного гнедого мерина, и Фрэзер тихо остановился рядом, прислонившись к изгороди. Несколько минут они оба молча смотрели на лошадь.

– Ход королевской пешкой, – наконец негромко проговорил Джейми, не переводя взгляда.

Он почувствовал, как Грей встрепенулся в удивлении и скосил на него серые глаза, но головы не повернул. Потом деревянная изгородь скрипнула под его рукой – Грей повернулся и оперся на ту же ограду.

– Конь королевы бьет слона, – отозвался майор.

Голос его прозвучал чуть более хрипло, чем обычно.

С тех пор Грей заглядывал на конюшни всякий раз во время своих визитов и проводил время в разговорах, примостившись на грубо сколоченном табурете Джейми. Шахматной доски у них не было, а по памяти они играли редко, но разговоры затягивались допоздна – это была единственная связь Джейми с внешним миром за пределами Хэлуотера и маленькое удовольствие, которое они оба с нетерпением предвкушали.

Помимо всего прочего, у него был Уилли.

Хэлуотер славился лошадьми, и, прежде чем мальчик научился крепко стоять на ногах, дедушка посадил внука на пони и прокатил вокруг загона. К тому времени, когда Уилли исполнилось три года, он уже ездил верхом самостоятельно – правда, под бдительным приглядом конюха Маккензи.

Уилли был крепким, храбрым, славным мальчуганом, с такой ослепительной улыбкой, что ею, наверное, можно было приманивать птиц с деревьев. А еще он был здорово избалован. Девятый граф Эллсмир, единственный наследник Эллсмира и Хэлуотера, не имевший ни отца, ни матери, которые могли бы держать его в узде, частенько вел себя капризно и дерзко с бабушкой и дедушкой, которые в нем души не чаяли, и со своей молодой тетушкой, и, уж конечно, со всеми слугами. Со всеми, кроме Маккензи.

Правда, Джейми опасался, что это до поры до времени. До сих пор угрозы не разрешить мальчику помогать ему с лошадьми хватало, чтобы тот мигом забывал обо всех капризах, но конюх Маккензи всерьез задумывался о том, что юному негоднику, для его же пользы, не помешало бы преподать урок.

Если сам он в детстве и позволял себе заговорить с женщиной так, как говорил Уилли со всеми подряд, от тетушки до служанок, то ему тут же здорово доставалось от любого оказавшегося рядом родственника мужского пола, что немало способствовало воспитанию в нем должной галантности. Неудивительно, что желание затащить мальчишку в пустые ясли и попытаться исправить его манеры возникало все чаще.

Но и большей радости, чем Уилли, у Джейми не было. Мальчик обожал Маккензи, и чем больше подрастал, тем больше времени проводил в его компании: катался на крупных тягловых лошадях, когда они таскали тяжелый каток по горным полям, и храбро устраивался на возах с сеном, спускавшихся летом с верхних лугов.

Однако это безмятежное существование оказалось под угрозой, усиливавшейся с каждым месяцем. По иронии судьбы она исходила от самого Уилли, и тут уж Джейми ничего не мог поделать.

– Какой симпатичный мальчик, просто нет слов! И какой славный наездник! – заметила леди Грозир, стоявшая на веранде с леди Дансени и восхищавшаяся тем, какие кренделя выделывал Уилли на пони, кружа по лужайке.

Бабушка Уилли рассмеялась, с любовью глядя на мальчика.

– О да! Он любит своего пони. Нам стоит больших трудов загнать его домой на обед. А еще больше он любит своего конюха. Мы шутим порой, что он столько времени проводит с Маккензи, что даже стал походить на Маккензи!

Леди Грозир, которая до сего момента, естественно, вовсе не замечала конюха, теперь посмотрела в сторону Маккензи.

– А ведь вы правы! – воскликнула она с явным удивлением. – Только посмотрите, у Уилли тот же наклон головы, тот же разворот плеч! Как забавно!

Джейми почтительно поклонился дамам, но почувствовал, что его прошиб холодный пот.

Он предпочитал закрывать глаза на то, что сходство становится заметным не только ему одному. В младенчестве Уилли был пухленьким, круглолицым и вообще никого не напоминал. По мере того как мальчик подрастал, пухлость со щек и подбородка исчезла, и хотя нос его еще был ребяческой кнопкой, намек на высокие, широкие скулы стал очевиден. Глаза, опущенные густыми черными ресницами, приобрели глубокий темно-голубой цвет и казались чуточку раскосыми.

Когда дамы ушли в дом и Джейми убедился, что за ним никто не наблюдает, он украдкой провел рукой по лицу. Неужели сходство так бросается в глаза? Волосы у Уилли мягкие, светло-каштановые, с едва заметным золотистым блеском – уж они-то унаследованы от матери. А как насчет этих большущих, просвечивающих ушей – неужели его собственные уши так торчат?

Беда была в том, что Джейми Фрэзер уже несколько лет толком не видел собственного отражения. У конюхов зеркал, понятное дело, не водилось, а общества служанок, у которых можно было бы разжиться зеркальцем, Джейми старательно избегал.

Подойдя к корыту с водой, он словно невзначай склонился над ним, сделав вид, будто его внимание привлекла скользящая по поверхности водомерка. Из колеблющегося водяного зеркала, испещренного сенной трухой, водомерками и плавунцами, пересекавшими и рябившими воду во всех направлениях, на него смотрело собственное отражение.

Он сглотнул и увидел, как пошевелилось отражение его горла. Сходство было, конечно, не полным, но определенно имелось. И не только, как справедливо заметила леди Грозир, в посадке головы и развороте плеч, но прежде всего в глазах. Такие же глаза были у его отца Брайана и у его сестры Дженни. Как только кости мальчика окрепнут, как только по-детски курносый нос вытянется и станет прямым, а скулы сделаются еще шире – сходство станет несомненным для каждого.

Джейми выпрямился, отражение в корыте исчезло, а он долго стоял, обратив невидящий взор к конюшне, бывшей на протяжении нескольких последних лет его домом. Стоял июль, солнце припекало вовсю, но холод сковал пальцы Джейми и пробежал дрожью по спине.

Пора вернуться к разговору с леди Дансени.

К середине сентября все устроилось. За день до этого Джон Грей привез официальный документ о прощении. Джейми скопил небольшую сумму денег, которых должно было хватить на дорожные расходы, и леди Дансени подарила ему приличную лошадь. Осталось только попрощаться с Хэлуотером – и Уилли.

– Завтра я уезжаю, – сказал Джейми как бы между прочим, не отрывая глаз от копыта гнедой кобылы.

Пол был усыпан грубой черной стружкой от стертого ороговелого нароста.

– А куда ты едешь? В Дервентуотер? Можно, я поеду с тобой?

Уильям, виконт Дансени, девятый граф Эллсмир, соскочил с края яслей и приземлился с глухим стуком, отчего гнедая прыгнула и фыркнула.

– Не делай этого, – машинально сказал Джейми. – Разве я не говорил тебе вести себя потише рядом с Милли? Она пугливая.

– Почему?

– Ты бы тоже стал пугливым, прижми я тебе колено.

Он вытянул руку и ущипнул мальчика как раз над коленом. Уилли пискнул, отпрянул и рассмеялся.

– А можно мне поехать на Милли, пока тебя не будет, Мак?

– Нет, – терпеливо ответил Джейми который раз за день. – Я тебе тысячу раз говорил, что пока она слишком велика для тебя.

– Но мне хочется поехать на Милли!

– Я слышал.

– Тогда оседлай ее для меня! Сейчас!

Девятый граф Эллсмир высокомерно задрал голову, но вызов в его глазах как-то померк, когда он перехватил холодный взгляд Джейми. Фрэзер медленно поставил вниз копыто лошади, так же неспешно поднялся, подбоченился, выпрямившись во весь свой рост, и, взглянув с высоты шести футов четырех дюймов на графа, едва дотягивавшего до трех футов шести дюймов, тихо, но твердо сказал:

– Нет.

– Да! – Уилли затопал ножкой по усыпанному сеном полу. – Ты должен делать то, что я тебе скажу!

– Нет, не должен.

– Должен, должен!

– Нет, я...

Покачив головой так, что рыжие волосы разметались вокруг ушей, Джейми поджал губы, потом присел на корточки перед мальчиком.

– Послушай меня, – сказал он. – Я не должен делать то, что ты говоришь, потому что я больше не служу здесь конюхом. Я же сказал тебе: завтра я уезжаю.

На лице Уилли отразилось полное недоумение, и даже веснушки на носу потемнели.

– Ты не можешь! – сказал он. – Ты не можешь уехать.

– Приходится.

– Нет!

Маленький граф сжал челюсти, отчего действительно сделался очень похожим на прапрадедушку со стороны отца. Джейми возблагодарил судьбу за то, что никто в Хэлуотере никогда не видел Саймона Фрэзера, лорда Ловата.

– Я не позволю тебе уехать!

– Увы, милорд, тебе уже сказано, что позволять или не позволять мне что-то больше не в твоей воле, – решительно ответил Джейми; его печаль от предстоящей разлуки несколько смягчилась тем, что он наконец мог сказать мальчику то, что хотел.

– Если ты уедешь... – Уилли беспомощно огляделся по сторонам, ища, чем бы пригрозить, и ухватился за первое попавшееся. – Если ты уедешь, – повторил он более уверенно, – я буду визжать, кричать и пугать всех лошадей!

– Только попробуй пискни, маленький негодник, и я хорошенько тебя отшлепаю!

Уже не связанный обязательствами своего положения и всерьез встревоженный мыслью о том, что этот избалованный паршивец, пожалуй, и вправду напугает породистых и ценных лошадей, Джеймс не на шутку рассердился.

От злости маленький граф вытаращил глаза и покраснел. Он набрал полную грудь воздуха, а потом развернулся и помчался по конюшне, оглашая ее воплями и размахивая руками.

Миллз Флер, уже нервничавшая из-за того, что ей опиливали копыта, с громким ржанием вскинулась на дыбы. Ее нервозность передалась лошадям в соседних стойлах, откуда доносились пронзительное ржание и удары копытами; Уилли выкрикивал все бранные слова, которые знал, – запас немалый – и яростно пинал ногами дверцы стойл.

Джейми удалось подхватить узду Миллз Флер и с трудом вывести кобылу наружу, не причинив вреда ни себе, ни лошади. Он привязал ее к изгороди загона, а потом направился обратно на конюшню, чтобы разобраться с Уилли.

Граф вопил во всю мощь мальчишеских легких, выкрикивая ругательства, которые мальчику из хорошей семьи знать вроде бы не полагалось.

Не говоря ни слова, Джейми схватил мальчишку за шиворот, оторвал от земли, отнес, брыкающегося и извивающегося, к колоде, которую использовал для подковки лошадей, сел, перебросил графа через колено и раз пять или шесть основательно шлепнул по заднице. Потом рывком поставил Уилли на ноги.

– Я ненавижу тебя!

Раскрасневшееся лицо было в разводах слез, сжатые кулачки дрожали от ярости.

– Что ж, я тоже от тебя не в восторге, маленький бастард! – отрезал Джейми.

Уилли напрягся и побагровел.

– Я не бастард! – выкрикнул он. – Нет! Забери свои слова обратно! Никто не может называть меня так! Забери свои слова обратно, я сказал!

Джейми в шоке уставился на мальчика. Значит, был разговор и Уилли услышал его. Он слишком долго тянул с отъездом.

Шотландцу пришлось сделать глубокий вдох, потом еще один в надежде, что его голос не будет дрожать.

– Я беру свои слова назад, – тихо сказал он. – Мне не следовало называть вас так, милорд.

Ему хотелось встать на колени и обнять мальчика или взять его на руки и прижать к своему плечу, но это было бы непозволительной вольностью со стороны конюха, пусть бывшего, по отношению к графу, хоть и юному.

Тем более что Уилли знал, как должен вести себя граф: он усиленно шмыгал носом, стараясь сдержать слезы, и пытался утереть лицо рукавом.

– Позвольте мне, милорд, Джейми все-таки опустил на колени и нежно вытер лицо мальчика своим грубым носовым платком. Глаза Уилли смотрели на него, покрасневшие и печальные.

– Ты правда должен уехать, Мак? – тихо спросил он.

– Да, должен.

Джейми заглянул в темно-голубые глаза, до боли в сердце похожие на его собственные, и неожиданно ему сделалось безразлично, правильно ли это и увидит ли кто. Он резко прижал мальчика к себе и крепко прижал к груди так, чтобы лицо Уилли уткнулось в плечо и сын не увидел слез, которые падали на его густые шелковистые волосы.

Уилли обнял его за шею, прильнул к нему, и Джейми ощутил, как маленькое упругое тело дрожит от подавляемых рыданий. Он гладил Уилли по узкой спине, разглаживал ему волосы и бормотал по-гэльски слова утешения.

Наконец он разнял руки мальчика и мягко отстранил его.

– Пойдем со мной в мою комнату, Уилли, я дам тебе кое-что на память.

Он давно уже переехал с сеновала, заняв каморку отошедшего от дел пожилого главного конюха Хью. Комнатушка у кладовки была крохотной и очень скромно обставленной, но имела два преимущества – тепло и уединение.

Кроме койки, табурета и ночного горшка там имелся маленький столик, на котором лежало несколько его книг, большая свеча в глиняном подсвечнике и свеча поменьше, толстая и приземистая, которая стояла сбоку перед статуэткой Богоматери. Фигурка, присланная ему Дженни, была деревянной, недорогой, но ее изготовили во Франции, и весьма искусно.

– А для чего эта маленькая свечка? – спросил Уилли. – Бабушка говорит, что только вонючие паписты жгут свечи перед языческими образами.

– Значит, я и есть вонючий папист, – сказал Джейми с кривой ухмылкой. – Однако это не языческий образ, это статуэтка Девы Марии.

– Правда? – Это заинтересовало мальчика. – А почему паписты жгут свечи перед статуями?

Джейми запустил руку в волосы.

– Ну как тебе сказать... может быть, это способ молиться – и помнить. Ты зажигаешь свечу, читаешь молитву и вспоминаешь тех, кого любишь. И пока свеча горит, пламя напоминает их для тебя.

– А кого ты вспоминаешь?

Уилли поднял на него глаза. Он все еще оставался растрепанным и взъерошенным, но любопытство заставило забыть о недавнем огорчении.

– О, очень многих. Моих родных, живущих в горной Шотландии: сестру и семью, друзей, мою жену.

А иногда свеча горела в память о юной и безрассудной девушке по имени Джинива, но этого он говорить не стал.

Уилли наморщил лоб.

– У тебя нет жены.

– Нет. Больше нет. Но я всегда ее помню.

Уилли протянул короткий палец и осторожно коснулся маленькой фигурки. Руки Девы были приветливо протянуты, прелестное лицо выражало материнскую нежность.

– Я тоже хочу быть вонючим папистом, – решительно заявил Уилли.

– Тебе нельзя! – воскликнул Джейми, одновременно удивленный и растроганный. – Твои бабушка и тетя сойдут с ума.

– А у них пойдет изо рта пена, как у той бешеной лисы, которую ты убил? – деловито осведомился Уилли.

– Я бы не удивился, – сухо ответил Джейми.

– Хочу в паписты! – Личико Уилли выразило решимость. – Я не скажу бабушке или тете Изабель, я никому не скажу. Пожалуйста, Мак! Пожалуйста, разреши мне! Я хочу быть таким, как ты!

Джейми заколебался: он был тронут искренним порывом мальчика, и ему неожиданно захотелось оставить своему сыну что-то большее, чем резную деревянную лошадку, которую он сделал в качестве прощального подарка. Он попытался вспомнить, что рассказывал им отец Макмуррей в школе о крещении. В крайнем случае и если рядом нет священника, обряд может совершить и верующий мирянин.

Пожалуй, было бы натяжкой назвать эту ситуацию крайним случаем, но... Повинуясь неожиданному порыву, он нагнулся за кувшином с водой, который держал на подоконнике.

Глаза, так похожие на его собственные, были широко открыты и серьезны. Джейми осторожно отвел шелковистые каштановые волосы назад с высокого лба. Он окунул в воду три пальца и тщательно начертил крест на лбу мальчика.

– Я нарекаю тебя Уильям Джеймс, – произнес он тихо, – во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Уилли поморгал, скосил глаза, когда капелька воды скатилась с носа. Он высунул язык, чтобы поймать ее, и Джейми невольно рассмеялся.

– Почему ты называл меня Уильямом Джеймсом? – с любопытством спросил Уилли. – Мои другие имена Кларенс Генри Джордж.

Он скорчил рожицу: очевидно, имя Кларенс было ему не по душе.

Джейми спрятал улыбку.

– При крещении ты получаешь новое имя. Джеймс – это твое особое папистское имя. Это и мое имя.

– Правда? – обрадовался Уилли. – Теперь я вонючий папист, как и ты?

– Да, насколько я в этом разбираюсь.

Он улыбнулся Уилли и, поддавшись другому порыву, потянулся за ворот своей рубашки.

– На. Сохрани и это. На память обо мне.

Он аккуратно надел Уилли через голову четки из букового дерева.

– Только смотри никому этого не показывай, – предупредил он. – И ради бога, никому не говори, что ты папист.

– Не скажу, – пообещал Уилли. – Ни единой душе.

Он запихнул четки под рубашку и пригладил ее, желая убедиться, что они незаметны.

– Хорошо.

Джейми протянул руку и на прощание взъерошил Уилли и без того растрепанные волосы.

– А теперь тебе лучше бы поспешить, чтобы не опоздать к чаю.

Уилли пошел было к двери, но на полпути остановился, неожиданно снова расстроившись, и прижал руку к груди.

– Ты сказал, чтобы я хранил это в память о тебе! Но мне нечего подарить тебе на память обо мне!

Джейми слегка улыбнулся. Сердце его сжалось так, что он сомневался, сможет ли вымолвить хоть слово, но все же ему это удалось.

– Не переживай, – сказал он. – Я буду помнить о тебе.

Глава 17 Чудовища

Лох-Несс, август 1968 года

Прищурившись, Брианна отвела назад подхваченную ветром яркую паутину волос.

– Я почти забыла, как выглядит солнце, – сказала она, всматриваясь в солнечный диск, сиявший с непривычной свирепостью над темными водами Лох-Несса.

Ее мать с наслаждением потянулась, радуясь легкому ветерку.

– Не говоря уже о том, каков свежий воздух. Я чувствую себя как поганка, которая неделями растет в темноте, – этакая хлипкая и бледная.

– Из вас обеих вышли бы прекрасные ученые, – сказал Роджер и при этом усмехнулся.

На самом деле вся троица пребывала в прекрасном настроении. После напряженной и упорной работы над тюремными архивами, в результате которой поиски сузились до Ардсмур, им наконец улыбнулась удача. Архивы Ардсмур оказались, с одной стороны, весьма полными, а с другой (по сравнению с большинством других подобных архивов) – удивительно четко организованными. В качестве тюрьмы Ардсмур просуществовал всего пятнадцать лет. После того как силами заключенных якобитов он был обновлен и перестроен, его превратили в гарнизонную крепость, узников же перевели для отбывания наказания в другие места. Большую их часть отправили в американские колонии.

– Никак не возьму в толк, почему Фрэзера не отправили в Америку с остальными, – сказал Роджер.

По этому поводу он даже слегка запаниковал, снова и снова просматривая список заключенных, переведенных из Ардсмур, изучая имена одно за другим, почти буква за буквой, и не находя среди них Фрэзера. Он был уверен, что Джейми умер в тюрьме, и его бросало в дрожь при одной мысли о том, как сказать об этом матери и дочери Рэндолл, пока, перевернув страницу, он не увидел отметку о направлении Фрэзера в место под названием Хэлуотер.

– Я не знаю, – отозвалась Клэр, – но очень удачно, что не отправили. Он... он был, – быстро поправилась она, но недостаточно быстро, и Роджер успел заметить оговорку, – сильно подвержен морской болезни. – Она указала на слегка волнующуюся поверхность озера. – Даже плавание по такой спокойной воде могло заставить его позеленеть.

– А ты страдаешь от морской болезни? – спросил Роджер, с интересом взглянув на Брианну.

Девушка покачала головой, и рыжие волосы разметались по ветру.

– Нет. – Она погладила свой голый живот. – Кованое железо.

Роджер рассмеялся.

– Значит, можно покататься по озеру. В конце-то концов, у тебя каникулы.

– Правда? Это было бы здорово. А рыба здесь водится?

Брианна прищурила глаза от солнца, с надеждой глядя на темную гладь озера.

– Конечно. Я много раз ловил в Лох-Нессе лосося и угрей, – заверил ее Роджер. – Итак, отправляемся в Друмнадрохит и там, на пристани, найдем лодку.

Поездка в Друмнадрохит удалась как нельзя лучше. Стоял один из тех ясных, солнечных летних дней, которые побуждают великое множество туристов в августе и сентябре устремляться в Шотландию. Съеденный им сытный завтрак, приготовленный Фионой, и добрый ланч, дожидаящийся в корзинке, а главное, общество Брианны Рэндолл, чьи длинные волосы развевались на ветру, убеждали Роджера в том, что мир устроен наилучшим образом и все в нем идет как надо.

И о результатах их исследования он мог позволить себе говорить с удовлетворением. Для этого ему пришлось взять в колледже дополнительный отпуск на летний семестр, но дело того стоило.

Когда он нашел запись о высылке Джеймса Фрэзера, ему потребовалось еще две недели упорной работы и расследований – вместе с Бри они даже съездили на выходные в Озерный край, – но завершились поиски обнаружением того, при виде чего Брианна взвизгнула от восторга, нарушив чопорную тишину читального зала библиотеки Британского музея. Им пришлось удалиться в сопровождении волн ледяного осуждения, но находка была бесценной.

Королевский акт о помиловании, заверенный печатью Георга Третьего, датированный тысяча семьсот шестьдесят четвертым годом, на котором значилось имя Джеймса Алекса Маккензи Фрэзера.

– Мы подбираемся все ближе, – радостно объявил Роджер, разглядывая фотокопию акта о помиловании. – Мы уже чертовски близко!

– Близо? – переспросила Брианна, но потом отвлеклась, увидев, что подъезжает их автобус, и разговор на эту тему не продолжила.

Зато Роджер поймал на себе взгляд Клэр: она знала, что он имел в виду.

В какой бы степени ни занимало происходящее Брианну, Клэр оно затрагивало несравненно сильнее. Ведь это она, ступив в круг камней на Крэг-на-Дун в тысяча девятьсот сорок пятом году, исчезла, провалившись в прошлое и оказавшись в тысяча семьсот сорок третьем. Прожив с Джейми Фрэзером почти три года, Клэр вернулась, пройдя сквозь те же камни, в апреле тысяча девятьсот сорок восьмого года, то есть спустя почти три года после исчезновения.

Из всего этого следовало – если допустить как возможность, что ей захочется снова вернуться в прошлое через камни, – она, скорее всего, окажется там спустя двадцать лет после своего исчезновения оттуда, в тысяча семьсот шестьдесят шестом году. А нам теперь точно известно, что за два года до тысяча семьсот шестьдесят шестого Джейми Фрэзер был жив и здоров. Если он прожил еще два года и если Роджер сумеет найти его...

– Вот, смотри! – неожиданно прервала Брианна ход его размышлений. – «Лодки напрокат».

Она указала на табличку в окне паба на пристани, и Роджер направил машину на свободное место парковочной стоянки, больше не думая о Джейми Фрэзере.

– Интересно, почему мужчинам-коротышкам так нравятся высокие женщины?

Голос Клэр за спиной Роджера эхом повторил его собственные мысли с удивительной точностью – и не в первый раз.

– Может быть, синдром мотылька, летящего на огонь? – предположил Роджер, нахмурившись при виде того, как восхищенно смотрел на Брианну маленький бармен.

Они с Клэр стояли перед стойкой, дожидаясь, пока клерк выпишет квитанцию, в то время как Брианна покупала кока-колу и коричневый эль к их ланчу.

Молодой бармен, который доходил Брианне примерно до подмышек, лез из кожи вон, предлагая маринованные яйца и ломтики копченого языка и при этом не сводя с возникшей перед ним богини восторженного взгляда. Судя по смеху, Брианна находила молодого человека забавным.

– Я всегда говорила Бри, чтобы она не связывалась с коротышками, – сказала, глядя на это, Клэр.

– Правда? – сухо спросил Роджер. – Что-то я не заметил, чтобы вы очень преуспели, давая материнские советы.

Клэр рассмеялась, не обращая внимания на то, что он слегка надулся.

– Ну да, в общем, я этим не злоупотребляла. Но когда дело касается столь важного вопроса, поневоле вспомнишь о материнском долге.

– Что-то не так с низкорослыми мужчинами? – осведомился Роджер.

– Не добившись своего, они, как правило, становятся противными. Ну словно мелкие собачонки, сообразительные и пушистые, но стоит их рассердить, и они, скорее всего, больно цапнут за лодыжку.

Роджер рассмеялся.

– Это наблюдение – результат многолетнего опыта, как я полагаю?

– Верно. Я никогда не встречала дирижера оркестра ростом более пяти футов, и практически все они являли собой образчики порочности. Зато высокие мужчины... – Она слегка улыбнулась, окидывая взглядом его фигуру ростом шесть футов три дюйма. – Высокие мужчины почти всегда отличаются нежностью и деликатностью.

– Нежностью, говорите? – произнес Роджер, скользнув оценивающим взглядом по бармену, нарезавшему для Брианны заливное из угря.

На лице девушки отразилась настороженность и недоверие, но она наклонилась вперед и, наморщив нос, взяла предложенный на вилке кусочек.

– Нежностью к женщинам, – продолжила свою мысль Клэр. – Я всегда считала, это потому, что они понимают: им ничего не нужно доказывать. И так совершенно очевидно, что они могут делать что угодно, хотите вы от них этого или нет. Им незачем стараться это доказывать.

– Тогда как низенький мужчина... – подсказал Роджер.

– Тогда как коротышка знает, что он ничего не может сделать, пока ему не позволят. Осознание этого его бесит, вот он и старается все время что-то делать, лишь бы доказать, что он на это способен.

– Ммфм.

Роджер произвел шотландский горловой звук, который означал одновременно и одобрение пронизательности Клэр, и нежелание признавать за барменом права доказывать Брианне что бы то ни было.

– Спасибо, – поблагодарил он клерка, подавшего ему через стойку квитанцию. – Бри, ты готова?

Озеро было спокойным, а клев вялым, но находиться на воде было приятно: августовское солнышко грело спины, с ближнего побережья ветерок доносил запах малинника и нагретых солнцем сосен. Подкрепившись снедью из корзинки, все почувствовали, что их клонит в сон, и вскоре Брианна свернулась клубочком на носу лодки и заснула, уткнув голову в куртку Роджера. Клэр сидела на корме, жмурясь, моргая, но все же не поддаваясь дреме.

– А как насчет низеньких и высоких женщин? – спросил Роджер в продолжение их предыдущего разговора, неспешно подгребая веслом. Он бросил взгляд через плечо на длинные ноги Брианны, которые она неловко подогнула под себя. – К ним относится то же самое? Раз маленькие, значит, противные?

Клэр задумчиво покачала головой.

– Нет, я бы так не сказала. По моему разумению, женский характер зависит не от роста, а от отношения к мужчине. Смотрит ли женщина на любого из них как на врага или просто как на мужчину, то есть скорее с приязнью.

– О, так это имеет отношение к освобождению женщин?

– Вовсе нет, – возразила Клэр. – Точно такие же модели поведения, какие мы наблюдаем сейчас, я видела между мужчинами и женщинами в тысяча семьсот сорок третьем году. Какие-то различия, безусловно, существуют, но они связаны в большей степени с тем, как ведут себя представители разных полов, чем с тем, как они друг к другу относятся.

Она устремила взгляд на темные воды озера, прикрывая глаза рукой. Может быть, она высматривала, нет ли бобров и плавающих бревен, но Роджеру показалось, что ее взгляд устремлен чуть дальше утесов на противоположном берегу.

– Вам нравятся мужчины, верно? – тихо спросил он. – Высокие мужчины.

Она улыбнулась, не глядя на него:

– Один из них.

– И вы отправитесь туда, если мне удастся его найти?

Он положил весла, внимательно всматриваясь в нее.

Прежде чем ответить, Клэр глубоко вздохнула. От ветра ее щеки покраснелись, белая блузка обтягивала фигуру, подчеркивая высокую грудь и стройную талию.

«Слишком молода, чтобы быть вдовой, – подумал Роджер. – Слишком красива, чтобы оставаться одинокой».

– Я не знаю, – ответила она неуверенно. – Мысль об этом или, вернее, мысли об этом – да, меня посещают! С одной стороны, найти Джейми, а с другой... снова пройти через это.

Она поежилась и закрыла глаза.

– Это невозможно описать, понимаете? – продолжила Клэр, погруженная в себя, словно перед ее внутренним взором маячило кольцо стоячих камней на Крэг-на-Дун. – Ужасно, да, но ужас этого рода отличен от любого другого, так что рассказать и впрямь невозможно. – Она открыла глаза и с невеселой улыбкой добавила: – Это все равно что пытаться рассказать мужчине, каково рожать ребенка. Разумеется, то, что это больно, до него дойдет, но отсутствие сколь бы то ни было схожего опыта не позволит ему проникнуться этим по-настоящему.

Сравнение позабавило Роджера, и он хмыкнул:

– Вот оно что? Но по-моему, тут все-таки есть некоторая разница. Знаете, я ведь слышал эти чертовы камни.

Он невольно поежился. Воспоминание о той ночи три месяца назад, когда Джилиан Эдгарс прошла через камни, было не из приятных. Оно приходило к нему в ночных кошмарах. Вот и сейчас Роджер усиленно налег на весла, стараясь его отогнать.

– Как будто тебя разрывает на части, верно? – спросил он, внимательно глядя в глаза Клэр. – Что-то тянет тебя, разрывает, тащит, и не только снаружи, а внутри тоже, так что ты чувствуешь, будто твой череп вот-вот разлетится на куски. И мерзкий шум.

Он снова поежился. Клэр слегка побледнела.

– Я не знала, что вы можете слышать их, – сказала она. – Вы мне не говорили.

– Я не думал, что это важно. – Роджер внимательно поглядел на нее и вполголоса добавил: – Бри тоже слышала их.

– Понятно.

Клэр повернулась и устремила взгляд назад, на озеро, на разбежавшийся в виде буквы «V» кильватерный след их лодки. При прохождении лодок покрупнее расходящиеся крыльями волны отражались от утесов и снова сталкивались в центре озера, формируя продолговатый выпуклый вал – тот самый феномен озера, который часто принимали за вздох чудовища.

– Знаете, оно там, – сказала она вдруг, кивнув на черную торфяную воду.

Роджер открыл было рот, собираясь спросить, что она имеет в виду, но потом сообразил, что знает. Большую часть жизни он прожил близ Лох-Несса, ловил в его водах угрей и лососей и со смехом выслушивал бесконечные истории о страшном чудовище, которые рассказывали в пабах Друмнадрохита и Форт-Августуса.

Возможно, причиной тому было своеобразие ситуации – странно все-таки спокойно сидеть в лодке и обсуждать, должна или нет находящаяся рядом женщина идти на невообразимый риск и катапультироваться в неизвестное прошлое. Непонятно, откуда у него взялась

эта уверенность, но неожиданно ему показалось не только возможным, а и несомненным, что темные воды озера скрывают неведомую, но реальную тайну.

– Что вы имеете в виду? – спросил он отчасти из любопытства, отчасти же чтобы унять беспокойство.

Клэр перегнулась через борт, внимательно глядя на проплывавшее бревно.

– То, что я видела, вероятно, было плезиозавром, – ответила она наконец, по-прежнему смотря не на Роджера, а за корму. – Правда, зарисовок и записей я в то время не делала.

Ее губы тронуло подобие улыбки.

– Сколько вообще существует этих кругов из камней? – спросила вдруг она. – В Британии, в Европе?

– Точно не знаю. Несколько сотен, наверное, – ответил он осторожно. – Вы думаете, они все...

– Откуда мне знать? – нетерпеливо перебила она его. – Суть в том, что это возможно. Их ведь не просто так ставили, ими отмечали нечто важное, а стало быть, существует чертова прорва мест, где это «нечто» происходило.

Она взмахнула головой, отбрасывая назад растрепанные ветром волосы, и улыбнулась.

– Знаете, а это кое-что объясняет.

– Что объясняет?

То, как скакали ее мысли, сбивало Роджера с толку.

– Появление чудовищ. А что, если там, под озером, находится одно из подобных мест?

– Коридор времени, переход, что-то в этом роде? – Ошеломленный этой идеей, Роджер уставился на рябь за кормой.

– Это многое бы объяснило. – В уголке ее рта под завесой упорно падавших на лицо волос таилась улыбка. Непонятно было, говорит ли она серьезно или шутит. – Судя по тому, как описывают здешних чудовищ, больше всего они похожи на доисторических тварей, которые вымерли сотни тысяч лет назад. Если под озером существует коридор времени, то это все объясняет.

– И тогда становится понятно, почему сообщения порой различаются, – подхватил заинтригованный Роджер. – Ведь преодолевать переход могут разные существа.

– И это объяснило бы, почему эти существа не были пойманы, да и видят их не столь уж часто. Не исключено, что они возвращаются другим путем и потому не находятся в озере все время.

– Прекрасная идея! – воскликнул Роджер, и они с Клэр обменялись улыбками.

– Но знаете что? – сказала она. – Бьюсь об заклад, эта теория не обретет широкой популярности.

Роджер рассмеялся и брызнул водой на Брианну. Девушка фыркнула, резко села, заморгала и снова улеглась на дно лодки. Лицо ее покраснелось ото сна, несколько секунд она тяжело дышала.

– Вчера она засиделась допоздна, помогала мне подбирать комплект архивных документов, которые нужно отправить обратно в Лидсский университет, – сказал Роджер, оправдывая Брианну.

Клэр, глядя на дочь, рассеянно кивнула.

– Джейми тоже так мог, – негромко заметила она. – Лечь и заснуть где угодно.

Она умолкла. Роджер продолжал равномерно грести к той точке озера, где среди сосен высились мрачные руины замка Уркварт.

– Дело в том, – прервала молчание Клэр, – что с каждым разом это дается все труднее. Когда я проходила в первый раз, мне показалось, что ничего хуже со мной случиться уже не может, но возвращение было тысячекратно страшнее.

Взгляд ее был прикован к замку.

– Не знаю, было ли так, потому что я возвращалась не в тот день – первый переход был совершен на Праздник костров, – а двумя неделями раньше.

– Джейлис... то есть Джилиан тоже ушла в Праздник костров.

В тот день, несмотря на жару, Роджер почувствовал озноб, увидев фигуру женщины, которая была одновременно и его предком, и современницей; она стояла в свете пылающего костра, на миг зафиксировалась, а потом исчезла навсегда, скрывшись в расщелине стоящих камней.

– Вот что она отметила в своей записной книжке: «Дверь открыта по праздникам Солнца и Огня». Возможно, когда это время приближается, проход приоткрывается частично и переход возможен, хоть и затруднен. А может быть, она вообще ошибалась, ведь она все-раз считала, что это не работает без человеческого жертвоприношения.

Клэр тяжело вздохнула. Облитые бензином останки Грега Эдгарса, мужа Джилиан, были извлечены полицией из каменного круга на майский праздник. О его жене в деле имелась единственная запись: «Скрылась в неизвестном направлении».

Клэр наклонилась через борт, опустив руку в воду. Маленькое облачко набежало на солнце, озеро вдруг приобрело серый цвет, и под порывом ветра на его поверхности появились десятки волн. В кильватере лодки вода стала непроницаемо темной. Глубина Лох-Несса семьсот футов, и вода здесь обжигающе холодная. Кто может жить в таком месте?

– Могли бы вы нырнуть туда, Роджер? – тихо спросила Клэр. – Прыгнуть за борт, нырнуть, спускаться в этой темноте до тех пор, пока у вас не разорвутся легкие, не зная, поджидают ли вас там огромные, тяжеленные, зубастые твари?

Роджер почувствовал, как по спине у него побежали мурашки, и неожиданно налетевший холодный ветер был тут ни при чем.

– Но это еще не все, – продолжила она, не отрывая глаз от темной таинственной воды. – Отправились бы вы туда, окажись там, внизу, Брианна?

Она выпрямилась и, повернувшись, посмотрела ему в лицо.

– Вы бы нырнули?

Янтарные глаза смотрели на него не мигая, словно ястребиные.

Он облизал потрескавшиеся, обветренные губы, бросил через плечо быстрый взгляд на спящую Брианну и снова повернулся к Клэр.

– Думаю, что да.

Она помолчала и кивнула.

– Я тоже.

Часть пятая Тебе не вернуться

Глава 18 Корни

Сентябрь 1968 года

Женщина рядом весила, пожалуй, фунтов триста. Она с присвистом дышала во сне, легкие в двухсоттысячный раз с трудом поднимали ношу ее массивной груди. Мясистое бедро и толстая рука, неприятно теплые и влажные, прижимались к моим.

Деваться было некуда. С другой стороны от меня – стальной изгиб фюзеляжа самолета. Высвободив и приподняв руку, я включила верхний свет, чтобы посмотреть на часы. Десять тридцать по лондонскому времени – как минимум еще шесть часов до приземления в Нью-Йорке. Это если верить расписанию.

Салон самолета наполнился вздохами и сопением пассажиров, старавшихся по возможности скоротать время в дреме. Для меня вопрос о сне не стоял. Смирненно вздохнув, я сунула руку в кармашек на спинке впереди стоящего кресла и достала положенную туда мной наполовину прочитанную книгу. Это был роман одного из моих любимых авторов, но я чувствовала, что не могу сосредоточиться на чтении – мысли возвращались либо к Роджеру и Брианне, которых я оставила в Эдинбурге и которые собирались продолжить поиски, либо устремлялись вперед, к тому, что ожидало меня в Бостоне.

Я не знала, что именно ждет меня, в чем отчасти и заключалась проблема. Мне приходилось возвращаться домой, пусть и ненадолго: отпуск давно кончился, и я несколько раз брала дополнительные дни за свой счет. Предстояло решить ряд вопросов в больнице, оплатить счета, проверить, как дела в оставшемся без присмотра доме – страшно подумать, как заросла лужайка на заднем дворе, – нужно навестить друзей...

В частности, одного. Джозеф Абернэти был самым близким моим другом еще с медицинской школы. Прежде чем принять окончательное – и, скорее всего, необратимое – решение, мне хотелось поговорить с ним. Закрыв лежавшую на коленях книгу, я с улыбкой принялась обводить пальцем завитушки заглавия. Помимо многого иного, к любовным романам меня тоже приохотил Джо.

Мы с Джо познакомились, когда я только начинала обучаться медицине, и сблизило нас то, что мы оба выделялись среди прочих интернов Центральной больницы Бостона.

Я была среди них единственной женщиной. Джо был единственным чернокожим.

Разумеется, мы не могли не чувствовать этой своего рода исключительности, хотя никогда об этом не заговаривали. Нам прекрасно работалось вместе, но во взаимоотношениях мы проявляли осторожность и некоторую скрытность, и то, что существовало между нами до самого окончания интернатуры, можно было назвать скорее приятельскими отношениями, чем дружбой.

В тот день я проводила свою первую самостоятельную операцию – несложное удаление аппендикса мальчику-подростку с хорошим здоровьем. Операция прошла гладко, никаких оснований опасаться послеоперационных осложнений не было, но я все равно ощущала себя в ответе за этого ребенка и не хотела уходить домой, пока он не проснется, несмотря на то что моя смена закончилась. А потому, переодевшись, отправилась в ординаторскую на третьем этаже, чтобы подождать там.

Ординаторская не пустовала – в одном из кресел, погружившись в чтение «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт», сидел Джозеф Абернэти. Когда я вошла, он поднял голову, кивнул и вернулся к журналу.

В ординаторской скопилось немало чтива: как журналов, унесенных из залов ожидания, так и потрепанных книжек в бумажных обложках, оставленных выписавшимися пациентами. Чтобы отвлечься, я стала листать шестимесячной давности журнал «Вопросы гастроэнтерологии», рваный экземпляр журнала «Тайм», перебрала аккуратную стопку «Сторожевой башни» и наконец остановила свое внимание на одной из книжек.

У нее не было обложки, но на титульной странице значилось название: «Пылкий пират».

«Чувственная захватывающая история любви, безграничной, как Карибское море!» – гласила строка под заголовком. «Карибское море», а? Если нужно отвлечься, то это то, что мне надо, подумала я и открыла книгу наугад. Это оказалась сорок вторая страница.

«Пренебрежительно сморщив носик, Тесса встряхнула и откинула назад свои пышные светлые локоны, не обращая внимания на то, что от этого ее соблазнительная грудь еще более заметно обозначилась в низком вырезе платья. Это зрелище заставило глаза Вальдеса расширяться, но иных внешних проявлений того, какое впечатление произвела на него эта роскошная красота, он не выказал.

– Я подумал, что мы могли бы познакомиться поближе, сеньорита, – предложил он тихим страстным голосом, от которого по спине Тессы пробежала дрожь предвкушения.

– Меня не интересует знакомство с... грязным, презренным злодеем-пиратом! – заявила она.

Зубы Вальдеса блеснули, когда он улыбнулся ей, поглаживая рукоять висевшего на поясе кинжала. Ее бесстрашие произвело на него впечатление: такая смелая, такая порывистая... и такая красивая».

Я подняла бровь, но продолжила чтение, уже захваченная текстом.

«Рука Вальдеса властно обвила ее талию.

– Вы забываете, сеньорита, – промолвил он вполголоса, касаясь губами чувствительной мочки ее уха, – что вы – военная добыча и капитан пиратского судна первым имеет право выбора.

Тесса пыталась вырваться из его сильных рук, но он легко преодолел сопротивление, отнес ее к кровати и бросил на расшитое покрывало. Она пыталась восстановить дыхание, в ужасе наблюдая за тем, как пират раздевается. Он отложил в сторону лазурно-голубой бархатный плащ, а потом тонкую кружевную сорочку из белого полотна. У него была великолепная грудь, мускулистая и загорелая, с бронзовым отливом. Когда он взялся за ремень своих штанов, сердце ее перехватило от страха, но в то же время ей страстно хотелось коснуться этой бронзы кончиками пальцев.

– Но нет, – сказал он, остановившись. – С моей стороны было бы неучтиво обойти вас вниманием. Позвольте мне.

С неотразимой улыбкой он наклонился, и груди Тессы оказались сжаты его горячими мозолистыми ладонями – он, наслаждаясь, ощупывал сквозь тонкую шелковистую ткань их чувственную упругость. Вскрикнув, Тесса отстранилась, вжавшись в пуховую подушку с кружевной вышивкой.

– Вы сопротивляетесь? Как жаль, сеньорита, будет испортить такой чудесный наряд...

С этими словами он крепко схватил ее жадеитовый шелковый корсаж и рванул так, что белые груди Тессы выпрыгнули из своего укрытия, как пара упитанных куропаток».

Я хмыкнула, отчего доктор Абернэти резко вскинул взгляд поверх своего журнала. Поспешно придав лицу некое подобие достойной сосредоточенности, я перевернула страницу.

«Густые черные кудри Вальдеса свесились ей на грудь, когда он прижал свои жаркие губы к пунцовым, как роза, соскам Тессы, отчего все ее существо омыли волны мучительного желания. Ослабленная непривычными ощущениями, которые пробудила в ней его страсть, она не могла пошевелиться, когда его рука осторожно взялась за подол ее платья и его жгучее прикосновение прошло по чувствительной стороне ее стройного бедра.

– Ах, любовь моя, – простонал он. – Такая прелестная, такая целомудренная. Ты заставляешь меня сходить с ума. Я хочу обладать тобой с тех пор, как увидел в первый раз, такую гордую и холодную на палубе корабля твоего отца. Но теперь ты не холодна, моя дорогая, а?

И это действительно было так. Поцелуи Вальдеса привели Тессу в смятение. Как могла она испытывать подобные чувства к этому человеку, который хладнокровно потопил корабль ее отца и собственноручно убил сотню людей? Ей следовало бы отпрянуть в ужасе, а вместо этого она тяжело дышала, с готовностью принимая его обжигающие поцелуи, и произвольно выгибала тело, ощущая, как требовательно восстает его мужское естество.

– Ах, моя любовь, – выдохнул он. – Я не в силах ждать. Но... я не хочу причинить тебе боль. Нежно, моя любовь, деликатно...

Тесса ахнула, почувствовав нарастающее давление его желания, заявляющее о себе между ее ног.

– О! – простонала она. – О, пожалуйста! Не надо! Я не хочу, чтобы ты это делал!»

Ну самое подходящее время начать протестовать, подумала я.

«– Не беспокойся, моя любовь, доверься мне.

Постепенно, мало-помалу она расслабилась под прикосновением его гипнотических ласок, ощущая, как усиливается и распространяется тепло внизу ее живота. Его губы скользили по ее груди, а жаркое дыхание и страстный шепот подавили всю волю к сопротивлению, и бедра раскрылись помимо ее воли. Двигаясь с бесконечной медлительностью и обретая бесконечное наслаждение, он сорвал дивный цветок ее невинности».

Хихикнув, я выпустила книжку из рук, и она, соскользнув с моих колен, со стуком упала на пол, к ногам доктора Абернэти.

– Прошу прощения, – пробормотала я и наклонилась за книгой.

Лицо мое горело. Схватив «Пылкого пирата» влажными от пота пальцами, я вдруг заметила, что на обычно строгом и невозмутимом лице доктора расцвела широкая улыбка.

– Позволь, я угадаю, – сказал он. – Вальдес только что сорвал дивный цветок невинности?

– Да, – ответила я, не удержавшись от смеха. – А откуда ты знаешь?

– Сужу по твоей реакции. Ее могло вызвать либо это место, либо эпизод на странице семьдесят три, где он «омыл ее розовый холмик своим жадным языком».

Его короткие пальцы со знанием дела пролистали страницы.

– Что?!

– Посмотри сама.

Он сунул книжку обратно мне в руки, указав на середину страницы.

О господи!

«...откинув покрывало, он склонил свою черную как смоль голову и омыл ее розовый холмик своим жадным языком. Тесса застонала и...»

У меня и самой вырвался стон.

– Ничего себе! Ты и вправду это прочитал? – спросила я, оторвав глаза от Тессы и Вальдеса.

– Ну да, – ответил он, улыбнувшись еще шире и показав крепкие белые зубы. – Два или три раза. Книжка не самая лучшая, но и не плохая.

– Лучшая? А что, есть и другие в том же роде?

– Конечно. Давай-ка посмотрим...

Он встал и начал рыться в стопке потрепанных карманных томиков.

– Нужно искать те, у которых нет обложек, – пояснил он. – Они и есть самые лучшие.

– Надо же! А я-то думала, что ты не читаешь ничего, кроме «Ланцета» и «Медицинского вестника».

– Ну конечно, после тридцати шести часов копания в людских кишках мне только и остается что читать «Методику резекции желчного пузыря», да? Как бы не так! Лучше уж я поплыву в компании с Вальдесом по Карибскому морю. Впрочем, леди Джейн, я ведь тоже думал, что ты не читаешь ничего, кроме «Нового английского медицинского журнала». Внешность обманчива, да?

– Должно быть, – сухо согласилась я. – А что это за леди Джейн?

– Так тебя называют за глаза, – пояснил он, откинувшись назад и сцепив пальцы рук на колене. – Отчасти из-за акцента, такого, будто ты только что пила чай с королевой. Ну и из-за манеры держаться и умения держать других в должных рамках. Видишь ли, ты говоришь как Уинстон Черчилль, то есть если бы Черчилль был леди, – и коллег это слегка пугает. Правда, есть в тебе кое-что еще.

Он задумчиво посмотрел на меня, раскачиваясь в своем кресле.

– Ты говоришь так, словно ожидаешь, что все будет по-твоему, а если и нет, то тебе известно почему. Где ты этому научилась?

– На войне, – сказала я, улыбнувшись его описанию.

Он поднял брови.

– В Корее?

– Нет, во время Второй мировой войны я служила медсестрой во Франции и видела там множество сестер-хозяек, которые одним взглядом обращали интернов и санитаров в желе.

Да и позже непререкаемая властность – если, конечно, она была – не раз и не два сослужила мне добрую службу, позволив поставить на место людей, наделенных куда большими полномочиями, чем сестры и интерны бостонской больницы.

Джо кивнул, обдумывая мое объяснение.

– Что ж, это логично. Я сам использовал Уолтера Кронкайта.

– Уолтера Кронкайта?

Я устала на него.

Он снова ухмыльнулся, показывая золотой зуб.

– А ты можешь вспомнить кого-то получше? К тому же я каждый вечер бесплатно слушал его по радио или телевидению. Развлекал таким манером свою матушку – она хотела, чтобы я стал проповедником. – Абернэти улынулся немного печально. – Правда, болтай я, как Уолтер Кронкайт, там, где мы жили в то время, я бы не дождался до поступления в медицинскую школу.

С каждой секундой Джо Абернэти нравился мне все больше.

– Надеюсь, твоя матушка не была разочарована, когда ты решил стать врачом, а не проповедником?

– По правде говоря, я не уверен, – сказал он, все еще улыбаясь. – Когда я сказал ей об этом, она с минуту смотрела на меня, потом глубоко вздохнула и сказала: «Ну ладно, по крайней мере, ты сможешь снабжать меня по дешевке мазью от ревматизма».

Я усмехнулась.

– Знаешь, мой муж, узнав, что я собираюсь стать врачом, тоже не выказал особого энтузиазма. Он воззрился на меня, помолчал и наконец сказал, что если мне все наскучило, то можно вызваться писать письма для обитателей богадельни.

Золотисто-карие, как ириски, глаза Джо наполнились смехом.

– Ага, родные и близкие – это те люди, которые уверены, будто лучше тебя знают, что тебе нужно и на что ты годишься. «Почему бы тебе вместо этой блажи не заняться мужем и ребенком?» – спародировал он назидательный тон и погладил меня по руке. – Не переживай, рано или поздно они со всем свыкнутся. Вот меня, например, уже не спрашивают, почему я не чищу туалеты, хотя Господь создал меня именно для этого.

Потом пришла санитарка, сообщила, что мой аппендикс проснулся, и я ушла, но дружба, начавшаяся на странице сорок два, не увяла. Джо Абернэти стал одним из ближайших моих друзей, а возможно, единственным близким человеком, который действительно понимал, что я делаю и почему.

* * *

Я слабо улыбнулась, ощущая под пальцами гладкость рельефных букв на обложке. Потом снова убрала книжку в карман сиденья. Сейчас мне вовсе не хотелось отвлекаться.

В иллюминаторе можно было увидеть залитый лунным светом облачный слой, отрезавший нас от земли. Здесь, наверху, по контрасту с бесконечной суетностью жизни внизу царили безмолвие, красота и безмятежность.

У меня возникло странное ощущение, будто я нахожусь в подвешенном состоянии, неподвижная, окутанная коконом одиночества. Даже тяжелое дыхание женщины, сидевшей рядом, казалось только частью «белого шума», состоящего из тишины, прохладного шелеста кондиционера и шороха туфель стюардессы по ковровой дорожке. В то же самое время я знала, что мы неудержимо мчимся в воздухе со скоростью сотни миль в час, устремляясь к какому-то концу, и можно только надеяться, что он окажется благополучным.

В этом подвешенном состоянии я закрыла глаза, вновь возвращаясь к сложившейся ситуации. В Шотландии Роджер и Бри занимаются поисками Джейми. В Бостоне меня ждут моя работа – и Джо. А Джейми? Я попыталась отогнать эту мысль, решив не думать о нем, пока не приму решение.

Я почувствовала легкое шевеление волос, и одна прядь соскользнула мне на щеку нежно, словно любовное прикосновение. Но конечно, то был всего лишь порыв ветерка из вентиляционного отверстия над головой и игра моего воображения. Мне почудилось: застоявшиеся запахи духов и сигарет неожиданно сменились запахами шерсти и вереска.

Глава 19

Призрак

Наконец-то я вернулась домой, на Фэйри-стрит, где я прожила с Фрэнком и Брианной почти двадцать лет. Азалии у двери еще не совсем засохли, но их листочки поникли, а иные уже опали, усыпав пропеченную солнцем клумбу. Лето выдалось жарким – других в Бостоне не бывало, – дождей не было с августа и до сих пор, хотя стояла уже середина сентября.

Я поставила свои сумки у парадной двери и пошла включить шланг. Он лежал на солнышке, как зеленая резиновая змея, которая так нагрелась, что обожгла мне ладонь. Я несколько раз перекидывала эту змею с руки на руку, пока она не охладилась, ожив вместе с плеском воды.

Начать с того, что я не была большой любительницей азалий. Я бы давным-давно их вырвала, но ради Брианны мне не хотелось ничего менять в доме после смерти Фрэнка. Хватило и того, что она лишилась отца в год поступления в университет. Сама-то я долгое время не обращала на дом никакого внимания и вполне могла продолжать в том же духе.

– Ладно! – сердито сказала я азалиям, выключив шланг. – Надеюсь, что вы напились, потому что больше вам от меня ничего не дожидаться. Меня и саму жажда измучила. И мне хочется принять ванну, – добавила я, глядя на их заляпаные листья.

Накинув халат, я присела на краешек большой ванны, глядя, как вода с грохотом наполняет ее, взбивая пену для ванны в душистые облачка. Над бурлящей поверхностью поднимался пар – наверняка получилось горячевато.

Я выключила воду, быстро завернув кран, и осталась сидеть на краю ванны. В доме царил тишина, нарушаемая лишь потрескиванием лопавшихся пузырьков, слабым, как звуки отдаленного сражения. Я вполне отдавала себе отчет в том, что я делаю. Это началось в тот самый момент в Инвернесе, когда я заняла свое место в экспрессе «Летучий шотландец» и ощутила качку вагона, несущегося по железнодорожному полотну. Я проверяла себя.

Я внимательно отмечала все технические устройства, свойственные современной повседневной жизни, и, что более важно, старалась осознать свое собственное отношение к ним. Поезд на Эдинбург, самолет на Бостон, такси из аэропорта и десятки привычных мелочей: торговые автоматы, светофоры, стерильно чистые туалеты с унитазами, в которых при нажатии клапана кружит, смывая отходы и микробов, зеленоватая дезинфицирующая жидкость. Рестораны с аккуратными сертификатами от Министерства здравоохранения, гарантирующие, что ты, по крайней мере, не отравишься этой пищей. И вездесущие кнопочки внутри моего собственного дома – те, с помощью которых было так легко обрести свет, тепло или приготовить пищу.

Вопрос в том, насколько мне все это нужно? Я опустила руку в исходящую паром воду в ванне и повертела ее туда-сюда, наблюдая, как кружатся в мраморных глубинах тени водоворота. Смогу ли я обходиться без всех этих удобств, больших и малых, к которым так привыкла?

Я задавала себе этот вопрос каждый раз, нажимая на кнопку, поворачивая кран, включая двигатель, и обрела уверенность, что ответ на него – «да». В конце концов, эпоха – не самое главное: даже в этом городе можно найти людей, обходящихся без многих удобств, не говоря уж о том, что есть целые страны, большая часть населения которых живет, не имея представления об электричестве.

Меня лично это не слишком заботило. После смерти родителей – мне было тогда пять лет – я жила с моим дядей Лэмом, выдающимся археологом, и выросла в условиях, которые вполне можно было назвать примитивными, поскольку сопровождала его в полевых экспе-

дициях. Да, горячие ванны и лампочки – это хорошо, но мне и взрослой случалось обходиться без них – например, во время войны. И их нехватка никогда не ощущалась мной так уж остро.

Вода достаточно остыла и стала вполне терпимой. Я сбросила халат на пол, залезла в ванну, ощутив приятную дрожь при первом контакте горячей воды с холодной кожей, и расслабилась, вытянув ноги. Ванны восемнадцатого века представляли собой всего лишь большие бочки, поэтому мылись в них по частям: сначала окунали тело, свешивая ноги наружу, а потом вставали во весь рост и мыли туловище, а ноги тем временем отмокали. Впрочем, и такие бочки считались роскошью, чаще же всего люди мылись с помощью тряпицы, стоя в тазике и поливая себя из кувшина.

Да, это не так удобно, как современная ванна, – но только и всего. Современный комфорт приятен, но в нем нет ничего такого, без чего нельзя было бы обойтись.

Разумеется, удобства в конечном счете не единственная и, может быть, не главная проблема. Прошлое – опасная территория. Однако разве успехи так называемой цивилизации гарантируют безопасность? Я пережила две главные «современные» войны – в одной из них участвовала сама, – а теперь каждый вечер слышала с экрана о том, как готовится третья.

А ведь «цивилизованная» война, тут уж не поспоришь, еще ужаснее, чем ее прежние версии. Повседневная жизнь, может, и стала безопаснее, но только если предпринимать меры предосторожности. Кварталы Роксбери не менее опасны, чем аллея, по которой я ходила в Париже двести лет назад.

Я вздохнула и выдернула затычку пальцами ног. Не стоит отвлекаться на безличные вещи типа ванн, бомб и насильников. Домашняя сантехника – это сушая мелочь. Главное – и так было и будет всегда – это причастные к событиям люди. Я, Брианна и Джейми.

Последняя вода с журчанием убежала в сливное отверстие. Я встала, ощущая легкое головокружение, и вытерла остатки пузырьков. Большое зеркало затуманилось от пара, но было достаточно ясным, и я отражалась в нем от коленей вверх, розовая, будто сваренная креветка.

Уронив полотенце, я оглядела себя, повертелась перед зеркалом, расслабляя и напрягая различные группы мышц. Результат в целом меня удовлетворил. Хорошо, что в нашей семье не было предрасположенности к полноте. Дядя Лэм оставался подтянутым и поджарым до самой смерти, которая наступила в семьдесят пять лет. Я предполагала, что мой отец имел сходное телосложение. А как выглядела задница моей матери? В конце концов, женщинам приходится мириться с некоторым количеством жировой ткани.

Я развернулась и через плечо осмотрела в зеркале себя сзади. Длинные мышцы спины влажно поблескивали, когда я изогнулась и убедилась, что у меня по-прежнему имеется талия, и к тому же тонкая.

Что же касается задницы...

– Во всяком случае, никаких ямочек, – произнесла я вслух, после чего вновь повернулась лицом к своему отражению. – Могло бы быть гораздо хуже, – сказала я ему.

Немного прибодрившись, я надела ночную рубашку и пошла готовить дом ко сну. Слава богу, этот процесс не включал заботы о кормлении на ночь котов или собак. Бозо, последняя из наших собак, умерла от старости в прошлом году, а заводить новую, памятуя о том, что Брианна заканчивает школу, а сама я подолгу задерживаюсь в больнице, было бы неразумно.

Наладить термостат, проверить замки на окнах и дверях, проследить, чтобы были выключены горелки на плите. Вот и все. Целых восемнадцать лет этот ночной маршрут включал остановку в комнате Брианны, но только до того, как она поступила в университет.

По привычке я распахнула дверь в ее комнату и включила свет. У одних людей есть умение обращаться с предметами, у других его нет. У Бри оно имелось: почти ни дюйма свободного пространства не было видно на стенах между постерами, фотографиями, засушенными цветами, клочками декоративных тканей, документами в рамках и прочим мусором.

Некоторые умеют обустроить все вокруг себя так, что предметы не только приобретают собственное значение и соотносятся с прочими вещами, но и, более того, формируют не поддающуюся определению ауру, присущую их невидимому владельцу и им самим. Кажется, эти вещицы в комнате говорили: «Я нахожусь здесь, потому что Брианна поместила меня сюда. Я здесь, потому что она такая, какая есть».

«По правде говоря, странно, откуда у нее этот дар?» – подумала я. У Фрэнка он был. После его смерти я наведальась в его университетский кабинет, и он напомнил мне окаменелые останки какого-то вымершего животного: книги, бумаги и всевозможные мелочи обладали формой, текстурой и исчезнувшим весом того сознания, которое обитало здесь и создало это пространство.

Для некоторых из предметов Брианны родство с ней было очевидным. Фотографии, на которых были изображены я, Фрэнк, Бозо, друзья. Фрагменты ткани отражали ее вкус, заставляя вспомнить ее любимые узоры и цвета – яркий бирюзовый, темный индиго, фуксин и ясный желтый. Но другие вещи? Почему россыпь ракушек на бюро говорит мне: «Брианна»? Чем примечателен округлый кусочек пемзы, подобранный на пляже в Труро и неотличимый от сотни тысяч других, кроме того факта, что его подобрала она?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.